

1

ISSN 0206-8680

КИНОСЦЕНАРИИ

М. АНТОНИОНИ

Р. В. ФАССБИНДЕР

Г. ДАНЕЛИЯ Р. ГАБРИАДЗЕ А. ХАЙТ

А. ИНИН Л. ГАЙДАЙ Ю. ВОЛОВИЧ

И ДРУГИЕ

1992

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ ДАМЫ И ГОСПОДА!

Ваш давний и верный друг журнал «Киносценарии» имеет честь и удовольствие поздравить вас с Новым 1992 годом! Желаем вам счастья, здоровья, добра, новых радостных встреч и новых хороших вестей. Ни в коем случае не похожих на ту весть, которую недавно сообщила одна уважаемая газета: «Журнал «Киносценарии» умер». Прочитав об этом, мы вспомнили телеграмму Марка Твена в редакцию, правда, другой газеты, но столь же «достоверно» сообщившей про его кончину: «Слухи о моей смерти несколько преувеличены».

Да, друзья, не верьте слухам, мы живы и собираемся и далее жить вместе с вами в наше нелегкое и удивительное время. Причем время это нас не пугает, мы знаем: потребность в искусстве неистребима во все времена! Более того, в трудные дни тяга к прекрасному особенно сильна. Так что в стремлении жить долго и счастливо нас одобряет общий исторический опыт, наш собственный оптимизм и духовно-материальная поддержка Союза кинематографистов, Гильдии кинодраматургов, «Киноцентра» и даже Российской товарно-сырьевой биржи.

Итак, мы будем жить. Но мы будем жить по-иному. Мы изменимся. Надеемся, в лучшую и более симпатичную для вас сторону. Мы перестанем печатать материалы по философии, киноведению и социально-политическим наукам — этим занимаются специальные издания, и мы желаем им успеха. А наше дело — кино. Мы — редчайший в мире журнал, публикующий литературные сценарии кинофильмов. И мы будем и впредь печатать их — возможно, и меньше количеством, но непременно — лучше качеством. Вас ждут сценарии знаменитых мэтров и талантливой молодежи. Вы сможете прочесть то, что уже стало основой фильмов, которые признаны шлягерами сегодня, и то, что еще только станет основой шлягеров, которые снимут завтра.

Раз вы читаете наш журнал, значит вы убеждены, что кинодраматургия — это подлинная литература. Мы постараемся не только поддержать, но и развить это ваше убеждение, представив кинодраматургов и как авторов сценариев, и как новеллистов и поэтов, сочинителей увлекательных эссе и завлекательных мемуаров. А впрочем, не только кинодраматургов. Мы пригласим на наши страницы киноактеров и кинооператоров, композиторов и гримеров, художников и монтажеров — всех, кто знает интересное про кино и умеет интересно рассказать.

Вряд ли мы сообщим вам новость, объявив, что кино — искусство зрелищное. Но полагаем, приятной новостью для вас станет более зрелищная форма нашего журнала. Теперь у вас появится возможность не только разнообразнее, увлекательнее почитать, но и живее, ярче посмотреть — фотографии и рисунки, оригинальные коллажи и дружеские шаржи.

Мы понимаем, что вы, медленно, но верно осваивающие «волчьи» законы надвинувшегося на нас рынка, читая эту рекламу, а мы не скрываем, что это — реклама, уже задаете себе и нам вопрос: сколько же будет стоить этот широко рекламируемый «товар»? Отвечаем на ваш безмолвный, но явный вопрос: мы сделаем все от нас зависящее, чтобы цена подписки осталась неизменной.

А что касается самого рынка, то поверьте, в отличие от пустых полок магазинов, нашим кинотворцам есть что вам предложить, причем на всякий — и самый строгий, и самый легкомысленный — вкус.

Еще раз с Новым годом, дорогие товарищи дамы и господа!

Давайте проживем его вместе!

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

РОССИЙСКАЯ

ТОВАРНО-СЫРЬЕВАЯ

БИРЖА

Если вы хотите достичь коммерческого успеха, процветания своего дела, самое верное решение — стать клиентом РТСБ. Сотрудничество с РТСБ — это оперативный доступ к сырью и оборудованию, контакты с надежными партнерами. Сегодня РТСБ — это свыше 1200 брокерских контор во всех республиках и регионах страны. Интерес к работе РТСБ проявляют многие зарубежные фирмы.

*РТСБ — это высококвалифицированный персонал.
РТСБ — это ответственность перед клиентом.
РТСБ — это высокая деловая этика.*

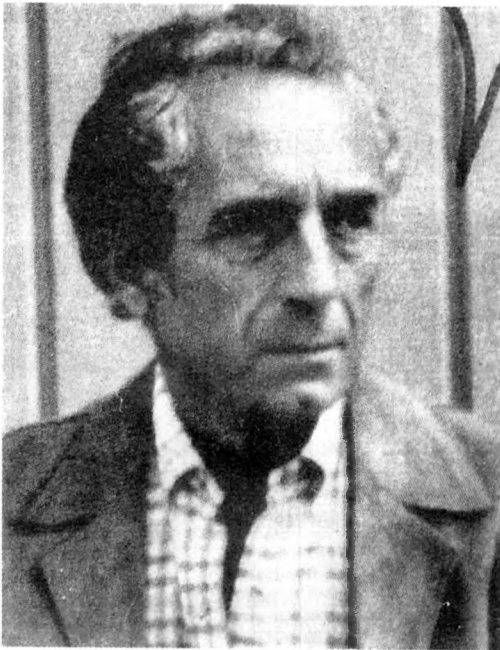
Заявки на участие в торгах РТСБ можно подавать непосредственно брокерским конторам или по биржевому каналу — телефон в Москве: (095) 262-80-80 (работает круглосуточно).

От вас необходимо только одно — знать, что вы хотите продать или что вам нужно купить.

Все остальное — это наши проблемы.

Микеланджело
АНТОНИОНИ

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Лондон. Раннее утро. В мощный двор, окруженный современными строениями, въезжает джип, битком набитый кричащими студентами в причудливых одеждах и с добела напудренными лицами.

Джип разворачивается, снова выезжает на улицу, исчезает. Слышатся гомон и крики студентов.

Джип со студентами останавливается у въезда на площадь. Студенты с воплями и смехом выбираются из машины и, размахивая руками, выбегают с Сент-Джеймс-стрит, лавиной устремляясь по главной улице.

Студенты бегут посередине улицы. Некоторые из них останавливаются и смотрят на что-то, невидимое нам.

Со двора Кэмбервелл Ресепшн Сентр — приюта для бедных — через главные ворота движется небольшая группа людей в обносках. Среди них — молодой человек лет двадцати пяти, непричесанный и небритый. В руках у него мятый бумажный пакет.

Группа мужчин молча направляется в сторону железнодорожного моста, по которому движется поезд.

Люди проходят через последние ворота, ведущие на улицу. Молодой человек сворачивает направо и исчезает. Студенты в это же время, по-прежнему гомоня, бегут по улице, время от времени останавливая машины. После тишины предыдущей сцены гул улицы и крики студентов оглушают.

Студенты останавливают белый автомо-

биль, просят пассажиров пожертвовать деньги.

Затем они окружают черный автомобиль.

Мы видим, как толпа бродяг, достигнув железнодорожного моста, начинает расходиться в разные стороны.

Молодой человек стоит под аркой возле приюта с пакетом под мышкой. Рядом с ним трое мужчин, ночевавших сегодня там же, где и он. Спустя несколько мгновений, пробормотав на прощание друг другу: «Увидимся вечером, если еще вернешься...», они уходят. Молодой человек настороженно смотрит по сторонам. Потом поворачивает за угол и, прибавив шагу, переходит на бег. Камера следует за ним. Молодой человек бежит к автомобилю, припаркованному вдали.

Из больших ворот выходят две монахини, перед Сент-Джеймс-Пэлес заворачивают за угол. Камера следует за ними. Навстречу монахиням с воплями несутся студенты, едва не сбивая их с ног. Монахини, ускоряя шаг, минуют гвардейца в красном мундире и медвежьей шапке, который прохаживается у входа во дворец.

Неожиданно появляется «роллс-ройс», за рулем которого Молодой человек. Студенты, развернувшись на углу в шеренгу, смыкаются вокруг машины в кольцо.

Трое студентов трясут над головой Молодого человека жестяными банками. Молодой человек смеется.

Студент. Ваши деньги...

Молодой человек шарит на заднем сиденье среди вороха газет. Там же лежит бумаж-

ный пакет, который он недавно держал под мышкой. Из пакета выглядывает объектив дорогого фотоаппарата.

Молодой человек находит портмоне и протягивает студентам фунт.

Студентка. Спасибо!

Студенты убегают.

«Роллс-ройс» движется в противоположном направлении, возле перекрестка замедляет ход, пересекает дорогу и исчезает в оленьем туннеле.

Машина выезжает из туннеля. Молодой человек говорит по радиотелефону, расположенному под приборным щитком.

Молодой человек. Небо-четыре-три-девять. Небо-четыре-три-девять. Прием.

Голос Свяznego. Небо-четыре-три-девять. Вас понял. Прием.

Молодой человек. Свяжись с Западом-ноль-два-один-девять. Передай им, что я еду, понял?

Голос Свяznego. Понял. Выполняю. Конец связи.

Мы следуем за «роллс-ройсом» по улице в Кенсингтоне. Автомобиль останавливается перед черным гаражом с громадными цифрами: 39. Здесь фотостудия Молодого человека. Фотограф достает из коричневого бумажного пакета фотоаппарат, кладет в бардачок, запирает. Затем, взяв пакет, выходит из машины и идет к маленькой двери в гараже.

Фотограф открывает дверь и исчезает за ней.

Прихожая в фотостудии оборудована под приемную небольшой конторы. Секретарша, миловидная девушка-азиатка, склонившись под лампой, ретуширует фотографию. Фотограф проходит через приемную:

Фотограф. Привет, лапочка.

Секретарша. Привет.

Фотограф направляется в следующую комнату. На верхний этаж он может попасть либо пересекши огромную комнату, либо вскарабкавшись по узкой лестнице, которая ведет прямо в его личные апартаменты. Фотограф предпочитает лестницу.

Пройдя узкий коридор, он оказывается на кухне, где другой молодой человек, сидя за столом, пьет кофе. Это один из двух ассистентов Фотографа. Фотограф достает из пакета несколько пленок и передает их Ассистенту.

Фотограф. Проявишь их, понял?

Ассистент. Угу.

На заднем плане мы мельком замечаем двух девушек-натурщиц, наводящих макияж и примеряющих костюмы.

Фотограф (Ассистенту). Сейчас же.

Потом он открывает дверь в гостиную, служащую одновременно студией, окидывает ее взглядом и, скользнув внутрь, идет к столу

мимо ширмы, установленной в студии, в матовом стекле которой мелькает отражение еще одной Натурщицы. Фотограф кладет на стол фотоаппараты и наливает себе стакан вина. Через студию проходит Ассистент с пленками. Голос Натурщицы заставляет Фотографа обернуться.

Натурщица. Это я.

Фотограф. Готова? (Отворачивается.)

Натурщица, в черной шали, сидит на скамье в жилой части студии. Она встает и, нагнувшись под низкой балкой, проходит вперед.

Натурщица. Да я уж час как готова!

Фотограф (из-за кадра). Отлично!

Фотограф подготавливает студию. Натурщица подходит к нему.

Натурщица. У меня самолет в одиннадцать. Мне надо в Париж, поэтому я не могу...

Фотограф (одновременно с Натурщицей). Что не можешь?

Фотограф подбирает несколько крашенных страусиных перьев.

Натурщица. Нет, ничего.

Фотограф подходит к Натурщице, изучающе на нее смотрит. Натурщица выглядит немного усталой.

Фотограф. С кем это ты, черт побери, провела ночь?

Натурщица улыбается, уходит из кадра.

Фотограф. Рэ! (Показывает большим пальцем на потолок.)

Рэг поспешно открывает жалюзи, закрывающие застекленный потолок. Потoki естественного света заливают Натурщицу, снимающую шаль.

Фотограф, положив на пол страусиные перья, снимает ботинки, пристально глядя на Натурщицу. Потом медленно, держа в руке страусиные перья, приближается к Натурщице.

Натурщица стоит перед бумажным задником. На ней свободное короткое темное платье с разрезами по бокам. Платье надето на голое тело. Фотограф укрепляет страусиные перья на планке за Натурщицей.

Натурщица стоит на фоне колышущихся вокруг нее перьев.

Фотограф располагается возле штатива с фотоаппаратом. Рэг стоит рядом с ним.

Фотограф. Рэг, поставь что-нибудь для настроения.

Рэг ставит пластинку на проигрыватель, а Фотограф тем временем наводит резкость.

Раздается чувственная джазовая мелодия. Натурщица перед задником. Перья слева от нее. Натурщица принимает различные позы. Она раскованна и гибка, словно гуттаперчевая кукла.

Фотограф (из-за кадра). Хорошо.

Он несколько раз щелкает затвором фотоаппарата.

Фотограф. Так... Отлично... Прекрасно... Вот так постой еще.

Натурщица, опершись на руку, медленно опускается на пол. Принимает очередную позу, Томас фотографирует.

Натурщица откидывает волосы назад.

Щелчок.

Натурщица подается вперед. Щелчок.

Натурщица поднимается, начинает изгибаться в такт музыке. Щелчок.

Ассистент устанавливает новый фотоаппарат. Фотограф, по-прежнему пристально глядя на Натурщицу, отпивает глоток вина.

Резко — сначала Натурщица, потом опять Фотограф. Тот опускается на колени рядом с Натурщицей. Снимает.

Рэг заряжает пленкой первый фотоаппарат.

Фотограф (*из-за кадра*). Рэг!

Рэг передает фотографу новый фотоаппарат. Тот, не отрывая взгляда от Натурщицы, вешает фотоаппарат на шею.

Фотограф продолжает снимать, скорчившись возле Натурщицы.

Фотограф. Улыбочку. Ну-ка. Так. Отлично.

Придвигается к Натурщице, прижимает фотоаппарат к подбородку, словно приклад автомата. Снимает.

Еще ближе к Натурщице. Оба на коленях. На проигрывателе новая пластинка, темп музыки теперь быстрее.

Фотограф. Нагнись... Еще... Вот так... Так... Хорошо...

Натурщица сидит на полу. Фотограф носит вокруг нее, возбуждаясь все сильнее. Откидывает ей волосы назад.

Фотограф. Теперь волосы назад. Волосы назад. (*Шепчет ей что-то на ухо. Натурщица улыбается.*) Давай. Отлично. Великолепно! Очень хорошо. Прекрасно. Вот так. Еще чуть-чуть. Ну покажи мне... Покажи как следует... Давай!

Он отступает от Натурщицы и, немного присев, снимает кадр за кадром.

Фотограф. Быстро, как только...

Отходит в сторону, выбирая новый ракурс. **Фотограф** (*из-за кадра*). ...можешь. Как только можешь. Ну-ка... Сделай это для меня! Сюда... (*Появляется в кадре.*) Хорошо... Так хорошо... Теперь в эту сторону. В эту сторону. Выпрямись. Теперь вперед. Прямо, вперед...

Берет руку Натурщицы, фиксирует ее у рта. Вновь начинает снимать.

Фотограф. Руку выше. Выше. Прекрасно. Прикоснись к лицу. Очень хорошо. Теперь снова, с этой стороны. С этой стороны.

Ищет новый ракурс.

Фотограф. Теперь пол-лица. Пол-лица. Хорошо. Теперь волосы. Волосы. (*Показывает Натурщице жестаи. Та распускает волосы.*) Потрясающе! Классно! Хорошо... Так... Волосы... Еще... Еще-еще... Хорошо. Отлично.

Да, вот так — хорошо... Хорошо... Хорошо... Так! Продолжай... Вот так... Вот так... И вот так!

Натурщица, откинув голову назад, встряхивает волосами. Томас снимает.

Фотограф. То что надо. Поверни голову налево... Встряхни волосами... Еще разочек... Хорошо...

Встает, снимает фотоаппарат с шеи и передает его Ассистенту.

Фотограф. Отлично, Рэг. Пятьдесят.

Рэг подает ему другой фотоаппарат. Прикрыв его на плече, Фотограф оборачивается к Натурщице.

Фотограф. Можешь расслабиться. Ляг на спину. Давай. Ну-ка, ну-ка!

Натурщица ложится на пол, медленно, со знанием дела выгибает тело. Фотограф начинает снимать.

Фотограф (*из-за кадра*). Давай-давай. Работай... Работай... Работай... Отлично! Великолепно! И еще раз... Спина... спина... Руки вверх... Вверх... Протяни руки...

Расставив ноги, фотограф встает над Натурщицей и, непрерывно щелкая затвором, опускается все ниже. Садится на нее верхом. Снова что-то шепчет на ухо Натурщице, та снова улыбается и протягивает к фотографу руки, словно пытаясь его обнять. Фотограф приходит в возбуждение. Движения его становятся совершенно иступленными. **Фотограф**. Выгнись... Выгнись, малышка. Отлично. И еще раз. Давай. Работай. Вот так. Продолжай. Изумительно. Не сдерживай себя... Отлично. Продолжай... Думаю о том, что я тебе сказал. Нет-нет... Голову... Голову выше...

Мы видим Натурщицу вблизи. Она медленно поднимается. Садится.

Фотограф. Ради меня... Я прошу тебя... Так... так...

Томас стоит на коленях над Натурщицей. Команды его все громче.

Фотограф. Так... Так! Так!

Заканчивает съемку. Натурщица, совершенно измученная, откидывается на спину.

Фотограф встает и плюхается на диван. На переднем плане — лежащая на полу Натурщица. Телефонный звонок. Ассистент подходит к телефону и снимает трубку. Натурщица встает и уходит. В кадре стройные голые ноги Натурщицы.

Ассистент (*за кадром*). Алло... Да, минутку.

Возвращается с телефоном в руке, передает трубку фотографу.

Ассистент. Это Питер.

Фотограф. Алло... Что? Да... да... Да, где-то записан. Точно помню. А? Да, подожди у телефона.

Кладет трубку на стол.

Фотограф. Рэг, поищи там адрес этого чертова магазина, где утиль продают.

Ассистент забирает телефон и уходит.

Сквозь дверной проем мы видим, как Фотограф бреется в ванной. На нем свежая голубая рубашка и белые джинсы.

Когда он начинает ополаскивать лицо, неожиданно появляется первый Ассистент с фотографиями. Фотограф, вытираясь, рассматривает снимки.

Фотографии сняты в Ресепшн-Сентр: портреты бродяг, мерзкого вида окрестности, отбросы общества, на лицах спящих людей — удивленное выражение.

Фотограф (за кадром). По-моему, просто сказка! Ну-ка что там еще? (*Вертикальная панорама: Томас с Ассистентом разглядывают фотографии.*) Ага... Так... Отлично!

Берет со стула лохмотья, в которые недавно был одет, и передает их Ассистенту.

Фотограф. На вот, можешь сжечь.

Выходит из ванной, за ним следует удивленный Ассистент.

Совершает в обратном направлении путь, который он проделал несколькими часами раньше, когда приехал в студию. Застегивая ремешок наручных часов, входит в просторный холл, ведущий в студию на первом этаже. Звучит джазовая мелодия. Ассистент, свалив тряпье в ящик, идет за фотографом. Входят в студию. Панорамный обзор: под потолком окно во всю стену, наверху, на балюстраде, — перегородка из прозрачного пластика, за которой видна танцующая Натурщица. Сунув пальцы в рот, Фотограф свистит.

Фотограф (кричит). Рэг!

В дверном проеме на верхней лестничной площадке появляется Рэг.

Фотограф (за кадром). Попроси этих птичек спуститься.

Рэг. Понял. (*Исчезает за дверью.*)

Появляются пять натурщиц. Смотрят из-за пластиковой перегородки вниз.

Фотограф стоит посреди нижней студии, рассматривая висящий здесь полотняный задник с фальшивым потолком, вровень с которым укреплены панели из матового стекла. Все готово к съемке. Он снимает ботинки: бродит в задумчивости между панелями.

Костюмерша подгоняет наряды на натурщице, скальвает булавками платье на спине. Фотограф с Ассистентом подходят к штативу с фотоаппаратом. Костюмерша рядом с ними.

Обе натурщицы принимают позы. Одна из них, в длинном черно-белом плаще, жует резинку; вторая, в серебристом платье и кепи с блестками, стоит с поднятой рукой.

Фотограф. Эй! Никаких жвачек. Выплюнь. Только не на пол. (*Натурщица прилепляет комочек жевательной резинки за ухом.*) А ты опусти руку... Вот так.

Ассистент сообщает ему показания экспонометра.

Фотограф делает пробный снимок. Потом

проходит между двумя ширмами, смотрит вверх.

Фотограф. Кошмар...

Натурщицы замерли в различных позах перед задником. Фотограф подходит к одной из них и хватает за ногу.

Фотограф. Подвинь немного вперед.

Довольно грубо переставляет ногу Натурщицы.

Фотограф. Голову выше!

Натурщица выполняет его указания. Фотограф уходит за ширму.

Панорама: натурщицы, застывшие в различных позах.

Фотограф возвращается к фотоаппарату, делает несколько снимков. На переднем плане натурщица-блондинка, отражение другой можно видеть в стеклянной ширме. Натурщицы меняют позы.

Фотограф. Ну давай... Открой рот. Так... Хорошо.

Натурщица выполняет его требование. Мы переводим взгляд с этой натурщицы на другую, стоящую рядом.

Натурщица в кепи с блестками театрально поворачивает голову вправо. Четвертая девушка покачивается в такт музыке.

Натурщица в плаще почесывает голову, отклоняется назад и изображает удивление.

Фотограф делает несколько снимков.

Любительница театральных жестов томно опускается на пол и, подперев голову рукой, вытягивает ногу.

Фотограф машет рукой.

Фотограф. Нет, не годится. Халтура. Еще раз. По новой. Сосредоточьтесь.

Натурщицы принимают необходимые позы.

Фотограф. Сосредоточились...

Подходит к натурщице-блондинке. На ней белое свободное длинное платье с черными бретелями, которые она поддерживает руками. Костюмерша и Рэг равнодушно наблюдают за происходящим.

Фотограф. Отпусти бретели. Пусть платье ниспадает свободно. (*Натурщица опускает руки.*) Абсолютно свободно. Это очень важно... Чтобы можно было поднимать руки... и опускать. (*Поднимает и опускает руки, показывая как.*)

Возвращается к фотоаппарату.

Фотограф. Вот так. Очень изящно... Мне нравится. Продолжаем... Есть... Хорошо. Поменяйтесь местами. (*Передвигает штатив вправо.*) Так.

Смотрит на натурщиц. За время паузы они позволили себе расслабиться. Фотограф, сунув пальцы в рот, вновь пронзительно свистит. Орет.

Фотограф. Проснитесь!

Стеклянные панели теперь поставлены одна за другой по косой линии. Натурщицы переоделись в новые платья. Принимают позы; они наполовину затемнены стеклянными

ширмами. Отчетливо видны лишь их ступни. Камера наезжает на натурщицу.

Фотограф. Благодарите судьбу, что посчастливилось работать со мной. Так, еще раз. Улыбнитесь... Ну же... Улыбайтесь... Улыбайтесь!

Сначала в кадре натурщицы, затем **Фотограф**, в бешеном темпе щелкающий затвором. Крайне раздраженный, подходит к натурщицам.

Фотограф. О господи!

Ходит между натурщицами, обращаясь ко всем.

Фотограф. По-моему, я просил вас улыбаться. Так в чем же дело? Я вас спрашиваю! Забыли, как это делается? А?! (*Кричит на стоящую позади всех натурщицу. Та в испуге отшатывается.*)

Возвращаясь к штативу, оглядывается на натурщиц. Девушки измучены и не скрывают этого.

Фотограф. Ладно. Вижу, вы устали. Отдохните пока.

Натурщицы выходят из-за панелей. Впереди две из них пританцовывают под музыку. **Фотограф** (*за кадром*). Видеть больше не могу ваших глаз. Не зрочки, а кошачьи щелки. Закройте их.

Натурщицы закрывают глаза.

Фотограф. И оставайтесь так. Вам полезно. Пять натурщиц стоят с закрытыми глазами. Звучит песня, записанная на пластинке: ...Порой тебе охота уединиться с девушкой. Но старшая сестра не отходит ни на шаг, Потом ее папаша выставляет тебя вон...

Томас надевает ботинки, берет пиджак и уходит.

Фотограф (*проходя мимо костюмерши*). Закрой глаза!

Идет из студии, проходит через холл. Вытаскивает из ящика лохмотья, выходит на задний двор и запихивает их в мусорный бак. Помахивая пиджаком, пересекает двор и направляется к дому, стоящему в дальнем конце двора.

Дверь дома открыта. Он входит, закрывает за собой дверь, бросает пиджак на стул.

Дом Билла современной архитектуры, открытой планировки, с патио посередине. Почти все стены в доме — из зеркального стекла. Томас опускается в кресло и, сцепив руки на затылке, наблюдает за Биллом. Тот стоит в дверях мастерской, расположенной на противоположной стороне небольшого патио. Билл поглощен созерцанием картины, установленной на мольберте. Заметив Томаса, приветственно кивает ему. По стенам развешаны картины — абстрактные композиции из цветных пятен. Холст из той же серии, еще не законченный, лежит на полу. Во всех картинах чувствуется некая внутренняя напряженность.

Картина же, на которой сосредоточил все свое внимание художник, более предметна. Билл рассказывает о ней (картина видна из-за его плеча).

Билл. Ей, наверное, лет пять или шесть.

Томас, встав с кресла, пересекает патио, подходит к Биллу, останавливается рядом с ним, прислонившись к косяку. Оба смотрят на картину.

Билл. Пока я работаю над картиной — она лишена для меня всякого смысла. Обычная мазня. Лишь потом я отыскиваю нечто... ну, например... вот эту ногу.

Бросает взгляд на Томаса.

Билл. И эта деталь сразу вычленяется из хаоса. И вся композиция принимает законченный характер. Это все равно что найти ключ к разгадке детективной истории.

Взгляд художника падает на картину, лежащую на полу. Оба смотрят на нее.

Билл. Хм... Про эту можешь не спрашивать. Я еще не знаю, что это такое.

Томас. Я могу ее купить?

Билл. Нет.

Билл с Томасом стоят среди картин. Томас опирается рукой в косяк.

Томас. Тогда подари.

Билл мотает головой. Томас, присев на корточки, рассматривает картину, лежащую на полу. Встает, идет к креслу, в котором сидел.

По лестнице, ведущей в студию на втором этаже, спускается Патриция, жена Билла. Она очень молода. Заметив Томаса, возвращается на кухню и открывает холодильник. Вынимает бутылку пива и, взяв стаканы, подходит к Томасу. Протягивает ему пиво.

Патриция. Угощайся.

Томас. О, спасибо!

Патриция заходит за кресло, в котором сидит Томас, и начинает ерошить ему волосы. **Томас.** Скупердяй вонючий. (*Повышает голос, смотрит, улыбаясь, в сторону Билла.*) Не хочет продать мне одну из своих дрянных поделок. Дождется у меня. Залезу как-нибудь ночью и свистну ее. (*Откидывается на спинку кресла.*)

Патриция улыбается. Потом вдруг становится серьезной и убирает руку с головы Томаса.

Томас. Почему перестала? Мне очень нравится.

Патриция. Ты выглядишь уставшим.

Томас (*за кадром*). Ммм-м...

Томас пьет пиво. Патриция стоит позади него.

Томас. Я всю ночь в ночлежке проторчал.

Встает, идет к выходу. Проходя мимо Патриции, проводит рукой по своим волосам, словно поправляя испорченную прическу. Выходит из дома. Патриция закрывает за ним дверь, возвращается. Смотрит, вздыхая, на мужа.

Томас входит с черного хода в свою сту-

дию, проходит через холл, открывает дверь в приемную. В приемной сидят две молодые девушки, Блондинка и Брюнетка. Увидев Томаса, поспешно вскакивают. Смотрят на него улыбаясь. Секретарша встает, подходит к Томасу.

Секретарша. Они утверждают, что их просили прийти.

Томас. Я их не звал.

Одна из девушек подходит ближе.

Блондинка. Ну не то чтобы нас просили...

Фотограф и Секретарша смотрят на девушек.

Томас (раздраженно). Простите, я занят. *(Обращаясь к Секретарше.)* Там, наверху, должны были напечатать несколько фотографий. Сходи принеси.

Секретарша уходит. Томас садится за стол.

Девушки продолжают стоять.

Блондинка. Вы не могли бы уделить нам буквально две минутки?

Томас, взяв со стола несколько монеток, вертит их в руках.

Томас. Две минутки? У меня нет времени даже на то, чтобы вырезать себе аппендикс.

Томас крутит в пальцах монету. Закидывает ноги на стол, щелчком отбрасывает монету прочь и включает радио.

Певец (по радио):

...взвалил я на тебя еще одну заботу,
Не знал, что у тебя и так полно забот,
И влип же я, и сел я в лужу,
Засек, как с дочкой его ты идешь...
Взвалил я на тебя...

Девушки смотрят на Томаса. Возвращается Секретарша с фотографиями. Девушки, посторонившись, по-прежнему не сводят с него глаз.

...все свои заботы.
О-уо-уо!
Юбилей!

Секретарша передает фотоснимки Томасу. Томас, встав из-за стола, мельком проглядывает снимки.

Блондинка. Когда же нам прийти?

Томас. Никогда.

Берет плащ и уже в дверях, припомнив что-то, обращается к Секретарше.

Томас. Они все еще ждут с закрытыми глазами?

Секретарша. Ждут, но глаза открыли.

Томас. Хорошо.

Еще раз оборачивается.

Томас. Передай им, чтобы они их снова закрыли.

Выходит через дверь с цифрой 39, идет к «роллс-ройсу». Бросив стопку фотографий на заднее сиденье, садится за руль. Блондинка с Брюнеткой выбегают из дома вслед за ним.

Фотограф надевает плащ, косо смотрит на склонившихся к автомобилю девушек.

Томас (Брюнетке). Сумочка у тебя просто чудовищная. Лучше выброси.

Брюнетка тут же прячет сумку. Томас заводит машину и уезжает.

Девушки бегут вслед за автомобилем.

Блондинка. Можно нам прийти еще раз, сегодня после обеда?

Но Томас уже далеко. Он включает радио. Передают джаз. Девушки остались далеко позади. Стоят на обочине. Томас, гримасничая, покачивает головой в такт музыке.

Другая улица. Оживленное движение. Все дома выкрашены в красный цвет.

Томас за рулем. Он ведет машину довольно странно. То вдруг прибавляет газ в сплошном потоке машин, хотя совершенно ясно, что через несколько ярдов придется тормозить, то начинает резко поворачивать, словно только в последний момент вспомнил, куда ехать дальше.

Едет по улице с голубыми домами.

«Роллс-ройс» минует строящееся здание. Вдалеке — большая неосвещенная неоновая вывеска.

На тихой улочке внимание Томаса привлекает пара гомосексуалистов, прогуливающих пуделя. Томас едет дальше, но, отвернувшись от руля, через заднее стекло наблюдает за парочкой.

Парочка останавливается у витрины антикварной лавки. Развернувшись на углу, «роллс-ройс» возвращается и останавливается напротив антикварного магазина.

Томас выходит из машины и направляется через улицу к магазину. Парочка, нагладившись, продолжает свой путь. Томас смотрит им вслед, затем входит в магазин.

Это довольно неприятное заведение, заваленное всякой всячиной. Томас озирается по сторонам, скорее прицениваясь, нежели выискивая конкретную вещь.

Томас бродит по магазинчику. Из-за стальной перегородки появляется лицо Старика. Томас выжидающе на него смотрит.

Старик. Что вам угодно?

Томас (за кадром). Просто смотрю.

Старик. Дешевок не держим. Зря время тратите.

Томас и Старик смотрят друг другу в лицо.

Томас. Посмотреть-то можно?

Старик выходит из-за перегородки. Следует за Томасом по пятам. Томас подходит к книжной полке.

Старик. Что вы ищете?

Томас (помявшись в нерешительности): Картины.

Старик берет с полки стопку каких-то запылившихся бумаг.

Старик. Картин у нас нет.

Сдувает с бумаг пыль прямо в лицо То-

масу и возвращается за перегородку. Томас, отмахиваясь от пыли, идет за ним.

Старик. Какие картины нужны?

Раскладывает бумаги. Томас появляется рядом с ним.

Томас. Пейзажи.

Старик. Пейзажей, к сожалению, нет.

Томас смотрит на него улыбаясь. Прямо перед ним на письменном столе стоит заслоненный гипсовыми бюстами старинный пейзаж. Томас сдвигает бюсты в сторону. Один из бюстов — Линкольна. Старик в замешательстве смахивает пылинки с куртки.

Старик. Продано. Все продано.

Томас, посторонившись, дает Старику пройти. Вновь подходит к нему.

Томас. Вы хозяин?

Старик. Хозяина нет.

Томас. Он вернется?

Старик не отвечает. Что-то ворчит, стирая пыль с лампы. Томас идет к двери. Выходит на улицу, какое-то время стоит на тротуаре, разглядывая фасад дома, в первом этаже которого расположен антикварный магазин. Потом переходит улицу, возвращается к автомобилю. Улочка заканчивается оградой с проходом посередине, который ведет к изумрудно-зеленой лужайке. Ветер раскачивает деревья, растущие за оградой.

Томас вытаскивает из бардачка фотоаппарат.

Став посреди улицы, делает несколько снимков магазина с разных ракурсов.

Взгляд из глубины парка. Сквозь деревья и кусты мы видим, как Томас, обернувшись, смотрит на деревья, потом идет в сторону ограды. В тихом парке громко отдается эхом чириканье одинокой птички.

Дворник подбирает мусор с газона. Томас проходит мимо, останавливается, смотрит по сторонам, идет дальше. Дворник продолжает свою работу.

Парк залит нежным светом. Все кругом зелено. Двумя пятнами выделяются лишь черные прямоугольники теннисных кортов, огороженных высокой металлической сеткой, и клумбы белых роз. Дальше на холме сквозь сплошную зелень белеет несколько домов. Томас проходит мимо одного из кортов, на котором играют в теннис двое мальчишек. Стук мячей, щелканье птиц и шест ветра подчеркивают атмосферу покоя, царящего в парке.

Снова Томас. Прищурившись, он смотрит на видоискатель, наводя резкость.

Выходит на широкую лужайку перед домами.

Делает несколько снимков стайки голубей на траве.

Вспугнув птиц, на бегу фотографирует разлетающихся голубей. Одна из птиц взмывает над деревьями. Камера ведет голубя, и

мы мельком замечаем возле деревьев Мужчину и Девушку.

Томас подходит ближе и, остановившись посреди лужайки, смотрит на них.

Мужчина с Девушкой поднимаются по лесистому холму, взявшись за руки. Слышен их смех. Поскользнувшись, они падают, играя друг с другом. Девушка изо всех сил старается уговорить Мужчину следовать за ней на вершину холма. Мужчина почему-то явно противится этому.

Среди деревьев проложены широкие тропинки, которые уступами поднимаются по склону холма. Томас идет по тропинке, затем переходит на бег. Перескакивает со ступеньки на ступеньку и, выделывая коленца, достигает вершины холма.

В кадре — замедляющиеся шаги Томаса. Внимание его привлекла небольшая перебранка между Мужчиной и Девушкой. Стараясь быть незамеченным, он следит за ними. Прячась среди веток, наводит объектив.

Маленькая полянка, окруженная со всех сторон деревьями. Абсолютная тишина. Только листья дрожат на ветру. Парочка по-прежнему не подозревает о присутствии Томаса. Мужчина с Девушкой стоят вдалеке лицом к лицу. Девушка, смеясь, тянет Мужчину за рукав. С места, где прячется Томас, она выглядит изящной и привлекательной.

Томас, перемахнув через деревянный заборчик, огораживающий полянку, наводит фотоаппарат. Делает несколько снимков с разных ракурсов. Но Девушка с Мужчиной слишком далеко. Томас крадется вдоль забора, подходит ближе и, нырнув в кусты, несколько раз щелкает затвором.

Мельком — Мужчина и Девушка.

Томас вновь перелезает через забор и, спрятавшись за деревом, снимает с этой точки.

Мужчина и Девушка целуются. Томас фотографирует. Но до парочки все же далеко. вато, а Томас забыл взять телеобъектив.

Осторожно крадется поближе к ним. Прячется за другим деревом.

Девушка ведет Мужчину за собой на середину поляны. Целует его, потом освобождает из своих объятий и отходит в сторону. Похоже, что она любит пейзажем, впитывает в себя его умиротворенность.

Томас, сделав достаточно снимков, подходит еще ближе. Крадется бочком вдоль края опушки, прячется за деревом.

Между тем Девушка увлекла Мужчину за собой к другому концу опушки. Вновь обнимает и целует его.

Томас выходит из своего укрытия на дальнем краю опушки. Не отдавая отчета своим действиям, останавливается и фотографирует целующуюся пару. Потом направляется к тропинке, по которой он сюда пришел.

Неожиданно Девушка и Мужчина замечают его. С тревогой смотрят на Томаса. Фотограф вот-вот исчезнет за склоном холма. Девушка бросается за ним вдогонку, выбегает на тропинку, останавливается.

Томас, услышав топот ног за спиной, оборачивается и, увидев Девушку, чисто инстинктивно скидывает фотоаппарат и щелкает затвором.

Девушка (*за кадром*). Что вы делаете?! Прикрывается рукой от объектива. Потом срывается с места и, едва сдерживая гнев, бежит вниз по тропинке, к Томасу.

Девушка. Перестаньте! Прекратите! Отдайте пленку! Вы не имеете права так снимать!

Томас опускает фотоаппарат, смотрит на нее, дружески улыбаясь.

Томас. Кто это вам сказал? Я просто делаю свою работу. Кто-то принимает участие в бое быков. Кто-то занимается политикой. А я — фотографией.

Смотрят друг на друга.

Девушка. Здесь общественное место, где каждый имеет право на то, чтобы его оставили в покое.

Томас прислоняется к забору. Смотрит на Девушку с любопытством. Она стоит, сурово сжав губы.

Томас. Если вы и обеспокоены, то виной тому не я. Вы знаете, многие девушки еще и заплатили бы мне, чтобы я их сфотографировал.

Томас высокомерно смотрит на Девушку. Девушка. Я вам заплачу.

Томас. Я заломлю бешеную цену. На пленке ведь не только ваши кадры.

Оборачивается, смотрит на поляну, потом спешит вверх по ступенькам. Опять смотрит на поляну, туда, где только что стоял Мужчина. Девушка идет вслед за ним:

Девушка (*с отчаянием*). Как же быть?

Девушка очень взволнована.

Томас. Я пришлю вам фотографии.

Девушка. Нет, они нужны мне сейчас же.

Внезапно хватает фотоаппарат и пытается вырвать его у Томаса из рук. Но Фотограф оказывается проворнее и, намотав на руку ремешок фотоаппарата, не отпускает его. Девушка падает на колени. С остервенением кусает Томаса за руку. Фотограф, отшатнувшись, сердито кричит.

Томас. Это еще что такое?! Ничего не получите!

Девушка смотрит на него снизу вверх.

К Томасу возвращается самообладание. Смягчившись, меняет тон разговора.

Томас (*довольно иронично*). Не стоит портить отношения. Мы ведь только встретились...

Смотрит на нее сверху вниз. Девушка устало поднимается. Она в отчаянии. Отступает от Томаса, глядя ему прямо в глаза, говорит, задыхаясь от гнева.

Девушка. Нет, мы не встречались! И вы меня не видели!

Томас, пригнувшись, отвинчивает объектив. Бросает взгляд на лужайку. Девушка оборачивается и смотрит в ту же сторону: Мужчина исчез. Девушка огорчена.

Бежит через лужайку к тому месту, где, по ее мнению, должен быть Мужчина. На мгновение останавливается у зарослей кустарника, бежит дальше.

Томас фотографирует ее еще несколько раз.

Девушка бежит прочь и исчезает за склоном холма.

Вид из дверей антикварного магазина: Томас, пересекая улицу, направляется к магазину. Какая-то женщина с коляской идет в сторону парка. Старик, увидев из витрины Томаса, машет ему рукой, приглашая войти. В магазине звучит гавайская мелодия.

Во внутреннем помещении магазина сидит на столе молоденькая темноволосая девушка — Хозяйка магазина — и слушает старую пластинку. Томас подходит к ней. Она даже не удостаивает его взглядом.

Томас. Привет.

Хозяйка. Привет.

Так и не посмотрев в сторону Томаса, меняет пластинку.

Томас. Мой агент встречался с вами по поводу магазина.

Хозяйка (*рассеянно*). Да?

Томас. Такой мужчина — с сигарой. Стряхивает пепел где ни попадя.

Хозяйка. Кажется, припоминаю. Наверное, я запросила слишком большую цену. С деньгами всегда проблемы, так ведь? Передайте ему, пусть зайдет еще раз.

Вновь включает проигрыватель.

Томас подходит к ней вплотную и, взяв за плечи, разворачивает к себе лицом.

Томас. Зачем ты его продаешь?

Девушка выключает проигрыватель, встает, проходит мимо Томаса.

Томас смотрит ей вслед.

Хозяйка. Хочется заняться чем-то другим.

Уехать куда-нибудь. Антиквариатом я уже сыта по горло.

Томас (*за кадром*). И куда же ты собралась?

Хозяйка. В Непал.

Томас (*глядя по сторонам*). Непал сам антиквариат.

Хозяйка. Правда?

Томас (*кивает*). Угу.

Хозяйка. Ну тогда в Марокко...

Томас, усмехаясь, бродит по магазину, разглядывая сваленный друг на друга товар. Некоторые вещи весьма изящны. Вдруг что-то привлекает его внимание в подсобном помещении.

Томас. Сколько стоит?

Хозяйка. Что?

Томас. Пропеллер. (*Входит в подсобку, девушка следует за ним.*)

Хозяйка (*прислоняется к стене*). Отдам за... восемь фунтов.

Томас подходит к огромному деревянному пропеллеру от аэроплана, заваленному кучей разных обломков. Начинает разгребать их.

Томас. Согласен. Хватка, вижу, у тебя не пропала. Фургон дашь?

Хозяйка (*за кадром*). Не станешь же ты его сейчас забирать?

Томас (*расчищая место возле пропеллера*). Я должен его забрать! Должен! Я жить без него не могу!

Хозяйка смеется. Начинает помогать Томасу.

Хозяйка. Тяжелый случай — влюбиться ранним субботним утром. Да еще в такие тяжелые вещи.

Томас приподнимает кресло, чтобы разглядеть пропеллер. Кресло заполняет собою весь кадр.

Томас выходит из магазина, держась за один конец пропеллера. Исчезает из кадра. Вместо него появляется Хозяйка, которая держит другой конец пропеллера. Переходят улицу.

Хозяйка. Куда?

Томас. Сюда.

Подходят к «роллс-ройсу». Томас укладывает пропеллер на заднее сиденье, стараясь пристроить его так, чтобы тот не упал.

Хозяйка. Что ты творишь с машиной?! Это ж не грузовик!

Томас. А что делать?

Хозяйка. Оставь пока его мне. (*Пожимает плечами.*) Может, подвернется какой-нибудь транспорт.

Томас. Да, ты права. Хорошо бы сегодня подвернулся. Пока.

Вытаскивает пропеллер, передает его Хозяйке. Она не может удержать такую тяжесть, и пропеллер с грохотом падает на землю.

Томас (*оборачиваясь*). Ой-ой-ой!

Садится в машину и заводит двигатель. «Роллс-ройс» вырывается из боковой улочки на главную, вливается в общий поток транспорта и едет вслед за автобусом.

Движущиеся по улице автобусы. Томас лавирует между ними. Исчезает из виду.

Мы вновь замечаем машину, когда она движется уже через Гайд-парк. Камера следует за автомобилем (в таком ракурсе «вел» бы «роллс-ройс» бдительный шпик, которому поручено сидеть у Томаса на хвосте).

Автомобиль исчезает, юркнув в скопище небоскребов.

Томас обгоняет подъехавший к остановке автобус.

Через ветровое стекло автомобиля мы видим Томаса, который, уже расслабившись, берет в руки микрофон.

Томас. Небо-четыре-три-девять. Небо-четыре-три-девять. Прием.

Связной (*за кадром*). Небо-один-два-шесть. Вас слышу. Прием.

Томас. Привет, это... гм... Соединитесь с Флэксменом-шесть-один-семь-семь. Это позывные мистера Уокера. Питера Уокера. Передайте ему, что я ездил смотреть магазинчик. Дороговат, конечно, но девчонка цену сбросит. Пусть позвонит ей немедленно, пока кто-нибудь дорожку не перебежал. Связной (*за кадром*). Вас понял. Конец связи.

Томас кладет микрофон на место. Автомобиль сворачивает на другую улицу. Слышен голос по радиотелефону.

Связной (*за кадром*). Небо-четыре-три-девять, Небо-четыре-три-девять. Прием.

Томас вновь берет микрофон.

Томас. Небо-четыре-три-девять. Небо-четыре-три-девять. Слышу вас. Прием.

Связной (*за кадром*). Небо-четыре-три-девять. Сообщение передано. Абонент недоволен. Прием.

Томас. Передайте ему — пусть не выпендривается... Там новые дома растут как грибы. И педика с пуделями уже разгуливают. Я был там всего пяток минут, и то на парочку напоролся... Это будет как взрыв бомбы. Прием.

Связной (*за кадром*). Небо-четыре-три-девять. Не понял — кто именно разгуливает? Прием.

Томас. Да никто. Забудьте. Прием.

Связной. Вас понял. Конец связи.

Томас опускает микрофон.

«Роллс-ройс» сворачивает за угол и, въехав на тротуар, останавливается напротив ресторана.

Томас выходит из машины, берет с заднего сиденья фотографии, идет через улицу к ресторану.

В ресторане полно посетителей. Люди едят, пьют, оживленно беседуют. Томас, войдя в ресторан, направляется прямоком к столику у окна, где его ждет Рон, бородач лет тридцати пяти, писатель. Томас садится за столик, передает снимки Рону. Рон (*просматривая фотографии*). Ты хочешь их все использовать?

Фотографии, которые держит в руках Рон: одевающийся мужчина в Ресепшн-Сентр; человек за треснувшим окном; бродяга, сидящий на кровати в ночлежке; голый мужчина, подбирающий какую-то одежду. Рука Рона, разглаживающая последнюю фотографию. Голоса Рона и Томаса, обсуждающих фотографии.

Томас (*за кадром*). Ну как, нравится?

Рон (*за кадром*). Очень здорово!

Томас и Рон сидят за столом.
Томас. Ипользуем три-четыре снимка.
Рон. Разбросаем по всей книге?

Томас откидывается на спинку стула, и мы видим Рона, разглядывающего фотографию.
Томас. Нет, дадим блоком.
Рон. Согласен.

Мимо столика спешит к другим клиентам Официант. Томас останавливает его, смотрит, что за блюдо на подносе у официанта. Показывает ему жестами, что хочет заказать то же самое. Опять садится за стол. Томас (*вдогонку Официанту*). И пинту пива.
Официант. Да, сэр.

Рон выкладывает на стол макет фото-книги.

Рон. Какую поставим в конец?

Крупным планом подавшийся вперед Томас.

Томас. Из этих ни одна не пойдет. Для концовки у меня есть нечто особенное. Снял сегодня утром в парке. К вечеру получишь фотографии. Знаешь, очень умиротворенные кадры... Такие спокойные... У нас вся книжка мрачная, поэтому...

Рон перелистывает страницы макета. Крупным планом мелькают фотографии: нищие, проходимцы, алкоголики — бред и абсурд. Томас (*за кадром*). ...лучше, по-моему, закончить именно на такой ноте. Как по-твоему?

Рон (*за кадром*). Да, пожалуй. Так будет лучше всего. Искреннее выйдет.

Томас, раздвинув планки жалюзи, смотрит в окно. Затем в кадре появляется и Рон. Томас по-прежнему смотрит в окно.

Томас. На следующей неделе уеду из Лондона.

Рон. Зачем?

Томас. Все равно сейчас мне здесь делать нечего.

Рон видит, что Томас наблюдает за девушкой на противоположной стороне улицы.

Рон (*смеется*). Вон оно что!

Возвращается к фотографиям.

Рон. Я тут набросал несколько заголовков...

Томас (*рассеянно*). Да?

Внимание его поглощено симпатичной блондинкой в брюках, которая походкой манекенщицы идет через зал. Рон с Томасом провожают ее взглядом. Томас вновь поворачивается к Рону.

Томас (*кивнув на блондинку*). Я этими шлюхами по горло сыт.

В кадре Томас и Рон.

Томас. Мне бы сейчас кучу денег — сразу стал бы свободным.

Рон. Свободным для чего? Свободным, как этот?

Рон показывает на грязного, туповатого вида старика на фоне пустыря — человеческая развалина.

Оба, Рон и Томас, заметили кого-то за окном.

Рон. Кто-то знакомый?

Мужчина за окном — высокий молодой человек с элегантной прической, одетый во все черное, — замечает, что его засекли, и, поспешно отпрянув от окна, торопливо переходит на другую сторону улицы.

Рон и Томас смотрят в окно.

Томас, вскочив с места, быстро идет к выходу, открывает дверь, выходит из ресторана. Незнакомец возится у его автомобиля, пытается открыть багажник. Заметив Томаса, незнакомец удирает, смешиваясь с толпой африканцев в национальных костюмах, сгрудившихся на тротуаре. Продравшись сквозь толпу, сворачивает в боковую улочку и садится в припаркованный там автомобиль.

Томас следит взглядом за неизвестным.

Перейдя улицу, он подходит к «роллс-ройсу» и, убедившись, что багажник не вскрыт, садится в машину и заводит двигатель. Негры тем временем вышли на проезжую часть, и Томас нервно сигналит.

Демонстранты, во главе которых шествует полицейский, пересекают улицу. В руках у них плакаты и транспаранты: «Убирайтесь вон!», «Мир, а не война», «Верните наших парней», «Нет! Нет! Нет!»

Демонстранты достигают противоположной стороны, полицейский вступает на тротуар.

Демонстранты бредут через улицу обратно. Томас останавливается, пропуская их. Машины, следующие за Томасом, начинают нетерпеливо сигналить. Томас уже собирается ехать дальше, когда к «роллс-ройсу» подбегает девушка и втыкает в складки откинутого верха автомобиля плакат, на котором написано «Убирайтесь вон!». Томаса обгоняют, сигналив, другие автомобили.

Томас оборачивается, поправляет плакат. Томас (*улыбается девушке*). Так будет надежнее.

Трогается с места. Несколько секунд спустя за ним устремляется стального цвета «ровер-2000».

Крупным планом падающий с машины плакат. Фотограф не замечает этого. Плакат падает на землю, и «ровер-2000» давит его колесами.

Время — после полудня. «Роллс-ройс» въезжает на улицу, где расположена студия Томаса. Вдоль тротуара вплотную друг к другу припаркованы автомобили, и Томасу в поисках свободного места приходится ехать в дальний конец улицы. Томас выходит из машины с фотоаппаратом в руке, захлопывает дверцу. Вокруг ни души. В суботний полдень на улочке царит

почти кладбищенская тишина. «Почти» — поскольку кое-какие звуки все же слышны: где-то включен телевизор, диктор комментирует скачки.

Томас стоит, озираясь вокруг. Потом с силой нажимает на клаксон. Держит его, не отпуская. Пронзительный звук эхом раскатывается вдоль улицы, однако вслед за этим ничего не происходит. Томас отпускает клаксон и идет по улице.

В одной из садовых калиток появляется какой-то мужчина — он удивлен, но не более того. Томас, пускаясь вприпрыжку, машет ему рукой.

Идет к своей студии, поглядывая по сторонам. Подходит к двери с цифрой 39, потом, передумав, переходит на противоположную сторону. Заходит в телефонную будку, набирает номер Свяznego. Дождавшись ответа, говорит.

Томас. Алло! Соедините меня с Фробишертри-два-два-девять и побыстрее — у меня всего шесть пенсов... Парк-один-два-девять-шесть...

Ждет у телефона какое-то время.

Томас. Алло, это я... Ты вроде собиралась в эзот... в Пурли? А? Послушай... Перезвони мне через пару минут домой, хорошо? Ага...

Повесив трубку, выходит из будки. Несколько шагов — и он почти дома. Вставляет ключ в замок, но тут раздается торопливое цоканье женских каблуков. Томас оборачивается — к нему бежит та Девушка из парка. Она запыхалась и сначала не может вымолвить ни слова. Томас смотрит на нее с удивлением. Наконец, немного отдышавшись, Девушка произносит:

Девушка. Я... Я пришла... Я пришла за фотографиями.

Томас с любопытством разглядывает Девушку.

Томас. Как ты меня нашла?

Девушка избегает его взгляда.

Девушка. Ты здесь живешь?

Томас. Хм...

Отпирает дверь, приглашает ее войти.

Вид из глубины дома. На дальнем плане — приоткрытая входная дверь, через которую появляется Девушка, за ней Томас. Проходят через вторую дверь и пересекают приемную. Затем, миновав еще одну дверь, оказываются в большой студии.

Томас закрывает дверь. Чувствуется, что Девушка нервничает. Она проходит вперед, с интересом оглядываясь вокруг. Томас присоединяется к ней, и, пройдя позади матовых панелей, они поднимаются по лестнице, расположенной в дальнем конце студии.

Девушка и Томас входят в верхнюю студию.

Девушка, пригибаясь под осветительной

арматурой и планкой со страусиными перьями, пробирается в середину помещения. Томас, включив несколько софитов, жестом приглашает ее присесть. Затем включает проигрыватель. Звучит очень медленная гитарная мелодия.

Томас. Что будем пить?

Девушка озирается, словно ищет что-то. Томас, не дожидаясь ответа, наливает две порции виски; взяв стаканы, оборачивается к Девушке.

Томас. Что там такого важного в этих проклятых кадрах?

Подходит к дивану, на котором сидит Девушка, и протягивает ей стакан. Девушка смотрит на него подозрительно и виски не берет.

Девушка. Это мое личное дело.

Томас ставит стакан на столик. Девушка, поднявшись с дивана, встает перед ним. Она непреклонна.

Она заслонены в кадре потолочной балкой.

Томас отпивает глоток, говорит тоном, каким припоминают что-то приятное.

Томас. Свет в парке утром был поразительный... Кадры должны получиться великолепные... Вы как хотите, но пленка мне самому нужна.

Девушка прислоняется к поперечной балке, натянутая, как струна.

Девушка (*настойчиво*). Моя личная жизнь и так у всех на языке. Меня ждет полный крах, если... (*Отворачивается.*)

Томас подходит к ней. Смотрит пристально.

Томас. Ну крах не крах, а большое дело стоит маленького скандала.

Девушка, услышав слова Томаса, испуганно вздрагивает. Начинает мерить шагами пространство перед завешенным полиэтиленом окном, все более возбуждаясь.

Томас смотрит на нее из-за балок с профессиональным интересом.

В кадре вновь Девушка.

Томас (*за кадром*). Ты никогда не позировала раньше? Я имею в виду — в качестве манекенщицы...

Девушка нервно вздыхает, раздраженно пожимая плечами.

Томас (*за кадром*). Сейчас попробуем.

Девушка снова начинает ходить взад-вперед, а Томас, тем временем изучающе оглядев ее с ног до головы, подходит к окну и, пригласив Девушку жестом подойти поближе, опускает сиреневого цвета задник. Ставит Девушку перед ним.

Томас. Стой, не двигайся.

Быстро отступает назад, смотрит на Девушку. Она сбита с толку и раздражена. Томас. Мало кто из натурщиц держится так классно...

Девушка идет в его сторону.

Девушка. Нет уж, спасибо. Я спешу.

Томас снимает пиджак и направляется к дивану.

Томас. Получишь ты свои снимки. Обещаю. Я свое слово держу. *(Опускается на диван.)*

Томас. Подойди-ка — посмотрим, как ты сидишь.

Девушка вздыхает, но уступает просьбе — садится рядом с Томасом. Он не спускает с нее глаз. Чрезвычайно довольный собой, поскольку ему удалось-таки усадить Девушку, Томас, расслабившись, ее разглядывает. Раздается телефонный звонок. Томас оборачивается на звук, но с места не трогается. Звонки не прекращаются. Томас сидит, не обращая на телефон внимания. Потом неожиданно рывком соскальзывает на пол, ползет за телефоном. Проползая под креслом, больно ударяется головой об угол. Томас *(потирая голову, снимает трубку)*. Кто это? *(Вспоминает о своем недавнем звонке.)* А, да-да! Одну секундочку...

Перевернувшись набок и опершись локтем об пол, вытягивает руку с трубкой вверх. В кадре — рука Томаса с телефонной трубкой над подлокотником кресла. Сам Томас — за кадром, а Девушку мы видим отраженной в большой стеклянной панели. Потрясенная, она привстает.

Девушка. Меня?!

Подходит к Томасу, садится в кресло, нерешительно берет трубку.

Томас. Это моя жена.

Крупным планом Девушка. Поспешно опускает трубку, встает с кресла.

Девушка. А почему я должна с ней говорить? *(Отходит к окну.)*

Томас берет трубку.

Томас. Прости, дорогуща, но наша птичка не желает с тобой беседовать. *(Кладет трубку.)*

Девушка сидит у окна спиной к Томасу. Томас идет к ней, но Девушка отходит в сторону; пригнувшись, проходит под балкой, разворачивается и начинает исступленно молотить по ней кулаками.

Томас подходит к картине, висящей в жилой части студии, проводит по ней пальцем, поворачивается к Девушке.

Томас *(объясняя ситуацию)*. На самом деле она мне не жена. Просто у нас с ней дети... Да нет — какие дети?! Нет у нас детей... Я говорю, иногда... понимаешь... иногда кажется, в общем, иногда такое ощущение, будто у нас с ней есть дети... Она некрасива, но... с ней легко жить.

Томас садится, закуривает.

Томас. То есть наоборот. Потому я с ней и не живу.

Обрывает разговор, роняет спичку на кружевной чепец, надетый на голову мраморной девушки, которая стоит справа от него. Смотрит на мраморную голову, похлопывая по ней в задумчивости рукой. Похоже,

Томас весь ушел в раздумья о своих личных проблемах.

Девушка стоит за какой-то осветительной арматурой. Впервые проявляет хоть какой-то — пусть минимальный — интерес к Томасу. На мгновение наступает тишина. Потом Девушка вновь подходит к дивану и садится.

Томас встает, поворачивается к Девушке. Томас. Но если девушки даже и красивы, то... то стоит взглянуть на них и... и все. Потому-то все всегда и кончается одним и тем же... *(Вздыхает.)* Эх... Я ни на минуту не могу от них отделаться.

Томас смотрит на Девушку сверху вниз. Девушка. С мужчинами то же самое.

Томас пожимает плечами. Звучит новая мелодия, быстрая и ритмичная.

Томас. Слышала раньше?

Подходит к проигрывателю, увеличивает громкость. Томас, выпрямившись, движется в такт музыке. Девушка слушает. Непроизвольно начинает покачиваться под музыку. Томас подходит к дивану, садится рядом с ней. Томас *(жестом успокаивая Девушку)*. Нет, сиди спокойно. Не двигайся. Слушай не двигаясь.

Пауза. Томас протягивает Девушке свою сигарету.

Томас. Кури, если хочешь.

Девушка берет сигарету, сразу затягивается, не прекращая раскачиваться в такт музыке.

Томас. Помедленнее, помедленнее. Против ритма.

Девушка курит, медленно покачивается, томно извиваясь.

Томас *(за кадром)*. Вот так.

Несколько минут Девушка увлечена игрой. Похоже, это ее даже немного забавляет. Смеясь, возвращает Томасу сигарету.

Томас, не спуская глаз с Девушки, очень медленно затягивается, потом опять передает ей сигарету.

Девушка хочет взять сигарету, но, внезапно передумав, стремительно вскакивает — столь надуманная игра не по ее нервам. Вслед за ней встает и Томас.

Девушка. О нет... Я не могу. Я слишком нервная.

Вновь садится, роется в своей сумочке. Девушка *(изменяя тон)*. Можно немного воды?

Томас. Да, конечно! *(Идет в кухню.)*

Девушка следит за ним, и, как только он исчезает на кухне, взгляд ее неожиданно наталкивается на фотоаппарат, лежащий на самом видном месте на шкафу с выдвижными ящиками.

Секундная пауза. Девушка украдкой смотрит на дверь в кухню, встает, берет в руки сумку, подходит на цыпочках к фотоаппарату, берет его, торопливо семенит на цыпоч-

как мимо страусиных перьев, несется вниз по лестнице, бежит через большую комнату к холлу. Дверь в холл распахнута. Девушка бросается туда и останавливается как вкопанная — перед ней, прислонившись к стене, стоит добродушно улыбающийся Фотограф. Тут же подходит к ней и протягивает руку.

Томас. За дурака меня держишь, милая?

Девушка возвращает ему фотоаппарат. Прислоняется к противоположной стене, на которой висит увеличенный снимок девушки, прыгающей с парашютом.

Девушка. Я смогу получить фотографии?

Томас и Девушка молча смотрят друг на друга.

Томас. Конечно. Попозже.

Идут к лестнице. Впереди Девушка, за ней Томас.

Томас. Твой приятель немного может и подождать.

Девушка поднимается по лестнице, не отвечая на реплику Томаса, но как только они входят в студию, Девушка оборачивается и смотрит Томасу прямо в глаза. Видно, что предыдущая фраза Томаса привела ее в ярость.

Девушка. Скажи: чего ты от меня хочешь?

Смотрят друг на друга, разделенные страусиными перьями. Томас не отвечает. Девушка, положив сумку, начинает расстегивать блузку.

Девушка стоит за страусиными перьями. Снимает блузку. Бюстгалтера на ней нет. Девушка раздета по пояс, но черная шейная косынка по-прежнему на ней.

В глазах Томаса удивление и восхищение.

Девушка, положив блузку на пол, стоит в ожидании.

Томас и Девушка, вдруг посерьезневшие, напряженно смотрят друг на друга.

Томас, пригибаясь под планкой со страусиными перьями, подходит к Девушке, кладет руки ей на плечи. Молча смотрит на нее.

Девушка и Томас смотрят друг на друга. Томас отворачивается, идет в сторону. Девушка провожает его взглядом.

Томас. Одевайся. Сейчас я отрежу с пленки твои кадры.

Спускается вниз, идет в проявочные. Открывает выкрашенную в темно-малиновый цвет дверь в первую проявочную комнату. Он подходит к столу, вынимает из фотоаппарата пленку. Вертит ее в руке, как бы взвешивая — отдавать или нет. Отложив эту кассету в сторону, берет другую и возвращается обратно.

Входит в студию, покручивая кассету в руке. Озирается по сторонам. Девушка словно исчезла. Вертится пластинка — звучит тихий кул-джаз.

Томас замечает ноги Девушки за сиреневым задником. Отодвигает задник. Девушка стоит, прикрывая руками грудь. Томас подходит к ней, приподнимает фиолетовый бумажный полог, затем опускает его, и полог скрывает их из виду.

Томас подходит к Девушке, передает ей катушку. Девушка, взяв катушку, идет прочь, но, сделав один или два шага, оборачивается к Томасу. Смотрит на него почти с нежностью, целует его, слегка прикасаясь губами, затем идет дальше.

Теперь очередь Томаса ходить по пятам. Девушка останавливается перед фиолетовым бумажным экраном. Томас, сжав ее в объятиях, так же мимолетно целует Девушку.

Затем, обняв Девушку за плечи, мягко ведет ее в сторону спальни. Девушка роняет пленку на лежащую на полу блузку. Подходит к двери в спальню. Девушка обвивает руками его шею и... раздается звонок в дверь. Оба замирают.

Томас (снимает рубашку). Позвонят и уйдут.

Бросает рубашку в спальню. Опять звонок.

Девушка. Не уходят.

Томас порывается идти открывать, но Девушка, коснувшись рукой его плеча, удерживает Томаса.

Девушка. Не ходи.

Томас целует ее руку и спускается по лестнице. Пересекает приемную и открывает входную дверь. На улице Разносчик.

Разносчик. Вы купали пропеллер?

Томас. А, да-да.

Разносчик. Помогите, пожалуйста, внести его.

Томас отпирает ворота, а Разносчик тем временем отвязывает пропеллер от верха фургона.

Разносчик. Все в порядке?

Томас. Да. Отлично!

Разносчик уходит.

В кадре — зеркальное отражение поднимающегося по лестнице Томаса. Он возвращается к Девушке.

Девушка (за кадром). Зачем он тебе?

Томас спешит по узким ступенькам, но Девушка уже сама вышла на верхнюю лестничную площадку. Скрестив руки на обнаженной груди, перегибается через перила, разглядывая пропеллер.

Томас. Так просто. Красивая вещь.

Девушка. Если бы у меня была такая же огромная комната, я бы подвесила его к потолку вместо вентилятора.

Томас ведет ее обратно в студию.

Томас. Ты живец одна?

Томас входит в студию.

Девушка (за кадром). Нет.

Она следует за Томасом, пригнувшись, проходит под планкой со страусиными перья-

ми. Пауза, затем они идут в дальний конец комнаты.

Томас (*показывая*). Может быть, поставлю его вот сюда как фрагмент скульптуры.

Девушка. Да, здесь он будет отлично смотреться. Сгладит прямые линии.

Девушка стоит под балкой, уцепившись за нее руками. Томас достает из пачки две сигареты. Одну протягивает Девушке. Девушка берет ее, и Томас подносит спичку.

Девушка сидит в кресле. Смеется, откидывается на подлокотники. Вдруг, случайно взглянув на свои наручные часы, Девушка сразу становится серьезной, торопливо встает.

Томас (*за кадром*). Уходишь?

Девушка. Поздно уже.

Томас подходит к Девушке.

Томас. Я тебя еще увижу?

Девушка пожимает плечами. Надевает блузку. Она вновь стала нервничать.

Томас. Скажи мне хотя бы, как тебя зовут. Оставь номер телефона.

Девушка роется в сумочке в поисках бумаги. Томас тоже ищет бумагу и карандаш. Девушка опускает пленку в сумку.

Томас, разыскав бумагу и карандаш, подает их Девушке.

Девушка, нацарапав что-то на бумажке, идет к выходу, заправляя на ходу блузку. Спускается по лестнице. Остановившись на полдороге, оборачивается и смотрит вверх. Девушка. Спасибо. (*Исчезает.*)

Томас остается один. Стоит на верхней лестничной площадке. Потом, сложив бумажку пополам, кладет ее в карман.

В кадре Томас, частично скрытый страусиными перьями. Выключает проигрыватель, наливает себе бокал вина. Садится, в задумчивости постукивает ногой. Отпивает немного вина. Не знает, чем себя занять. Вдруг, отставив бокал в сторону, вскакивает и куда-то бежит.

Томас идет через комнату, застегивая на ходу рубашку. Засучив рукава, входит в первую проявочную комнату. Отыскав пленку с кадрами из парка, готовит ее к проявлению. Затем захлопывает дверь и запирается изнутри. Снаружи над дверью начинает мигать красный свет.

Выходит из проявочной с негативами в руке. Красный свет гаснет. Томас входит во вторую проявочную, дверь которой выкрашена в зеленый цвет. Вновь запирается изнутри, и теперь уже над этой дверью зажигается красный свет.

Разрезав пленку на пять полос, Томас раскладывает их на столе. Внимательно рассматривает негативы через лупу. Один из кадров привлекает внимание Томаса больше других, и он помечает его карандашом.

Томас вставляет рамку в увеличитель,

выключает верхний свет и подсветку стола. Зажигает красный свет.

На стене висит лист фотобумаги. Томас нажимает на кнопку, и на фотобумагу проецируется кадр: парочка на лужайке у вершины холма. Томас снимает лист со стены, погружает его в кювету с проявителем.

Вид из нижней студии: Томас выходит из проявочной с еще мокрыми отпечатками в руке, поднимается по пандусу в верхнюю студию.

Вид из-за спинки дивана: Томас сидит на диване, разглядывая отпечатки, свисающие с балки. Закуривает.

Став на колени, подползает ближе к снимкам.

Первая фотография. Девушка тянет Мужчину за рукав. Этот снимок сделан издалека, в отличие от второго, на котором крупным планом — целующиеся Мужчина и Девушка. От обоих фотографий веет абсолютной безмятежностью. Но Девушка ведет себя не совсем естественно. Это заметно на первом снимке — она словно хочет увести Мужчину подальше от чего-то. Не говоря уже о втором — Девушка хоть и обнимает Мужчину, но смотрит с непонятной тревогой куда-то в сторону, на что-то оставшееся за кадром.

Вновь первая фотография.

Томас встает.

Вид из-за свисающих с балки фотографий. Видна смутная тень Томаса, рассматривающего снимки с противоположной стороны.

Крупным планом Томас, изучающий фотографии. Повернувшись, уходит. Шаги его эхом отдаются в пустой студии.

Томас возвращается с новой фотографией, прикрепляет ее рядом с другими. Отступив на шаг, с особой тщательностью рассматривает. Это увеличенный снимок, на котором обнимаются Девушка и Мужчина. Девушка смотрит поверх плеча Мужчины, и тревога на лице Девушки видна теперь со всей очевидностью.

Томас подходит ко второй фотографии, пытаясь отыскать, что же привлекло внимание Девушки. Ведет пальцем по фотографии, прослеживая ее взгляд. Но вся поляна окаймлена кустарником, и в том месте, где, судя по траектории, должен находиться объект ее внимания, Томас не видит ничего из ряда вон выходящего — обыкновенные деревья и кусты. Недоуменно пожимает плечами. Подходит к проигрывателю, ставит пластинку, наливает себе еще вина. Возвращается, садится на диван. Свисающие с балки фотографии. В просвете между ними — Томас, прихлебывая вино, смотрит на снимки. Рука Томаса, опускающая бокал с вином на стеклянный кофейный столик. Рука берет со стула лупу.

Томас рассматривает обнимающуюся па-

рочку через лупу. Девушка смотрит в определенное место, и именно туда наводит лупу Фотограф. Похоже, он что-то обнаружил, или, по крайней мере, заподозрил, поскольку, взяв в руки белый восковой карандаш, обводит заинтересовавший его участок кустарника. Снимает фотографию с балки и направляется в проявочную.

Томас изучает новый снимок, прикрепленный к стене, — увеличенный кадр места, обведенного карандашом.

Затем прежняя фотография — обнимающиеся Девушка и Мужчина.

Снова увеличенный кадр с кустарником: среди зелени различимо белое пятно — возможно, это лицо человека, который, приподнявшись из кустов, пристально смотрит на парочку. Скорее всего, на Девушку. А она, по-видимому, смотрит на него.

Опять фотография с обнимающимися Девушкой и Мужчиной.

Крупным планом лицо в кустах.

Томас со спины. Разглядывает фотографию. Отступает на несколько шагов, смотрит на фотографии издалека.

Томас вновь в проявочной. Перед ним на столе разложены отпечатки со всех кадров, снятых утром, увеличенные до формата 18×24. Обводит карандашом другие фрагменты снимков.

Возвращается в студию, прикрепляет новые фотографии к стене. Рядом с фотографией незнакомца, прячущегося в кустах, Томас вешает снимок Девушки с вытянутой вперед рукой.

Еще на одном снимке — Девушка в тот момент, когда она впервые заметила Фотографа, — смотрит с тревогой на него, мягко высвобождаясь из объятий Мужчины. Третий снимок — Девушка, кусая ногти, следит, по-видимому, за перемещениями Фотографа на противоположном конце лужайки. Мужчина на снимке тоже внимательно смотрит в сторону Фотографа. И, наконец, последний снимок — Мужчина смотрит на противоположный край поляны — туда, должно быть, побежала Девушка, бросившись вдогонку за Фотографом. Томас в раздумье останавливается перед этим снимком, пытается сопоставить выражения лиц, различные ракурсы и местоположение персонажей.

Присаживается на подлокотник дивана. Вспомнив, вытаскивает из кармана записку с именем и телефоном Девушки, достает из-под кресла аппарат и набирает номер.

Томас. Алло? Найтсбридж-один-два-три-девать?.. Как? О, простите...

Девушка дала ему неверный номер. Швыряет трубку и сердито выбрасывает прочь бумажку. Вновь возвращается к фотографиям.

Подходит к двум снимкам: на одном — Девушка на тропинке у вершины холма,

на втором — Мужчина в кустах. Задерживается у последнего, исследуя каждую его деталь. Садится перед фотографией. Что-то в ней приковывает его внимание. Что-то настолько неожиданное, что Томас срывается с места и несется в проявочную.

Томас в проявочной. Вынимает из кюветы новый отпечаток. Внимательно изучает его.

Возвращается в студию, прикрепляет новый снимок к стене. Это увеличенное изображение прячущегося в кустах мужчины — в руке у незнакомца пистолет.

Томас снимает фотографию Девушки на тропинке. Встает на диван, прикрепляет фотографию Девушки к балке в другой части комнаты. Расположив таким образом фотографии в хронологической последовательности, Томас воссоздает весь эпизод.

Все фотографии по очереди.

Первая — Девушка тянет Мужчину за рукав.

Девушка и Мужчина — увеличенный кадр с предыдущего снимка.

Третий снимок — обнимающиеся Девушка и Мужчина.

Затем Девушка и Мужчина с третьего снимка крупным планом. Девушка смотрит в определенную точку в кустарнике. Камера прослеживает взгляд Девушки: среди деревьев — размытое белое пятно. Возможно, это человек, скрывающийся в кустах.

Пятно крупным планом. Совершенно очевидно, что это — человек.

Увеличенный фрагмент снимка мужчины в кустах — в руке его пистолет, снабженный оптическим прицелом и глушителем.

Обнимающиеся Мужчина и Девушка. Она впервые заметила Фотографа.

Девушка и Мужчина. Оба смотрят в сторону Фотографа.

Отдельно Мужчина. Слегка взволнован, но не так, как его подруга.

Крупным планом Девушка. Кусая от волнения ногти, смотрит на Фотографа.

Девушка идет к Фотографу, прикрывая лицо рукой, чтобы не быть узнанной на снимке.

Девушка стоит возле кустов на противоположном краю лужайки.

Увеличенное изображение девушки с предыдущего снимка. Выражение ее лица говорит о том, что ее взгляду предстает что-то необычное.

Безлюдная лужайка.

Томас перед фотографиями осмысливает воссозданное им происшествие. Не скрывает очевидного удовлетворения. Снимает телефонную трубку, набирает номер.

Томас. Рон?.. Ты знаешь, случилось что-то фантастическое. Эти кадры — в парке... Фантастика... Кто-то хотел кого-то прикончить. Я кому-то спас жизнь... Слышишь,

Рон... там... там была Девушка... Послушай, Рон! Фантастичность в том, что...

Кто-то звонит в дверь.

Томас. Слушай, Рон, тут кто-то в дверь звонит. Подожди у телефона, ладно?

Крупным планом одна из фотографий — Девушка и Мужчина. Томас идет открывать дверь, проходит мимо фотографии, смотрит на нее мельком, словно надеясь на то, что в дверь звонит именно эта Девушка.

Пересекает приемную, на какое-то время замирает у закрытой двери, совершенно растерянный. Медленно открывает дверь, прячась за нее. В дверь влетает спиной вперед какая-то девушка, тут же выскакивает обратно на улицу. На ее месте появляется молоденькая Блондинка, приходившая утром с подружкой. Томас, захваченный врасплох, явно разочарован.

Блондинка. Вы ведь нас не ждали, правда? Томас. Правда.

Коротким кивком приглашает девушек войти. Блондинка стремительно входит в дом, за ней прощмыгивает в дверь Брюнетка. На Блондинке красные колготки, на Брюнетке — зеленые. Мнутя в прихожей, пока Томас закрывает за ними дверь. Новым кивком приглашает их идти дальше.

Девушки, хихикая, бегут вверх по ступенькам.

Томас (за кадром). Кофе сами сможете приготовить?

Девушки, остановившись, свешиваются через перила. Смотрят на Томаса сверху вниз. Блондинка. Я могу сделать кофе по-ирландски, если вам нравится...

Томас поднимается по лестнице. Догоняет девушек, дальше они идут вместе. Перед дверью в кухню девушки останавливаются в нерешительности.

Томас. Проходите, проходите. Не стесняйтесь.

Девушки все хихикают, скорее всего, по привычке. Томас достает банку кофе, кофейник, все это вручает Брюнетке. Берет две кофейные чашки и вновь обращается к Блондинке.

Томас. Она всегда такая?

Блондинка. Какая?

Томас. Будто воды в рот набрала.

Подходит к Брюнетке, вплотную приближает к ней лицо.

Томас. Как твое имя? (Отшатывается). Впрочем, зачем нам имя? Как тебя в постели называют?

Блондинка вновь начинает хихикать.

Брюнетка (надувшись). В постели я только сплю.

Томас обходит Брюнетку кругом, разглядывая ее так, словно перед ним диковинный зверь. Остановившись возле Блондинки, заговорщицки показывает на Брюнетку большим пальцем и, похоже, собирается от-

пустить какую-то колкость в ее адрес, но вдруг вспоминает, что у телефона его ждет Рон. Всузив чашки Блондинке, спешит в студию к телефону.

Блондинка (Брюнетке, шепотом). Что я должна была...

Брюнетка прикладывает палец к губам — просит Блондинку помолчать. Обе прислушиваются к разговору по телефону.

Томас (кричит за кадром). Алло!

Он сидит с аппаратом в руке, примостившись на краю кресла. Не дождавшись ответа, снова набирает номер.

Томас. Алло?

Брюнетка, стоя в дверях смежной с кухней костюмерной, шепотом подзывает свою подружку.

Брюнетка. Тс-с! Посмотри на эти платья...

Входят в костюмерную. Разглядывают висящие на длинной вешалке платья. Брюнетка снимает с вешалки одно из них, поднимает разглядывая.

Брюнетка. Ого!

Блондинке платье не нравится.

Блондинка. Фу!

Брюнетка вешает платье на место. Выбирает другое. Блондинка следует ее примеру.

Блондинка. Посмотри-ка, как тебе это?

Брюнетка. А ну примерь.

Помогает Блондинке раздеться. Блондинка стоит полураздетая, с обнаженной грудью, в одних красных колготках до талии. Она как раз надевает новое платье, когда в дверях появляется Томас. Девушки испуганы.

Брюнетка. Ой!

Томас поворачивается к ней. Брюнетка еще не переоделась, она в своей одежде.

Томас. Что с тобой? Не стесняйся, будь как дома.

С кухни доносится свист закипающего кофейника, и Брюнетка не упускает шанса улизнуть из костюмерной.

Брюнетка (бросаясь в кухню). Кофе убежит!

Крупным планом Блондинка. Рука Томаса, ухватив застежку платья на Блондинке, срывает его с девушки. Блондинка, схватив свое платье, перекинутое через вешалку, быстро прикрывается им. Она немного напугана и прячется от Томаса за вешалкой.

Томас отпихивает вешалку в сторону, та падает на пол, и мы видим жмущуюся к стене девушку, прикрывающую обнаженную грудь платьем.

Томас подходит к ней, тянет платье на себя, вырывает его из рук Блондинки и отшвыривает на пол. Рукой смахнув волосы девушке на лицо, пытается притянуть ее к себе. Блондинка, завизжав, начинает вырываться.

Блондинка кусает Томаса за руку. Начинаясь возня, и Томас грубо бросает ее на пол.

На пороге возникает Брюнетка.

Брюнетка. В чем дело?

Блондинка поднимается с пола. Сумасшедше хохоча, показывает на подружку.

Блондинка. У нее фигура лучше!

Брюнетка. Нет, неправда!

Пробирается бочком поближе к двери, а Томас и Блондинка подступают к ней.

Томас перекрывает выход, вталкивает девушку в комнату.

Девушка. Нет, не надо! О-о-о-о...

Томас ухмыляется, прислонившись к стене. Блондинка, схватив свою подружку, валит ее на пол. Визжа и хохоча, берутся на полу среди вороха платьев. Блондинка, войдя в раж, пытается стянуть с подружки платье. Ей удается расстегнуть молнию.

Томас хохоча сползает по стене, садится на корточки. Смотрит на девушек, смеется, подзадоривая их.

Томас. Ну-ка, ну-ка! Давай, врежь ей слева! Вперед!

Девушки катаются по полу среди разбросанных платьев. Визжат, неудержимо хохочут.

Томас (за кадром). Вас бы вместе вывести на ринг...

Девушки, по-прежнему смеясь, игриво охаживают друг друга. Их дурачества и шалости выглядят весьма возбуждающе.

Томас от души веселится, наблюдая за ними.

Блондинка весьма настойчива в своих намерениях, и ей наконец удается сорвать платье с Брюнетки. Поднявшись с пола, девушки убегают в студию.

Томас встает и идет за ними.

Блондинка гоняется по студии за Брюнеткой. На обеих — одни колготки. Брюнетка прячется от Блондинки за сиреневым задником, прикрываясь каким-то платьем красного цвета.

Блондинка, ухватившись за край задника, тянет его вниз.

Брюнетка смотрит, как ее подруга разматывает рулон бумажного задника.

Блондинка разматала рулон до конца. Задник еле держится.

Блондинка торжествующе смеется. Брюнетка, пытаясь прикрыться бумагой, тянет ее на себя.

Блондинка хватается Брюнетку, и обе падают на пол в ворох бумаги.

Томас, смеясь, подходит к девушкам, присоединяется к их возне.

Томас с девушками на полу, пытается стянуть с Блондинки колготки. Приподнявшись, изо всех сил тянет на себя колготки беспомощно хихикающей Блондинки. Брюнетка помогает ему.

Брюнетка. Держи ее за ноги!

Все трое. Томас снимает с Блондинки колготки, та не сопротивляется. Брюнетка все пытается прикрыть себя куском бумаги.

Задник, сорвавшись, падает на переднем плане на пол, освобождая в кадре место для Томаса.

Томас, сняв с Блондинки колготки, обматывает их вокруг своей шеи. Блондинка, ликуя, подползает к Брюнетке, цепляется за ее колготки.

Блондинка прижимает Брюнетку к полу, а Томас снимает колготки с ее дрыгающихся ног.

Девушки весело смеются. Томас уже снял с Брюнетки колготки.

Девушки теперь совершенно голые. Блондинка тянет Томаса за собой, и они, повалившись, катаются по полу. Их крики и хохот то и дело заглушаются шорохом бумаги, в которой они барахтаются. Наконец Блондинка оказывается наверху. Стянув с Томаса рубашку, начинает расстегивать на его брюках ремень. Брюнетка, которая до этого наблюдала за ними, прикрывшись бумагой, отбросив притворную благосклонность, спешит подруге на помощь — не дает Томасу подняться. Мы оставляем всех троих визжащими и смеющимися.

Проходит некоторое время. Мы видим завешенное полиэтиленовой пленкой окно. Тишина. Камера опускается — обесцвешенный Томас лежит на полу, обнаженный по пояс. Девушки уже одеты. Надевают на Томаса носки: одна — на правую ногу, вторая — на левую. Томас приподнимает голову: что-то привлекло его внимание за их спинами. Медленно поднимается.

Взгляд его по-прежнему к чему-то прикован. Блондинка подает ему рубашку. Томас, на ходу натягивая ее, не отрывая взгляда, идет прочь, оставляя Блондинку в полном недоумении.

Фотографии. Томас подходит к ним, внимательно вглядывается в снимки. Ужасная догадка мелькнула в его голове.

Брюнетка сидит на полу, она никак не может понять, что происходит.

Томас разглядывает последнюю фотографию из серии — безлюдная лужайка — через лупу. Потом так же, через лупу, изучает снимок, на котором Девушка у дальнего края лужайки. Вглядывается сквозь увеличительное стекло в темное пятно возле ног девушки. Вновь переводит взгляд на последнюю фотографию — и здесь возле кустов темнеет какое-то пятно.

Томас резко поворачивается, спешит в провочную. Вспоминает о девушках, которые выжидающе смотрят на него.

Томас. Все, девчонки, финиш. Можете идти. Блондинка. Но ты нас не сфотографировал! **Томас.** Да я... Я никак не могу прийти в себя. Сами, между прочим, виноваты.

Девушки разочарованно переглядываются.

Томас жестами показывает, чтобы они надевали туфли. Девушки делают то, что он им сказал. Идут к двери.

Томас. Завтра.

Блондинка с Брюнеткой мнутя возле двери в кухню, оборачиваются с надеждой на Томаса.

Томас (*орет*). Завтра!

Девушки исчезают.

Томас один. Проводит рукой по лбу, вспоминая, что он собирался делать. Идет в проясочную.

Через пластиковое окно мы видим, как Томас медленно, нерешительно идет по узкому пандусу, угнетаемый ужасным предчувствием.

Входит во вторую проявочную, прикрепляет к деревянной панели принесенный с собой сильно увеличенный снимок Девушки возле кустов. Направляет на фотографию лучи двух софитов. Устанавливает большую стационарную камеру на таком расстоянии, чтобы темное пятно вышло максимально увеличенным. Выдержав экспозицию, вынимает из камеры фотопластину и выходит из комнаты.

Томас в первой проявочной. Вытаскивает свежий отпечаток из сушки.

Входит в студию, прикрепляет этот отпечаток к планке со страусиными перьями рядом с установленной здесь ранее увеличенной фотографией безлюдной лужайки.

Отступает на несколько шагов от снимков, и камера поворачивается в сторону фотографий. Наплыв на первую фотографию, затем на вторую и вновь на первую. На обеих фотографиях явственно видно, что «пятно» у ног Девушки — распростертый на траве труп.

Томас рассматривает снимки. Нервно взъерошив волосы, идет еще раз взглянуть на фотографию прячущегося в кустах незнакомца с пистолетом.

С размаху валится на диван. Лежит на спине. Затем садится, в замешательстве смотрит на фотографии, висящие на задней стене. Подавлен и расстроен как никогда. Вдруг, осененный какой-то новой идеей, вскакивает и уходит.

Ночная улица. Из узкой улочки вырывается «роллс-ройс», проезжает мимо антикварной лавки и останавливается у входа в парк. Гаснут фары автомобиля, из него выходит Томас и, торопливо пересекая улицу, направляется в парк.

Томас идет по парку. Камера следит за ним, захватывая в кадр брызжущую светом неоновую рекламу на соседнем небоскребе. Томас спешит.

В парке темно, пустынно и тихо. Только листья подрагивают на ветру.

Вид спереди на поднимающегося по тро-

пинке Томаса. Прибавив шагу, он подходит к лужайке. Тусклый свет от оставшейся позади неоновой вывески еле освещает его путь. Томас переходит на бег.

Приблизившись к кустам, Томас в нерешительности вновь переходит на шаг и вдруг останавливается.

Томас крупным планом. Затем камера движется, и в кадре появляется белое лицо мертвеца, лежащего на земле с остекленевшими глазами. Это — приятель Девушки. Томас подходит к трупу. Нервно озирается по сторонам — в кадре шелестящие кусты — и склоняется к телу.

Крупным планом Томас. В глазах его не ужас и не паника, скорее, осознание серьезности происшедшего.

Крупным планом мертвец. На лице его застыло то же застенчивое выражение, какое было утром у живого еще Мужчины. Фотограф медленно выпрямляется.

Крупным планом Томас. Какой-то звук, похожий на хруст ломаемой ветки, заставляет Томаса метнуться в кусты. Он всматривается в просвет между деревьями, где утром прятался убийца. Кромешная тьма, которая, возможно, скрывает кого-то, пугает Томаса. По спине его ползут мурашки.

Вновь где-то хрустнула ветка. Томас крадется вдоль кустов, озираясь вокруг. В тусклом свете неоновой рекламы видны силуэты Томаса и покойника. Томас бросается к тропинке и, добравшись до нее, несется во всю прыть к выходу, то и дело оглядываясь на бегу — не преследует ли его убийца.

Томас вернулся в студию. Сквозь матовые стеклянные панели мы видим, как он входит в просторную нижнюю комнату и останавливается у пропеллера. Пнув его ногой, подходит к лестнице. Мы видим его отражение в большом зеркале, которое здесь висит. Передумав, Томас идет к дверце в дальнем конце комнаты и выходит на задний двор.

Томас идет через двор к дому Билла. Дверь там, как всегда, не заперта. Томас входит в дом.

В коридоре горит свет, но, кажется, в доме никого нет. Включено радио, слышна фортепьянная мелодия. Томас проходит, затем, услышав какой-то звук, останавливается.

Вид сквозь жалюзи — Томас подходит к двери в спальню, заглядывает туда. Стоит, ошарашенный увиденным.

Вид через двери спальни. Билл и Патриция занимаются любовью. Их стоны заглушают музыку, транслируемую по радио.

Томас смотрит на них, слегка напуганный и ошеломленный.

Крупным планом Патриция. Голова ее свешивается с постели, и она замечает Томаса. Билл о его присутствии не догадывается.

Томас благоразумно порывается исчезнуть, но — перебивка на Патрицию и Билла — Па-

триция в отчаянии мотает головой, словно пытаясь удержать Томаса.

Крупным планом Патриция. Кивает Томасу, в глазах — явное приглашение остаться.

Томас возвращается, но он сильно сконфужен.

Крупным планом улыбающаяся Патриция. Она смотрит на Томаса вплоть до оргазма, словно совершает половой акт с ним, а не с Биллом.

Томас отворачивается, отводя глаза.

Раковина завалена грудой немойтой посуды.

Томас вновь оборачивается, пытаясь сконцентрировать свое внимание на чем-то другом.

Пепельница, полная окурков, радиоприемник.

Колышущееся одеяло. Одна из картин кисти Билла, висящая над кроватью.

Короткий кадр — Билл и Патриция.

Кадр, снятый из-за жалюзи: Томас подходит к выходу.

Билл, встрепенувшись, поднимает голову, услышав хлопанье входной двери.

Томас в своем доме. Поднимается по лестнице, входит в студию. На переднем плане огромный ворох скопканной фиолетовой бумаги. Томас оглядывается вокруг, и что-то заставляет его застыть как вкопанного.

В кадре — все помещение студии. Достаточно мгновения, чтобы понять, в чем дело, — с балок и со стен исчезли все фотографии.

Томас ошеломлен и сбит с толку. Идет в жилую часть студии.

Словно в дурном сне, подходит к кофейному столику, опускает голову.

Отражение Томаса в стеклянной столешнице.

Смотрит по сторонам, что-то припоминая. Негативы! Вспомнив о них, Томас ищет пленки в шкафу. Потом по пандусу спешит вниз, в проявочные.

Томас открывает дверь в первую проявочную. В лаборатории все вверх дном. Пленок нет. Томас входит во вторую проявочную. И здесь полный кавардак. Томас обшаривает все полки, но увы... Томас стоит в задумчивости у стола, барабанив по нему пальцами.

В каком-то оцепенении возвращается в студию. Все ясно: преступники выкрали единственные вещественные доказательства убийства. Томас замечает какой-то снимок, упавший в щель между двумя шкафами.

Уцелевший отпечаток: для непосвященного это хаотично разбросанные черные и белые пятна, хотя на самом деле на снимке сильно увеличенное изображение трупа. Все, что осталось от многочисленных свидетельств происшествия, случайным свидетелем которого стал Томас. И это единственное изображение кажется лишенным всякого смысла.

Томас, склонившись над снимком, пытается

ся разглядеть его пристальнее. Вдруг на лестнице раздаются чьи-то шаги. Томас в панике. Шаги приближаются. Томас мечется в поисках укрытия.

На верхней лестничной площадке появляется стройная женская фигура. Это Патриция. Улыбается Томасу.

Патриция (*совершенно естественным тоном*). Ты что-то искал?

Томас не может найти слов. Смотрит на Патрицию и по выражению ее лица пытается угадать, что ответить.

Томас. Нет.

Патриция (*за кадром*). Да-а?

Томас подходит к Патриции.

Томас. Ты собираешься уйти от него?

Патриция. Нет, и не думаю.

Томас пристально смотрит ей в глаза. Патриция, смутившись, отводит взгляд. Долгая пауза — Томас словно хочет еще о чем-то спросить, но никак не может облечь в слова свой вопрос. Затем все же прерывает молчание.

Томас (*совершенно изменившимся тоном*).

Я сегодня утром видел, как убили человека.

Патриция (*вновь поворачиваясь к Томасу*). Где?

Томас. В него выстрелили. В одном парке.

Томас, заметив на балке уцелевший уголок от одной из украденных фотографий, сдирает его и начинает внимательно рассматривать.

Патриция. Ты уверен?

Томас. Он до сих пор там лежит.

Патриция подходит ближе.

Патриция. А кто он?

Томас и Патриция.

Томас. Кто его знает...

Вновь, только с противоположной стороны, Томас и Патриция. Смотрит на Томаса недоверчиво.

Патриция. Как это случилось?

Томас. Не знаю. Я не видел.

Патриция подходит совсем близко.

Патриция. Значит, не видел?

Пристыженный Томас бормочет, как бы извиняясь.

Томас. Нет...

Патриция. Почему бы тебе не сообщить в полицию?

Томас пропускает совет мимо ушей. Кивает на лежащую на полу фотографию мертвеца.

Томас. Вот этот труп.

Патриция, нагнувшись, поднимает фотографию. Посмотрев на нее, поворачивается к Томасу, снисходительно усмехается — Томас, видимо, просто не понимает, что говорит.

Патриция. Похоже на картины Билла.

Томас (*он только сейчас заметил это сходство*). Правда!

Имя Билла, произнесенное вслух, возвра-

щает их к той странной ситуации, в которую они втроем были поставлены. Патриция опускает фотографию на пол и, походив в задумчивости, поворачивается к Томасу.

Патриция. Ты мне поможешь?

Вид из-за плеча Патриции: Томас крупным планом. Он в смятении.

Патриция. Я не знаю, что делать.

Перебивка — в кадре Патриция. Томас рассказывает рядом. Смотрит на Патрицию, возможно, впервые пытаясь понять, что нарушает ее душевное равновесие.

Томас. А в чем дело? А?

Пауза. Патриция уходит в сторону.

В кадре Томас. Патриция ходит по комнате чуть поодаль от него. Бросает взгляд на уцелевший кусок фотографии.

Патриция. Интересно, почему они его убили?

Поворачивается к Томасу.

Томас крупным планом. Опирается о стену. Смотрит на Патрицию.

Крупным планом Патриция. Опускает глаза.

Оба в кадре. Томас кладет оторванный уголок фотографии на полку позади себя.

Томас. Не знаю — я у них не спрашивал.

Крупным планом Патриция. Она уходит, но, дойдя до планки со страусиными перьями, останавливается, хочет что-то сказать. Потом, усмехнувшись, идет к лестнице, спускается вниз.

Томас стоит не шелохнувшись, погруженный в свои мысли. Слышен звук удаляющихся шагов Патриции.

Скрестив руки на груди, Томас пытается решить, что делать дальше. Внезапно устремляется к телефону и набирает номер.

Томас. Алло, Рон?.. А, это ты, милашка! А Рон дома? Нет, хотел его пригласить с собой... Где, говоришь? А-а! Ладно, там я его и перевахчу. Пока, крошка.

Кладет трубку и быстро идет к выходу.

«Роллс-ройс» движется по одной из центральных улиц Лондона. Томас поглядывает на ярко освещенные витрины магазинов, вдруг резко тормозит, едва не въехав на тротуар.

Томас смотрит внимательно через плечо.

Перед одной из витрин толпится небольшая кучка людей. Среди них Томас углядел Девушку из парка.

По тротуару, огибая толпящихся у витрины, снуют прохожие. Девушка, оглянувшись, вдруг исчезает в бурлящем потоке пешеходов. Томас, выскочив из машины, расталкивает прохожих, но Девушки уже и след простыл.

Томас, увертываясь от прохожих, бежит по тротуару, отыскивая взглядом Девушку.

Останавливается, глядя в толпу, стоящую у витрины. Томас думал, что Девушка спряталась именно там, но теперь толпа рассосалась, и возле витрины никого

не остается. Девушка как сквозь землю провалилась. Томас добегает до конца аллеи, но Девушки нигде нет. Томас озирается по сторонам. Бесплезно. Увидев небольшой переулок, отвлекаясь от центральной улицы, сворачивает туда. Бежит по темной и узкой улочке до самого конца. Сворачивает в какой-то двор. И тут никого.

Из дверей расположенного здесь клуба доносится музыка. Томас, поднявшись по железным ступенькам на небольшое крыльцо, распахивает дверь. Идет по коридору. На двери надписи: «Здесь покоится Боб Дилан. Скончался в Ройал-Альберт-Холле 27 мая 1966. Спи спокойно», «Я люблю Хэрлда», «Или там, или где-то поблизости».

Все стены обклеены афишами предстоящих концертов.

Томас входит в тускло освещенное просторное помещение, стены которого выкрашены в черный цвет. На стенах белым по черному — портреты рок-звезд. В зале полно молодежи. Томас пробирается сквозь толпу, поглядывая по сторонам в поисках Девушки. На сцене — группа «Ярдбердз». Музыка звучит на полную мощь.

Вокалист (*за кадром*).

Stroll on
'Cause...

Томас расталкивает плечами зрителей, но никто не обращает на него никакого внимания. Все, застыв, слушают «Ярдбердз». Никто даже не приотпнет ногой в ритм, не прищелкнет пальцами, не качнет головой.

Вокалист.

...it's all gone
Treat you right
You make me cry
You're tellin' me
You didn't see...

Томас в толпе.
Вокалист (*за кадром*).

I love no more
If you wanna know
I love you so...

Еще раз крупным планом Томас. Ищет среди толпы Девушку.

...And I don't wanna
let you go
Stroll on
Stroll with your feet
Stroll...

«Ярдбердз» и зрители, глядящие на них во все глаза. Томас пробивает себе дорогу сквозь толпу.

Вокалист (*за кадром*).

...on
'Cause you really love me
Stroll on
Be a pair tonight
Stroll on...

Крупным планом гитарист.
Вокалист (за кадром).

...It'll be your turn tonight
If you don't change your mind...

В кадре «Ярдбердз», снятые снизу.
Вокалист.

You ain't gonna find anymore my kind...

Исполняющий соло гитарист.
Томас наконец выбирается из толпы. В кадре — единственная танцующая пара: Блондинка в полосатых брюках и серебристой куртке с каким-то цветным в бордовых штанах.

Позади танцующих, вдоль стены, сидят на стульях еще несколько десятков зрителей. Девушки нет и среди них.

Томас идет дальше, к другой группке молодежи.

Вновь зигзагами пробирается сквозь толпу, беспрестанно глядя по сторонам. Протискивается и оказывается возле самого края сцены.

Мы видим «Ярдбердз» из глубины сцены. Снизу за ними молча наблюдают зрители. В это время один из динамиков начинает «фонить» — раздаются треск и свист.

Гитарист, занервничав, на мгновение прекращает игру. Пытается вместе с Вокалистом исправить динамик. Гитарист вновь начинает играть, а певец возвращается на свое место.

Гитаристу явно не везет. В динамике опять какие-то помехи, вновь на помощь спешит Вокалист. Крутит какие-то ручки на динамике. Толпа с интересом следит за происходящим на сцене. Гитарист возвращается к самому краю сцены, ударяет по струнам — в динамике хрип и треск. Гитарист приходит в ярость, разворачивается и, не прекращая играть, со всего маху бьет гитарой по динамику.

Вокалист (за кадром).

...Stroll on...
The reason why
You make me cry...

Зрителям, похоже, понравилось такое развитие событий. Даже Томас, отвлекшись от своих поисков, оборачивается посмотреть, что происходит на сцене.

Вокалист (за кадром).

...You didn't see
A richer beau
I love her no more...

Гитарист вновь обрушивает инструмент на динамик. На заднем плане — зрители, наблюдающие за Гитаристом.
Вокалист (за кадром).

...Do you wanna know
I love you so
I don't wanna let you go
Stroll...

Гитарист дубасит по динамику, к нему на сцену спешит какой-то парень из толпы. Подбегает к усилителю, нажимает какие-то кнопки, подавая руками знаки Гитаристу.

Вокалист (за кадром).

...on
Gonna make you see
Stroll on
'Cause you really love me
Stroll on
It'll be your turn tonight
Stroll on...

Гитарист стоит рядом с парнем, который пытается отрегулировать усилитель. Вокалист продолжает петь под аккомпанемент остальных музыкантов группы.
Вокалист.

...If you don't change your mind
You ain't gonna find anymore my kind...

Гитарист, изо всех сил хватив гитарой по усилителю, разбивает ее вдребезги. Со злостью швыряет обломки гитары на пол.
Гитарист (Вокалисту). Давай сначала!

Крупным планом нога Гитариста, топчущая гитару.

В кадре бас-гитарист. Затем камера поворачивается на Вокалиста.
Вокалист.

...Stroll on
'Cause it's all gone
Treat you right...

Ударник держит бешеный ритм.
Вокалист (за кадром).

...You make me cry
You're tellin' me...

Крупным планом Гитарист, опустившийся на колени возле гитары. На уцелевших струнах болтаются обломки гитары. Гитарист перекусывает струны и швыряет гриф гитары в публику.

Вокалист (за кадром).

...You didn't see...
...I love no more
If you wanna know I love you so...

Зрители словно с цепи сорвались. Каждый хочет, чтобы обломок достался ему. Вид со

сцены: визжащие, толкающие друг друга зрители. Кто-то падает на пол. Какие-то девицы дерутся из-за грифа.

Вокалист заканчивает песню, которую ему пришлось спеть дважды. У поклонниц — истерика.

Вокалист.

...If you don't change your mind
You ain't gonna find anymore my kind.

Томас тоже оказывается в свалке. Он и дерется яростнее всех, и в конце концов именно ему достается кусок гитары. Сжав его в кулаке, он локтями прокладывает себе путь к выходу.

Томас бежит к выходу; у сцены бешуется толпа. Томас несется по коридору, преследуемый фанами. Две девушки отскакивают в сторону, прижимаясь к стене. Томас, едва не сбив их, бежит к выходу. Один из двух достигших его парней, споткнувшись, падает.

Томас выскакивает на улицу, бежит по переулку, сворачивает на главную улицу. Возле витрины магазина останавливается переводя дыхание. Взглянув на обломок гитары, отшвыривает его на мостовую. Оглядевшись по сторонам, устремляется к своему автомобилю. Какой-то прохожий поднимает сломанный гитарный гриф и, недоуменно pokrив в руках, вновь бросает на землю.

Спустя некоторое время. Набережная Челси. Томас подходит к высоким железным воротам, ведущим через сад к стоящему в глубине дому. Томас минует ворота, и они закрываются.

Томас у входной двери. Звонит. Какой-то мужчина открывает дверь, и Томас входит в большую гостиную, в которой полно народу. Вечеринка в разгаре. Все пьют, курят, болтают. В комнате — оживленный, но не очень громкий гул, интерьер весьма изящный. Томас, поздоровавшись с парой приятелей, озирается по сторонам, пытается кого-то отыскать. Идет в дальний конец комнаты, где поменьше народу. Здесь находится вторая дверь, выходящая в холл, который соединяет гостиную со спальней.

Томас входит в спальню, останавливается, оглядывается вокруг. Человек двенадцать развалились на кушетках и на полу. Все курят, пускают сигарету по кругу — ясно, что это любители марихуаны.

Томас все еще озирается по сторонам.

Несколько парней и девушек, уединившись, затягиваются «травкой», над чем-то хихикают.

Одна из девушек курит трубку; вторая сворачивает «косяк» — достав из пакетика марихуану, насыпает ее на кусочек папиросной бумаги и осторожно склеивает самокрутку. Все происходит словно во сне. Атмосфера в комнате пропитана такой сверх-

естественной безмятежностью, что все происходящее кажется ирреальным.

Девушка делает длинную затяжку.

Курящий парень. Затем в кадре девушка, которая смотрит на него сверху вниз. Еще один молодой человек встает, передает кому-то «косяк». В кадре Томас, пробирающийся через комнату.

Какой-то мужчина — спиной к камере — стоит на коленях перед двумя девицами. Томас подходит к нему, теребит того за плечо. Мужчина встает, оборачивается, и мы видим, что это Рон.

Томас. Рон, на минутку, если можно.

Рон «плывет». Во рту у него сразу две самокрутки.

Томас (настойчиво). Рон!

Две девицы. Рон наклоняется к ним и медленно вставляет в рот каждой по «косяку». Томас, схватив Рона за шиворот, тащит его к двери.

Выволакивает Рона в гостиную, ведет его в угол, где поменьше народу.

Томас. Человека убили!

Рон буквально валится в кресло рядом с какой-то девушкой. Та поспешно встает и уходит.

Рон. Ага... Отлично... Отлично...

Томас наклоняется над ним.

Томас. Послушай! Те кадры, что я снял в парке...

Но Рон не слушает. Он повернулся в сторону комнаты, из которой они только что пришли, и делает кому-то знаки рукой.

Оттуда выходит Натурщица, которую Томас фотографировал утром. Изо рта у нее свисает сигарета. Рон протягивает руку и забирает сигарету себе. Тем временем Томас поворачивается к Натурщице.

Томас. Ты вроде должна быть в Париже?

Натурщица. Я в Париже.

Рон, глубоко затягивающийся «травкой».

Рука Рона передает «косяк» Томасу.

Томас с Натурщицей.

Рон (за кадром). На, затянись...

Томас берет сигарету, передает ее машинально Натурщице, и та, сунув сигарету в рот, уходит.

Томас вновь пытается растормошить Рона. Садится в кресло напротив него.

Томас. Я хочу, чтобы ты взглянул на труп. Нам нужно сфотографировать его.

Рон. Я не фотограф.

Томас. Я фотограф!

Отворачивается, раздраженный, от Рона. Встает, уходит.

Томас. Оборачивается на Рона.

Рон сидит, развалившись в кресле.

Во взгляде Томаса — горькое разочарование.

Рон недоуменно мотает головой. Потом встает с кресла, бормочет себе под нос.

Рон. И что это с ним творится?..

Идет в комнату, где собрались наркоманы. Томаса он словно не замечает, но, проходя мимо него, внезапно что-то припоминает.

Рон (*смотрит Томасу в глаза*). Что, говоришь, ты видел в этом парке?

Томас, отвернувшись, в отчаянии качает головой.

Томас. Ничего.

Рон идет дальше. Томас плетется за ним, совершенно обескураженный.

Томас. Рон!

Рон уже в холле, соединяющем гостиную со спальней. Оборачивается, манит Томаса за собой. Томас не трогается с места, и тогда Рон возвращается, обнимает Томаса за плечи и увлекает за собой.

Рон и Томас исчезают в спальне. Из той же двери появляется девица в белой куртке и в белой длинной юбке. Во рту — «косячок». Девица входит в гудящую гостиную, захлопывает за собой дверь. Гул стихает, а потом и вовсе сходит на нет. Тишина.

Светает. Томас спит, растянувшись на кровати посреди комнаты. Бледный свет из окна проникает в спальню. На полу валяются бутылки, стаканы, пепельница. Томас просыпается. Осматривается, удивленный, вокруг, вздыхает и садится в постели, почесывая голову. Смотрит в окно. Мы, заглянув вслед за ним в окно, видим деревья, крышу дома напротив и полосу синего неба. Томас встает и, потирая раскалывающуюся голову, выходит из спальни.

Томас входит в гостиную. Здесь царит такой же кавардак — бутылки и опрокинутые стаканы на столах, сдвинутая с мест мебель, валяющиеся на полу подушки. Из окна виден кусочек Темзы. Тишину нарушают какие-то еле слышные звуки. Дом пуст. Томас останавливается, выглядывает в окно, затем направляется к входной двери. Еще несколько мгновений в кадре — темная пустая гостиная и полоска реки, видимая из окна. Ничто не шелохнется.

Томас снова приехал в парк. По тропинке, которая ведет к лужайке, он направляется к вершине холма. Сильный, свежий ветер треплет листья деревьев, раскачивает кусты.

Томас повторяет проделанный им ранее путь: пересекает лужайку. Рассветную тишину нарушает лишь шелестящий в ветвях ветер.

Томас идет к дальнему краю лужайки, на ходу настраивая фотоаппарат, чтобы сразу же сфотографировать труп.

Он все ближе к кустам, в нетерпении даже переходит на бег. Достигнув кустов, медленно наклоняется к земле.

Томас, частично скрытый листвой, обходит куст кругом. Напряжение нарастает. У Тома-

са такое впечатление, будто что-то изменилось возле куста.

Возвращается, обгнув куст. Смотрит вниз. Затаив дыхание, останавливается. Может, он ошибся и ищет не там? Да нет, это именно тот куст, никаких сомнений быть не может. Только трупа уже нет.

Томас, опустившись на колени, рассматривает траву — должны же были остаться от тела хоть какие-нибудь следы.

Мы видим Томаса как бы сверху. Томас разглядывает газон. Никаких следов. Ни единой примятой травинки. Он поднимает глаза, смотрит в небо: усилившийся ветер треплет листья.

Ветви деревьев, под которыми лежал труп. Они гнутся под внезапным порывом ветра, затем камера опускается и в кадре появляется Томас. Смотрит туда, где лежал убитый, потом, повернувшись, уходит, но, сделав несколько шагов, останавливается. Вдали, над деревьями, — огромная неоновая вывеска в светящем небе.

Безлюдная лужайка, окаймленная деревьями, снятая с той точки, где остановился Томас.

Томас. Еще раз взглянув на место, где лежал труп, он поворачивается, смотрит в дальний конец лужайки, где начинается еще одна тропинка, потом опять на кусты. Может быть, тело волокли в ту сторону? Нет, ничего, никаких следов. Гаснет неоновая вывеска. Уже совсем светло. Томас смотрит на вывеску, потом опять, в который раз, — на траву возле кустов.

Томас стоит у кустов с несчастным видом. Потом медленно идет к тропинке, по которой сюда пришел. Фотоаппарат болтается у него на боку.

В нижней части парка по асфальтовой дорожке, проложенной вокруг теннисных площадок, несется джип. В нем — те самые студенты, которые вчерашним утром собирали деньги в центре Лондона.

Студенты кричат, колотят жестяными копилками по джипу, производя невообразимый шум.

Камера — перед ветровым стеклом стремительно набирающего скорость джипа. Вид через проволочное ограждение теннисных кортов — джип, рыча, мчит по дорожке.

Томас спускается по тропинке, смотрит, как джип кружит по асфальтовой дорожке. Джип удаляется к дальнему концу парка. Томас смотрит на студентов.

Джип проезжает позади теннисных кортов, как раз под выкрашенными в белый цвет домами. Развернувшись, едет в нашу сторону. Студенты кричат, размахивая руками.

Томас, срезая путь, идет через газон к теннисным кортам. Джип останавливается у входа на корт.

Студенты выскакивают из джипа, и двое

из них — парень и девушка — перелезают через ограду на корт. Остальные вытягиваются вдоль ограды. Студенты похожи на мимов — такая же эксцентричная одежда, напудренные лица.

На парне, который собрался играть в теннис, — рабочий комбинезон, на его партнерше — полосатое платье поверх черных колготок. словно взяв ракетки и мячи, жонглируя, они расходятся, каждый в свой конец площадки. На самом деле никаких ракеток и мячей у них нет, и игру в теннис они изображают пантомимой. Воображаемая партия начинается. Теннисисты энергично перемещаются по площадке, но на корте при этом царит тишина.

Парень ударом справа направляет «мяч» на сторону девушки, та принимает, и теннисист, несмотря на все свои попытки, не успевает взять его. Досадливо прищелкивает пальцами.

Томас тем временем подходит к корту. Останавливается на углу площадки со стороны девушки. Смотрит, прислонившись к ограде.

С этой точки наблюдаем за игрой и мы. Теннисисты носятся по площадке, сыплются удары справа и слева. Порой они пропускают мячи и тогда, не скрывая досады, бранят себя за ошибки.

Остальные студенты смотрят на своих приятелей с хорошо имитируемым интересом. Поворачивают синхронно головы вправо-влево, словно следят за перелетающим мячом — с одной стороны площадки на другую. Влево-вправо, вправо-влево. Все это происходит абсолютно беззвучно.

Трое студентов. Головы вправо — головы влево.

Девушка в котелке с белыми пятнами прильнула к проволочному ограждению корта. В кадре ее зрачки, бегающие вправо-влево. Еще одна девушка тоже из-за сетки смотрит на теннисистов.

Теннисистка, достав мяч у задней линии, подрезает его. Ее партнер выходит к сетке и мощнейшим ударом возвращает мяч обратно.

Студенты отшатываются от ограды, словно отскокивший мяч ударился в проволочное ограждение прямо перед их носами.

Теннисист бежит вправо, пытаясь достать мяч, и исчезает из кадра.

Томас. Усмехается, наблюдая за игрой.

В это время девушка пропускает мяч, и тот врывается в ограждение рядом с Томасом. Девушка подбегает, берет мяч в руки. Вид из-за сетки. Она стоит на переднем плане, смотрит на Томаса, пожимая плечами, словно оправдываясь: виновата, дескать, но ведь со всеми случается. Потом, повернувшись, спешит на площадку. Томас улыбается: игра начинается ему нравиться.

Напряжение на площадке возрастает, следует серия обменов смсками с лета. Девушка подает. Камера прослеживает траекторию полета воображаемого мяча. Парень принимает. Девушка посылает мяч высокой свечой — камера вновь следит за полетом мяча — поднимается вверх и резко опускается. Парень бьет по мячу с лета.

Девушка, отбивающая мяч слева.

Парень выходит к сетке и достает мяч.

Девушка обводящим ударом посылает мяч к задней линии, и парень со всех ног бросается за ним. Достает-таки мяч, но теперь уже девушка выходит к сетке и укороченным ударом отправляет мяч через сетку. Этот мяч парню не взять. Девушка, довольная, возвращается к линии подачи. Она выиграла очко.

Студенты бурно, но абсолютно беззвучно реагируют на происходящее — размахивают руками, открывают рты в безмолвном крике.

Та сторона корта, у угла которой стоит, прислонившись к ограждению, Томас. Парень, не рассчитав силу удара, посылает мяч слишком высоко, и тот перелетает через ограду. Девушка подбегает к ограде. Томас и девушка сопровождают взглядом полет мяча.

Теперь за мячом следит и камера — вот он, перелетев через ограду, падает на траву и, прокатившись немного по земле, останавливается.

Девушка умоляюще смотрит на Томаса, одним выражением глаз просит подать ей мяч. Томас колеблется — похоже, что он несколько смущен, и тогда девушка показывает ему рукой, куда укатился мяч.

Остальные студенты смотрят издали — Томас наконец поворачивается и медленно идет за мячом, исчезая из кадра.

Студенты, которые, отвернувшись от корта и ухватившись за сетку одной рукой, смотрят теперь выжидающе в сторону Томаса.

Томас бежит к несуществующему мячу. Кладет фотоаппарат на землю и, наклонившись, берет мяч в руки.

Подбросив его два-три раза в руке, разбегаются и с силой бросают мяч, возвращая на корт. Следит за его полетом.

Потом вновь начинают наблюдать за игрой, поворачивая голову след за мячом. Слабо улыбается. Он абсолютно искренне сконцентрировался на том, чего на самом деле не существует. Томас очень бледен, цвет его лица не очень-то отличается от напудренных физиономий студентов. Постепенно, перекрывая шелест листьев, возникает какой-то звук. Он все громче, громче, и вот уже мы слышим, что это стук теннисного мяча. На этой стороне площадки, на противоположной, на этой, на противоположной. Стук-стук, стук-стук.

Стук мячей становится совершенно отчетливым, и Томас опускает глаза.

Камера снимает с очень высокой точки над лужайкой.

Томас с такой высоты кажется крохотной одинокой фигуркой, затерянной в море травы. Он серьезен и неспокоен. Оборачивается вправо, потом идет к фотоаппарату, поднимает его с земли. Оглядывается через плечо на корт, затем поворачивается к нему лицом.

Начинает звучать музыка.

Кажется, Томас во что-то всматривается, но на самом деле он никуда и ни на что не

смотрит. Глаза его принадлежат сейчас кому-то другому, кто следит за его мыслями и не может понять — болезненные они либо обнадеживающие. Изображение Томаса, сглаживаясь, исчезает, и на зеленом фоне травы проступают титры: КОНЕЦ и — вслед за этим — **КРУПНЫМ ПЛАНОМ.**

© 1971 by Lorrimer Publishing Limited, London.

Перевод Ш. Куртшвили

ВСЕСОЮЗНОЕ ТВОРЧЕСКО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «КИНОЦЕНТР»

представляет фирму
«ПРЕМЬЕРА ПЛЮС»

Прокат

Фестивали

Творческие встречи

«Премьера плюс» — это новые фильмы, ретроспективы, творческие встречи, картины прошлых лет, премьеры с участием создателей фильма, презентации, рекламные кампании по выпуску ленты, фестивали.

Это — информационное киноагентство «Премьера плюс».

Наша идея проста — хорошего и разного кино — отечественного и зарубежного — должно быть на экранах больше.

Мы не считаем, что советское — значит лучшее. Но мы убеждены, что работа мастеров нашего кино должны наконец появиться вновь на экранах.

У советского кино есть свой зритель! Об этом свидетельствует успех нашего «фирменного» фестиваля «Вторая премьера», обширная почта редакций газет и журналов.

Наши партнеры — прежде всего те, кто хочет поддержать талантливые советские фильмы.

Зритель лишен права выбора — «Премьера плюс» стремится дать ему такое право.

Наша фирма — это многолетний опыт Всесоюзного бюро пропаганды киноискусства

плюс

творческая инициатива,
коммерческий риск,
надежность и партнерство!

Фирма «Премьера плюс» начинает действовать. Ждем ваши предложения и проекты! Не откладывайте их в долгий ящик!

Наш девиз:

«Будьте благоразумны! Требуйте невозможного!»

Наши координаты:

123376, Москва, ул. Дружинниковская, 15

Телефоны: 255-92-37, 255-94-96

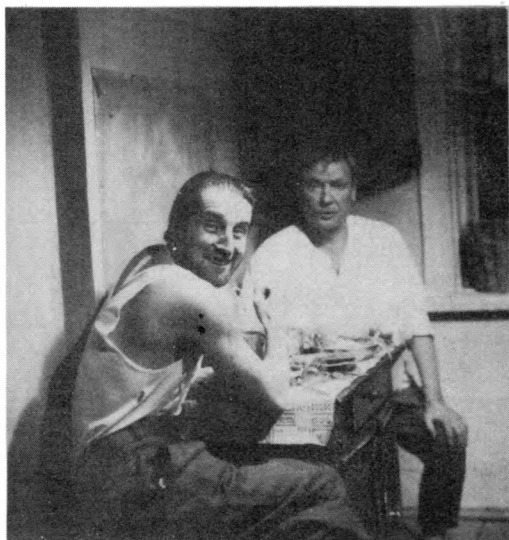
255-94-90, 255-96-56

Телекс — 411070

Телефакс — 973 20 79

Расчетный счет 608642 в Коммерческом банке «Пресня-Банк» г. Москвы, МФО 201144

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСКОЕ

«Француз». Л. Ярмольник — дядя Сева,
С. Шакуров — отец

«Поездка в Висбаден». Н. Лапина — Полозова

Экспериментальное творческое объединение «Ладья» киностудии имени М. Горького официально узаконено 1 января 1988 года как первое в нашем кино объединение, работающее на основах самофинансирования и самоокупаемости.

Спуск «Ладьи» со ступеней перестроечного кинематографа сопровождался шумом не без привкуса скандала: одно из первых детищ нового объединения — фильм «Воры в законе» — кинопуритане ругали за отход от канонов советского кино, а зрители — за то, что билеты на него трудно достать. За столкновением мнений о фильме (кстати, оказавшемся наиболее скромным произведением эпохи посрамления цензуры) не следует забывать, что цели «Ладьи» шире, чем эпатаж или коммерция.

«Ладья» существует ради зрителя, и три кита, которые поддерживают ее

на плаву, это — любимые народом жанры, «зрительские» режиссеры, яркие актеры.

За три года «Ладья» выпустила полтора десятка фильмов. Среди них мелодрамы: «Француз» (реж. Г. Юркова), «Двое и одна» (реж. Э. Гаврилов), комедия-гротеск «Пиры Валтасара» (реж. Ю. Кара), фантастический фильм Ю. Мороза «Подземелье ведьм», экранизация классики — картина «Поездка в Висбаден» режиссера Е. Герасимова по мотивам повести И. С. Тургенева «Вешние воды», социальные драмы: «Тело» (реж. Н. Хубов), «Ночевала тучка золотая» (реж. С. Мамилов).

«Ладья» сотрудничала с писателями Ф. Искандером, А. Приставкиным, К. Булычевым, Г. Щербаковой.

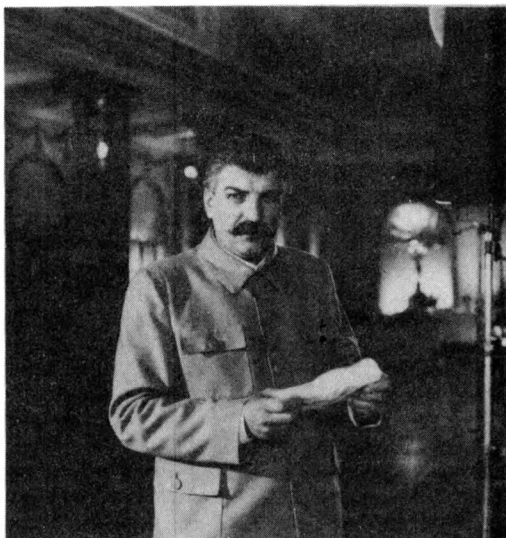
В наших фильмах снимались популярные актеры разных поколений: А. Петренко, Г. Бурков, Е. Майорова,

ПЕЧАТАЕМ РЕКЛАМУ

ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЛАДЬЯ»

«Взбесившийся автобус».
А. Самохина — Тамара, И. Калныньш — Орлов

«Пирь Валтасара». А. Петренко — Сталин

И. Бортник, В. Гафт, Е. Евстигнеев, З. Гердт, С. Жигунов, Н. Караченцов. Именно у нас дебютировали А. Самохина, А. Жигалов, Д. Певцов, А. Клюка.

Объединение «Ладья» имеет честь представить зрителям новую картину одного из патриархов отечественной режиссуры Л. Кулиджанова «Умирать не страшно». Это фильм негромкий и целомудренный. Его герои (а действие происходит в 1935 году) — представители старой, традиционной русской культуры. Никакие обстоятельства, никакие страдания не властны разрушить величие и благородство их душ, и потому фильм — это нормальная опора для зрителя в наши тоже нелегкие дни. В картине снимались О. Кабо, М. Глузский, Л. Чурсина, Ю. Беляев, Г. Тараторкин, С. Никоненко.

Не забыты и юные зрители. Надеемся, что в ближайшие каникулы ребята

увидят новый фильм режиссера Э. Гаврилова «Щен из созвездия Гончих Псов». Они встретятся с актерами Б. Шуваловым, В. Смирнитским, В. Носиком, Л. Полищук, Е. Добровольской и щенком по имени Грис в главной роли.

Заканчивается производство остро-сюжетной картины С. Мамилова «Убийство на Ждановской» (ее фабула основана на подлинных событиях) и криминальной комедии Г. Байсака «Игра на миллионы» (совместно с объединением «Пирамида»).

И пусть смех поможет нам с вами освободиться от страха перед жизнью.

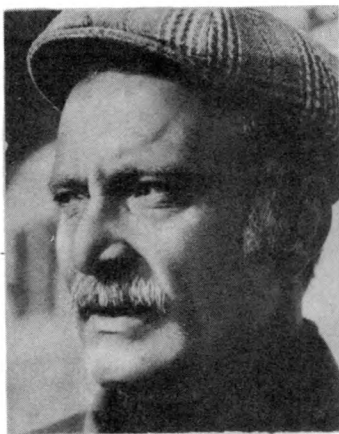
Наша жизнь так же непредсказуема и полна опасностей, как и ваша, но мы все равно плывем (а куда деваться?) и милости просим пожаловать на фильмы объединения

«ЛАДЬЯ»!

ПЕЧАТАЕМ РЕКЛАМУ

**Реваз
ГАБРИАДЗЕ**

**Георгий
ДАНЕЛИЯ**

**Аркадий
ХАЙТ**

ПАСПОРТ

На экране сухощавое небритое лицо тридцатипятилетнего мужчины в нейлоновой шляпе. Он, медленно заглядывая в бумажку, говорит на иврите с сильным грузинским акцентом о том, что наконец исполнилась его мечта и он прибыл на землю, завещанную ему праотцем Авраамом. Он понимает важность этого шага не только для себя и своей семьи, но и для всех будущих поколений.

Звучат жидкие аплодисменты, и тут мы видим, что речь он произносил не перед аудиторией, а в комнате перед своей женой и восьмилетней дочерью.

Мужчину зовут Яша. Его жену — Инга.

На фоне горного городка, увенчанного старинной церковью, возникает заглавная надпись фильма. На дальнейших сценах идут титры.

Снежные вершины Кавказского хребта. К полуразрушенной часовне, на которой написано «Кассы Аэрофлота», подсказал на лошади шестидесятилетний мужчина в папаче и драповом пальто. Это Вахтанг — отец Яши и нашего главного героя — Мераба. Отец легко соскочил с лошади, привязал ее к столбу и направился к вертолету, в который крестьяне грузили тюки шерсти.

На аэродроме городка отца встретил Мераб, тридцатилетний таксист в форменной фуражке. Отец сухо кивнул сыну и сел в машину.

Такси въехало во двор двухэтажного дома, опоясанного ажурными балконами. Отец медленно поднялся по скрипучей лестнице. Инга заколачивала досками пианино. Яша укладывал в коробку стопки детских книг. Отец мрачно посмотрел на сына, на невестку, подошел к ребенку, разбирающему за шахматной доской какую-то позицию. Погладив девочку по голове, тяжело вздохнул:

— Будущую чемпионку Грузии увозите.

— Ничего, — ответила невестка, — будет чемпионкой Израиля.

По ее напряженному поведению чувствуется, что она — главный инициатор отъезда.

Отец сел за стол, на котором лежали выездные паспорта репатриантов: гербовые листки с фотографиями. Взял паспорт Яши, посмотрел, затем сказал стоящему в дверях Мерабу:

— Дай-ка твои права...

Положил документы перед собой. В жизни Яша рыжеватый и сероглазый, Мераб — жгучий брюнет, но на черно-белых фотографиях они очень похожи.

— Иди сюда, — подозвал отец Ингу. — Вот, — он ткнул пальцем в фотографию Яши, — у этого мать еврейка. А у этого, — он показал на фотографию Мераба, — грузинка. И что? Одно лицо... А ты говоришь,

национальность по матери определяется. Нет, дорогая, в любом деле главное — инструмент!

Он отобрал у Инги молоток и дал ей гвоздь:

— На, забей его в свое пианино без инструмента.

— Все равно, главное не гвоздь, а пианино,— не согласилась Инга.

По извилистой горной дороге ехали две машины. В передней — отец и Яша с семьей, во втором такси за рулем сидел Мераб. В его машине ехали три старушки в черном и мужчина с гитарой. Он перебирал струны, негромко напевая песню.

— Вай! — вдруг вспомнил Мераб.— Родную землю забыли!

Он резко затормозил, развернул машину и понесся в обратную сторону. Старушки начали его уговаривать набрать родной земли прямо тут, на обочине, но Мераб был непреклонен. Он въехал в свой двор, вынул из багажника лопатку, набрал земли из цветочной клумбы в целлофановый пакет и положил его в карман пиджака... По дороге в Тбилиси его два раза останавливали за превышение скорости.

Когда Мераб выбежал на перрон вокзала, там уже было пусто. Только вдалеке чернела фигура отца. Отец стоял сгорбившись, широко расставив ноги. Рядом с ним стояла жена Мераба — Циала.

— Опоздал? Ничего, я их во Мцхетах догоню! — сказал Мераб.

— Поезжай с ними в Москву,— сказал отец.— Эти ненормальные там ребенка могут потерять.

— Ладно.— Мераб побежал было, но вспомнил о жене, вернулся, поцеловал ее и спросил, что ей привезти.

— Ничего,— сказала жена.— Сам быстрее приезжай.

Мераб лихо припарковал машину на привокзальной площади города Мцхета. На всякий случай открыл капот, снял крышку от трамблера, положил ее в карман, запер машину и побежал на перрон к прибывающему поезду.

Скромная московская квартира Васи — друга Мераба по службе в армии. Женщины убрали со стола, Мераб с Яшей смотрели по телевизору программу «Время», а девочка играла в шахматы с хозяином дома. По его покрасневшему загривку видно было, что он проигрывает.

На экране телевизора показывали взрывы, дубинки, полицейские брандспойты.

— Куда едем?.. — вздыхает Яша.

— Хватит,— говорит Инга.— С работы уволились, квартиру сдали, обратного пути нет. И там дядя Изя ждет.

— Слушай,— сказал Мераб брату,— последний вечер, что мы тут сидим? Пойдем Москву посмотрим. Вася, пойдешь?..

— Извини, сержант,— сказал проигравший Вася,— я отыграться хочу.

...Братья вышли на улицу.

— Вези в самый хороший ресторан,— сказал Яша таксисту.

Таксист отвез их в Хаммеровский центр. В этом шикарном отеле останавливаются приезжие бизнесмены и зарубежные делегации. Обычных граждан туда, как правило, не пускают. Но, выйдя из такси, Мераб с Яшей попали в группу приехавших пакистанцев, таких же смуглых и горбоносых, как и они. Вместе с группой они вошли в вестибюль гостиницы и, пораженные, остановились. Кругом мрамор, фонтаны, растущие прямо на камнях зеленые деревья, снующие вверх и вниз стеклянные капсулы лифтов.

— Ну,— спросил Мераб,— зачем тебе ехать? Вот же она, заграница, под боком. Вышел отсюда,— Мераб шагнул за дверь,— дома. Вошел — заграница. Вышел — опять дома. Вошел...

— Гражданин,— прервал его рассуждения швейцар,— а вы что здесь делаете?

— Я брата провожаю.

— Вы здесь проживаете?

— Нет, дорогой, мы посмотреть.

— Не положено.

— Слушай, мы только по бокалу шампанского выпьем и уйдем,— попросил Яша.

— Не положено.

— Ну, будь человеком! Дай на прощанье шампанского выпить.

— А я прошу — покиньте помещение.

— Покидаю, покидаю! — кричит Яша.— Навсегда покидаю!

К международному аэропорту «Шереметьево» подъехала большая черная машина. Из нее вышел патриарх с большим крестом на груди и провожающие его служители православной церкви.

Братья катили тележку, нагруженную вещами, по залу. За ними шла Инга с ребенком. У ребенка под мышкой шахматная доска.

Впереди них шла женская баскетбольная команда из Замбии.

— Куда едем? Зачем? — снова засомневался Яша.

— Хватит,— оборвала его Инга.— На-
доело.

— Женщина! Ты как со мной разгова-
риваешь?! — вдруг взорвался Яша.— Я грузинский еврей, а не какой-нибудь латышский ашкенази! Запомни!

— Правильно он говорит,— сказал Мераб.— Зачем вам куда-то ехать? Думаешь, там хорошо?

— А здесь хорошо? — заорал на брата Яша.— Бокал шампанского на прощанье с братом выпить нельзя!

— А если сейчас принесу — останешься? — Вот ты принесешь! — Яша показал Мерабу кукиш.

— Значит договорились? Если приношу шампанское — остаешься.

— Остаемся, остаемся,— проворчал Яша и покатил тележку дальше.

Мераб побежал к буфету. Там ему объяснили, что спиртных напитков давно нет. Шампанское можно купить только в баре за пограничным контролем. Напрасно Мераб уговаривал буфетчицу, предлагал двойную цену — шампанского не было.

С пустыми руками он подошел к стойке, за которой Яша заполнял таможенную декларацию на английском языке.

— Ну что,— ехидно спросил Яша,— принес?.. Фигу ты принес! — Он снова склонился над декларацией.— Ступка — предмет старины?

— Если старая, то предмет.

— Как ступка по-английски?

Мераб на секунду задумался:

— Забыл.

— Забыл... Три года в институте иностранных языков учился, а простых вещей не знаешь.

— Яша,— позвала мужа Инга,— вот тут декларация на русском. Я же говорила.

— Смотри за вещами,— сказал Яша брату и пошел к Инге.

На стойке остались его паспорт и билет. Мераб несколько секунд постоял. Потом достал ручку, взял бланк, написал сверху: «Яков Папашвили», а далее везде поставил «Ноу».

Яша, высунув от усердия язык, заполнял декларацию, когда услышал голос брата: — Яша!

Мераб уже стоял по ту сторону таможенного контроля.

— Не волнуйся,— крикнул он.— Я сейчас.

— Ты куда? — в ужасе закричала Инга.

— Тс-с,— Мераб приложил палец к губам.

Он поднялся на второй этаж, подошел к одной из будок, где за стеклом сидел по-

граничник. Положил перед ним паспорт, посадочный талон и, чтоб больше походить на оригинал, принял напряженное выражение лица, какое почему-то бывает на всех паспортных фотографиях. Пограничник сверил оригинал с фотографией, поставил штамп и нажатием кнопки открыл никелированный турникет.

Мераб забежал в бар, купил две бутылки шампанского и побежал обратно. Добежал до турникета и постучал в будку пограничника:

— Слышишь, друг, открой.

— Не положено.

— Да мне туда нужно.

— Отойдите, гражданин,— строго сказал пограничник.— Государственная граница.

— Я передумал. Не хочу лететь.

— Обращайтесь в Вене в наше посольство.

— Послушай, это ошибка. Это мой брат должен лететь.

— Обращайтесь к начальнику.

— Где он?

— Там,— показал пограничник в глубину аэропорта.

Мераб заметался по стеклянным коридорам в поисках начальника. Когда он наконец нашел комнату, где должен был сидеть начальник, дверь кабинета оказалась запертой. Женщина в летной форме сказала, что начальник вышел.

А в зале аэропорта в это время нервничали родственники.

— Мы опоздаем,— хныкала Инга.— Объяви по радио, чтобы этот идиот вернулся.

— Если узнают, что я кому-то дал свой паспорт, его вообще отберут,— сказал Яша.

Мераб нервно бегал перед кабинетом начальника. Появилась уборщица с ведром и тряпкой!

— Где он? — накинулся на нее Мераб.— Посадка уже заканчивается!

Уборщица сказала, что сейчас обеденный перерыв и Иван Петрович, наверное, в столовой.

Мераб снова понесся по стеклянным галереям, по лестницам... Нашел столовую. Там за одним из столов ел суп Иван Петрович.

— Выпустите меня, пожалуйста! — взмолился Мераб.— Они уже на самолет опоздали!

— Куда выпустить? — спросил Иван Петрович.

— Обратно, в Советский Союз!

Иван Петрович смазал кусочек мяса горчицей, смачно откусил, поморщился и высказал недоумение, почему некоторые люди еврейской национальности, не успев пересечь границу, тут же передумывают уезжать.

— Я не еврей! — закричал Мераб. — Это мой брат еврейской национальности!

Иван Петрович искренне удивился:

— Как так? Сам не еврей, а брат еврейской национальности.

— Мамы разные! Мамы! Моя грузинка, а его — еврейка.

— А папы?

— Папа один.

— Многоженец?

— Зачем многоженец?! Яшина мама при родах умерла, а моя за другого вышла.

— Бывает, — посочувствовал Иван Петрович.

Далее выяснилось, что он ничем Мерабу помочь не может. Он начальник перевозок, а вопрос Мераба может решить только начальник пограничников — товарищ Лунц.

Мераб побежал искать Лунца.

— Пассажир, вы куда? — остановила Мераба стюардесса, увидев у него в руке посадочный талон «Москва — Вена».

— Мне нужен Лунц! Где его найти?

Стюардесса посмотрела список пассажиров.

— Лунц в самолете, — и она повела Мераба по рифленому коридорчику в салон самолета.

— Займите свое место, — сказала она Мерабу.

— Некогда мне сидеть! Лунца позовите!

— Пассажир Лунц, вас разыскивают, — по-английски объявила в микрофон стюардесса.

С места поднялся пожилой мужчина в кожаных шортах и тирольской шляпе с пером.

— Их бин херр Лунц. Вас волен зи? — спросил он.

Стюардесса закрыла дверь и повернула запор.

У справочного окошка стояли Инга и Яша.

— С ним что-то случилось, — настаивал Яша. — Узнайте: он или в милиции, или в медпункте!

Девушка связалась с кем-то по селектору.

— Пассажир Яков Папашвили находится на борту самолета «Москва — Вена», — ответила она пораженным родственникам.

Самолет летел над облаками. Мераб нервно курил, стоя возле туалета. К нему подошел Боря Париж, сорокалетний здоровяк с золотыми зубами. Он прикурил у Мераба и поинтересовался:

— Куда летишь?

— Я не лечу, — ответил Мераб. — Это ошибка.

— Эх, старик, вся наша жизнь — сплошная ошибка. Я вот по ошибке весь талмуд выучил. Марик сказал, что на таможене будут спрашивать, а никто и не поинтересовался.

— Вы алимы, господа? — подошел к ним пожилой человек в ермолке.

— Алимы, — кивнул Боря.

— В Израиль?

— Нью-Йорк. Брайтон-Бич, — улыбнулся Боря.

— Если бы на луне на хлеб мазали больше масла, вы бы и туда полетели, — сердито сказал пожилой человек.

Из туалета вышел летчик. Мераб пошел за ним, стал уговаривать, чтобы когда самолет сядет в Вене, ему разрешили не выходить, а по возвращении в Москву он все оплатит. Летчик не разрешил.

Самолет летел над Европой.

Мераб сидел в самолете рядом с Борей. Боря рассказывал ему свою жизнь. Как он занимался незаконной финансовой деятельностью, как фиктивно женился на пожилой еврейке и теперь летел в Вену, куда, опасаясь очередного ареста, заранее нелегально переправил ценности через одного дипломата.

— С деньгами там я — король, — закончил Боря историю и достал пачку ярких открыток. — Вот где должен жить белый человек: на Гавайских островах! Солнце, море, бабы и никакой борьбы с пьянством. Гляди, какая шоколадка! — ткнул он пальцем в открытку.

— Боря, — сказала толстая немолодая женщина, — я хочу пить. Принеси мне водички.

— Мадам, — с чувством сказал Боря, — наш брак стоил мне две тысячи рублей. За такие деньги можете сходить за водой сами.

Венский аэропорт. Мераб вместе с пассажирами сошел с трапа самолета.

— Старик! — радостно заорал Боря. — Вот же она — свобода! Ты посмотри: кругом сплошной Запад!

Он загорланил «Венский вальс» и, протянув руку жене, галантно щелкнул каблуками:

— Прошу на тур вальса, мадам!

— Мужчина, — брезгливо ответила та, — оставьте меня в покое. Я вас больше не знаю и знать не хочу!

Мераб с двумя бутылками шампанского, без копейки денег вышел на площадь венского аэропорта. Бесшумно подкатил большой черный лимузин, из него вышел кардинал в митре и красной мантии. Из дверей

аэропорта вышел приехавший патриарх в черной рясе с большим серебряным крестом на груди. Кардинал усадил патриарха в машину, и она плавно тронулась с места.

Мераб заметил остановившееся такси, подбежал к нему и стал уговаривать водителя довезти его за одну бутылку шампанского до советского посольства. Таксист потребовал две. Мераб объяснил, что вторая ему нужна на обратную дорогу.

В это время к такси подошел Боря со своим чемоданом. Выяснив, что посольство ему по пути, он предложил подвезти Мераба.

Боря высадил Мераба у посольства и поехал дальше. Советское посольство находилось за литой чугунной оградой. По тротуару перед ним прохаживался австрийский полицейский с автоматом.

Мераб, покосившись на полицейского, нажал кнопку звонка. Дверь открылась, выглянул сторож. Он сообщил Мерабу, что сегодня суббота и до понедельника в посольстве никого не будет.

— Но мне обратно надо лететь! — закричал Мераб. — Там люди ждут.

— Приноси заявление в понедельник, в течение трех месяцев получишь ответ, — сказал сторож и закрыл дверь.

Мераб снова нажал кнопку звонка. Дверь открылась.

— Слушай! — закричал Мераб. — Найди посла. Скажи ему, что я случайно сюда прилетел, по чужому паспорту!

— Сажают за такие случайности, — проворчал сторож и опять скрылся за дверью.

Мераб надавил на кнопку всей пятерней.

— Господин, — строго сказал сторож. — Будешь хулиганить — я полицию позову.

И он кивнул на полицейского с автоматом, с интересом прислушивающегося к их разговору.

Боря вышел из такси у ночного клуба, где за стеклом висели фотографии девиц в интересных позах. Поднялся на второй этаж и, выяснив у полуголой девицы, где можно найти фрау Шульц, вошел в небольшой кабинетик, где пухлая женщина в бигуди раскладывала пасьянс.

Представившись, Боря сказал, что для него что-то должен был оставить господин Эрикссон. Фрау Шульц пожалала плечами и ответила, что никакого господина Эрикссона не знает.

— Такой высокий, блондин, — напомнил Боря. — Культурный атташе. Друг Марика.

— Нихт ферштейн, — развела руками фрау Шульц.

Тогда Боря прямо сказал, что он не фраер

и такие номера с ним не проходят. И посоветовал отдать то, что ему причитается, по-хорошему. Хозяйка нажатием звонка вызвала квадратного негра с перебитым носом и попросила незваного гостя покинуть помещение.

Мераб с двумя бутылками шампанского шел по вечерней Вене. Сверкала реклама, ярко светились витрины магазинов. Мераб с бутылками под мышкой задумчиво встал перед витриной большого винного магазина. С той стороны на него глядели десятки бутылок всех стран мира: виски, джин, коньяки, ликеры... И на самом верху пирамиды — «Советское шампанское».

Рядом на витрине маленького кафе медленно переворачивалась на гриле аппетитная курица. Мераб вошел в кафе и предложил хозяину бутылку шампанского за порцию курицы.

— Соотечественник? — спросил хозяин.

Услышав родную речь, Мераб обрадовался:

— Слушай, я сюда случайно залетел, по чужому паспорту. Как ты думаешь, что мне за это будет?

— Рая! — позвал хозяин.

Из кухни выглянула женщина в белом халате и поварском колпаке.

— Сколько в Союзе полагается за переход границы по фальшивому паспорту?

— От трех до семи, статья восемьдесят четвертая.

— У меня не фальшивый, — сказал Мераб. — У меня паспорт брата.

— Это не является смягчающим обстоятельством, — сказала Рая.

— А у австрийцев сколько? — спросил хозяин.

— У австрийцев от двух до пяти, — сказала Рая и скрылась на кухне.

— Ты ее слушай, — сказал хозяин, поставив перед Мерабом порцию курицы. — Она в Союзе прокурором работала.

Мераб забрал курицу, сел и задумался.

— А где сначала посадят: здесь или там? — спросил он хозяина.

— Сначала здесь, потом там.

Мераб погрузился в размышления.

А по улице маршировал духовой оркестр австрийских почтальонов, старательно выдувая «Турецкий марш» Моцарта.

Москва. Аэропорт. Яша с семьей и со всем багажом сел в такси.

— Слушай, — сказал шофер, — я же вас недавно привозил. Что, не полетели?

— Нет, — сказал Яша. — Передумали.

— И правильно. Здесь лучше.

— Что лучше? — спросила Инга.

— Да все лучше.— Он повернул ключ зажигания.— Тыфу ты, черт! Опять стартер полетел.

В московской квартире Васи раздался телефонный звонок. Хозяин квартиры снял трубку.

— Алло! Вася?.. Это я, Мераб,— раздался оттуда голос.

— Здорово, сержант! Ты откуда?

— Из Вены.

— Откуда?

— Вена, Вена! Город такой, австрийский. Слушай, не перебивай, у меня всего две минуты. Яша у тебя?

— Нет. Но звонил, что приедут.

Мераб говорил по телефону из маленького венского кафе. Рядом стоял хозяин и смотрел на часы.

— Передай Яше,— кричал Мераб,— чтобы он исчез с глаз и сидел тихо. Я скоро приеду, и все будет о'кей. Понял?

— Не очень.

— Неважно. Главное, чтобы он не рыпался. Циале не говори, что я за границей. Скажи, что мне десять суток в милиции дали, чтобы не волновалась. Всё!

Мераб поблагодарил хозяина и расплатился за разговор бутылкой шампанского.

— Ты поторопись,— сказал хозяин.— А то они могут закрыться.

Вена. «Сохнут» (Организация, занимающаяся репатриацией евреев).

У входа дежурил полицейский с автоматом. Мераб подбежал к нему.

— Это «Сохнут»? — спросил его Мераб.

Полицейский кивнул.

— Еще работают? — спросил Мераб.

Полицейский не ответил.

Мераб постучал в дверь. Дверь открылась.

— Слушаю вас? — спросил его мужчина.

— Извините, но мне сказали, что вы отсюда бесплатно переправляете в Израиль,— сказал Мераб.

Мужчина посмотрел его паспорт.

— А где же вы были? — спросил он.— Вас встречали. По радио объявляли.

— Укачало меня,— сказал Мераб.

Мужчина недоверчиво посмотрел на него.

— Ладно. Пройдите во вторую комнату.

Мераб подошел к комнате с табличкой «2» и постучал.

— Да,— сказали оттуда.

Мераб вошел. К его удивлению, там напротив представителя «Сохнута» сидел Боря Париж с оторванным рукавом пиджака и подбитым носом.

— Привет, алим,— сказал Боря.

— Здравствуйте! — громко сказал Мераб.— Я — Яков Папашвили.— И выразительно посмотрел на Борю.

— Авраам родил Исаака. Исаак родил Якова. Ветхий Завет, страница сорок вторая,— сказал Боря и приложил платок к носу.

— Меня встречали, но меня укачало, и я заблудился. Вот товарищ может подтвердить,— и он выразительно посмотрел на Борю.

— Хорошо,— сказал представитель «Сохнута». — Вы пока там подождите. Я закончу с господином.

— Конечно,— сказал Мераб.— А то у меня жена с ребенком заболела. И вещи с ними остались. Извините,— и он закрыл за собой дверь.

— Да,— сказал Боря, глядя ему вслед.— Как сказано в Священном писании: время собирать камни и время их разбрасывать.

— И все-таки,— сказал представитель «Сохнута». — Почему вы хотите в Израиль? Тут написано, что вы русский.

— Я дитя дружбы народов,— сказал Боря.— У меня бабушка еврейка была. Как сказано в Священном писании...

— Хорошо, хорошо. Я все понял,— сказал чиновник.— Вы свободны.— И громко позвал: «Господин Папашвили!..»

Таможенный контроль рейса на Израиль в венском аэропорту очень строгий: полицейские, овчарки, автоматчики на балконе. Всех пассажиров проверяют специальным прибором на наличие оружия. Когда прибор поднесли к Мерабу — раздалось гудение. Пришлось вынуть все из карманов. На стол легли связка ключей, целлофановый пакет с родной землей, крышка от тремблера автомобиля «Волга». Крышку повертели в руках и вернули назад.

Самолет летел над Средиземным морем. Мераб сидел в кресле, рассматривая карту, где красными линиями были указаны маршруты авиакомпании «Эль Аль». Потом достал из кармашка переднего кресла газету на иврите. Покрутил ее в руках, не зная, с какой стороны надо ее читать.

Подошел Боря и плюхнулся в кресло рядом. Его голову уже украшала ермолка.

— Порядок, алим,— сказал он,— одно дельце я уже обтяпал. Понимаешь, мы как вновь прибывшие имеем право купить машины без налога. А для остальных налог триста процентов. Я договорился: берем машины и отдаем их вон тому мужику, а он нам по тысяче долларов. Двадцать процентов мне. Комиссионные... На вот пока, я тебе ермолку достал,— Боря надел на голову Мераба ер-

Георгий Данелия в роли бедуина

молку.— Кстати, я тут с одним малым договорился: забежим к нему завтра — он тебе обрезание сделает. Бесплатно.

— Слушай, хватит тебе! — сказал Мераб. И сняв ермолку, бросил ее Боре на колени.

— Тихо, кацо, не шуми. Ты теперь еврей, а евреи без головного убора не ходят. И не забывай: ты еще одну границу нарушил. А тут не Австрия. Здесь военное положение. Так что, одень шапочку и скажи спасибо дяде Боре,— и он надел на Мераба ермолку.

Когда Боря и Мераб сошли по трапу в аэропорту Тель-Авива, репатриантов отдельно от остальных пассажиров провели на второй этаж. Девушка в форме внимательно смотрела на Мераба, потом на фотографию, потом опять на Мераба... От напряжения он даже взмок. Наконец девушка выписала Мерабу документ, по которому он мог получить израильский паспорт, и поздравила с тем, что он, Яков Папашвили, теперь гражданин Израиля.

Потом с Мерабом беседовал представитель министерства абсорбций. Бедный Мераб путался, то он говорил, что хочет работать таксистом, то вспоминал, что Яша провизор. Наконец Мерабу выдали сто шекелов

лей на расходы, карту Израиля, разговорник и вдруг спросили:

— Хотите в ульпан или будете жить у родственников?

— У родственников. Тут живет дядя моей жены. Я к нему поеду.

— Нет необходимости. Они здесь, пойдете.

В соседней комнате сидели очень пожилой человек в черной шляпе и его еще более древняя старуха мать. Возникла пауза, во время которой старуха внимательно разглядывала Мераба.

— Это он и есть? — наконец спросила она.— Ничего. Я думала, он еще хуже.

Человек встал, подошел к Мерабу и сказал:

— Здравствуй, Яша! С приездом.

— Здравствуйте, дядя Изя,— искренне обрадовался Мераб.

— А где же Инга с ребенком?

— Они заболели,— не раздумывая ответил Мераб.— У них скарлатина.

У выхода из аэропорта Боря продавал банку черной икры носильщику.

— Яков,— окликнул он Мераба, проходящего в сопровождении родственников.

Жерар Дармон в роли Мераба, Армен Джигарханян в роли Сени

Мераб подошел.

— Это наш дядя? — кивнул Боря на Изю. — Прости не три, а пять тысяч.

— Почему?

— Потому, что на нем золотишка много.

И сказал Мерабу, что будет ждать его в русском ресторане «Березка».

В это время к зданию аэропорта бесшумно подъехал большой черный лимузин. Точно такой же, как в Вене. Из лимузина вышел раввин в черной шляпе с большой бородой. Из дверей аэропорта вышли патриарх в рясе и кардинал в мантии. Раввин усадил их в лимузин, и тот плавно отъехал.

Изя вез Мераба и мать в своем микроавтобусе. В дороге выяснилось, что с Яшей он незнаком, а видел его только на фотографиях, которые Инга прислала со свадьбы.

— Дядя Изя, — сказал Мераб, — вы только не волнуйтесь, но я не совсем Яша. Я его брат — Мераб.

И он рассказал свою историю, как в погоне за шампанским оказался в Израиле.

— Значит вы не еврей? — спросила старушка.

— Нет.

— Жалко. Я такую фаршированную рыбу приготовила.

— Рыбу я люблю, — сказал Мераб. — Дядя Изя, у меня к вам такая просьба: дайте мне пять тысяч, я сяду на американский круиз, в Советском Союзе тихонок сойду, возьму у Яши свой паспорт, отдам его — и они спокойно прилетят.

Изя сосредоточенно молчал, глядя на дорогу.

Когда они вошли в комнату, где в ожидании гостей на столе стояли фрукты, миндаль, грецкие орехи, Изя закрыл дверь на ключ, достал из ящика пистолет, положил его перед собой и сказал:

— Ну, а теперь расскажи правду: зачем ты сюда приехал?

— Дядя Изя, да вы что? — удивился Мераб.

— Говори!

Мераб, пожав плечами, снова начал свою историю.

— Эту легенду я уже слышал, — перебил Изя. — А что у вас в КГБ тебе ничего лучше придумать не смогли?

— Но я правду говорю.

— Молчать!

Тогда Мераб предложил Изе позвонить в Москву и самому выяснить у племянницы, как он оказался здесь. Мераб продиктовал дяде Васин телефон, и тот, не сводя глаз с «агента», заказал разговор.

— Дядя Изя,— сказал Мераб,— хорошо, не пять. Дайте три тысячи. Три хватит, а потом...

— Мне нравится эта наглость! — перебил его Изя.— Мама, ты слышишь, что они придумали? — обратился он к старушке.— Израильская военщина должна теперь покупать русским агентам билеты на американский пароход? Это что, и есть ваша новая экономическая реформа?

— Я тоже не понимаю,— сказала мама.— Рыбу вы будете кушать или как?

Зазвонил телефон. Междугородная дала Москву. Изя слушал разговор по параллельному телефону.

— Алло! Вася? Это я, Мераб.

— Привет, сержант,— донеслось из трубки.— Ты откуда?

— Потом расскажу. Слушай, Яша с Ингой у тебя?

— Нет, они уже в Грузии. У отца в подвале отсиживаются.

Дядя Изя резко нажал на рычаг.

— Так, товарищ сержант,— сказал он.— Значит моя племянница сидит в ваших подвалах, в ваших застенках? Молчи!.. А кто это отец? Чья это кличка? Генерала? Молчи!.. Так вот что я тебе скажу: или через неделю Инга будет здесь, или я тебя сдам куда полагается. Диверсант!

— Дядя Изя,— сказал Мераб.— Не сходите с ума.

Но Изя уже закусил удила:

— И всю эту неделю ты будешь сидеть здесь, чтобы я тебя видел!

Мераб встал.

— Сидеть! — закричал Изя, выставив перед собой пистолет.— Застрелю, мерзавец!

— Сначала с предохранителя снимите, военщина! — рассердился Мераб. Он вырвал пистолет из Изяных рук, расколол рукояткой грецкий орех и подвинул его Изе: — Кушайте, дядя! Очень укрепляет мозги.

И хлопнув дверью, вышел.

Ресторан «Березка». Оркестр исполнял известный романс «Очи черные». На сцене подгулявший Боря пел от всей души, переходя от полноты чувств к четке. Увидев Мераба, он кивнул музыкантам, и они перешли на популярную грузинскую песню «Тбилисо».

Боря прыгнул со сцены, обнял Мераба за плечи и повел его к своему столику, где сидели два эфиопских еврея.

— Алим,— сказал он Мерабу по дороге,—

вот эти ребята дают за машины по полторы тысячи, но думаю, можно выбить больше.

Они уселись за стол, и Боря сказал своим покупателям:

— Господа, мы посоветовались с моим компаньоном. Наше последнее слово — две тысячи.

Эфиопы начали бурно возражать.

— Как хотите,— сказал Боря.— Тут желающих много.

Он повернулся к Мерабу:

— Ну, что дядя? Дал денег?

— Нет,— сказал Мераб.— Он думает, что я — агент КГБ.

Боря изменился в лице.

— Ну, ладно... Рад был с тобой познакомиться. Созвонимся,— и он исчез, будто его и не было.

Мераб остался с эфиопами.

— Товарищи,— сказал он им,— я согласен на полторы тысячи.

Те вежливо улынулись и тоже исчезли.

Мераб остался совсем один. Он грустно посмотрел по сторонам. Никому не было до него дела. Только с соседнего столика ему понимающе улыбнулась яркая, эффектная блондинка.

Мераб остановил пробегающего официанта:

— Слушай, друг, отсюда можно в Советский Союз позвонить?

— Все можно,— сказал официант.— Только сначала надо расплатиться.

И он показал на стол, уставленный закусками и коньяком.

Счет оказался больше, чем у Мераба было денег, и официант пригласил к столу хозяина ресторана. Узнав, что Мераб вновь прибывший, хозяин простил ему недостающие восемь шекелей и уселся напротив него.

— Ну, как там перестройка? — спросил он.

— Идет потихоньку,— сказал Мераб.

— А такие частные рестораны есть?

— Есть.

— А ОБХСС остался?

— Остался.

Хозяин вздохнул.

До открытой террасы, на которой они сидели, донеслась сирена приближающейся полицейской машины.

Из машины вылезли полицейские и стали всех отгонять от скамейки, рядом с которой лежала обувная коробка.

— Что происходит? — спросил Мераб.

— Может, взрывчатку обнаружили,— спокойно сказал хозяин.— А может, нет.

Из машины на асфальт спустили маленького робота, и он, переваливаясь, медленно направился к коробке. Подошел к ней,

выставил дуло и начал ее расстреливать в упор. При каждом выстреле Мераб вздрагивал.

На окраине города по песчаному берегу шла бездомная вислоухая собака. Она остановилась перед лежащим на песке ржавым катером, обнюхала его и начала лаять. Дверь штурманской рубки со скрипом открылась и на раскаленную палубу вышел потный, небритый, вымазанный в мазуте Мераб. Он прищурился на солнце, попытался стереть с рубашки мазутное пятно и спросил собаку:

— Это Средиземное море?

Собака замолкла и дружелюбно завиляла хвостом.

— Что, Генацвале, кушать хочешь? — спросил Мераб. — Я тоже хочу. Пошли часы загоним.

Тель-Авив. Современные небоскребы рядом с повидавшими виды двухэтажными домами, синагоги, мечети, машины всех марок и марок, евреи из Европы, Азии, Америки, Африки, туристы из всех стран мира...

Мераб остановился у газетного киоска и предложил свои часы. Но узнав от продавца газет, что такие часы и тому подобное старье можно продать только на «Блошином рынке», направился туда. По дороге, встав на четвереньки, попил воды из газонной поливалки. Сопровождавший его пес Генацвале смотрел на это зрелище грустными глазами.

На улице, где расположились иностранные посольства, Мераб увидел человека, который приковался наручниками к ограде посольства США.

Мераб подошел и поинтересовался, зачем он это сделал.

— Это мой протест, — ответил человек. — Они мне визу не дают. А я не хочу здесь оставаться.

Мераб сказал, что тоже не хочет здесь оставаться. Тогда человек достал из кармана еще пару наручников и предложил Мерабу приковаться рядом. Мераб отказался и в свою очередь предложил человеку купить у него часы. Часы у человека были. Тогда Мераб попытался продать ему пса Генацвале. Но и это предложение встретило вежливый отказ.

«Блошинный рынок» в Тель-Авиве. Пест-

рый, шумный, многоголосый. Мераб в сопровождении Генацвале бродил по рядам, помахая часами.

— Мистер, — позвал его араб, торгующий очистительной пастой.

Мераб подошел. Араб выдал пасту из тюбика на мазутное масло на рукаве Мераба и потер влажной тряпкой. Пятно исчезло.

— Гуд? — спросил араб.

— Гуд, — согласился Мераб.

Араб вручил Мерабу тюбик и забрал часы. Мераб пытался возразить, но тот стал кричать, что уже раскупорил товар. Вынужденная сделка состоялась.

Мераб пошел дальше, предлагая встречным тюбик с пастой. Товар не шел. Мераб достал из кармана крышку от трамблера, но и этот товар никого не заинтересовал.

Тогда Мераб пошел по продуктовым рядам. Он пробовал на вкус сыр, овощи, фрукты, не забывая кидать куски на землю своему голодному псу.

Задержались у лотка с маринованным перцем.

— Может, хватит? — спросил продавец.

Мераб вынул изо рта стручок и спросил: — Положить обратно, да?..

У прилавка, где валялись всевозможные «древние» восточные украшения, вчерашняя эффектная блондинка примеряла серебряный браслет.

— Добрый день, — поздоровался Мераб.

Блондинка приветливо улыбнулась и спросила:

— Как вы думаете: это серебро?

Мераб выдал из тюбика пасту на браслет и потер большим пальцем. Выступила медь.

— Оу! — удивилась блондинка и представилась: — Джейн.

— А я Тарзан, — сказал Мераб.

— Оу, — оценила шутку блондинка.

— А это Генацвале, — представил Мераб нового друга.

Генацвале протянул блондинке лапу.

И тут кто-то позвал:

— Мераб!

Мераб оглянулся. В лавочке, где было развешано кружевное женское белье, сидел на табурете толстяк в спортивных нейлоновых трусах и драповой грузинской кепке с большим козырьком. Толстяк помянул Мераба пальцем.

Мераб узнал толстяка: это был инспектор из Тбилиси, который не раз штрафовал Мераба на трассе. Но это было давно, лет пять назад.

— Мераб! — снова крикнул толстяк.

— Я не Мераб, — сказал Мераб. — Я Яша.

— Неважно. Иди сюда, — настаивал тол-

стяк.

Выхода не было. Мераб извинился перед Джейн и подошел к толстяку.

— Американка? — шепотом спросил толстяк, кивая на Джейн.

— Да, — сказал Мераб. — Или шведка.

— Есть хороший товар. Позови ее, — толстяк помешал палкой в картонной коробке и выдул прозрачный лифчик. — Вот! Пьер Карден!

— Лифчик у нее есть, — сказал Мераб.

Блондинка махнула Мерабу рукой и пошла.

— Тогда труссы. Есть хорошие. Настоящий Диор! Останови ее! — толстяк отбросил палку и стал быстро перебирать товар руками.

Джейн скрылась за углом.

— Труссы у нее тоже есть, — вздохнул Мераб. И попросил: — Слушай, можно я от тебя в Сигнахи позвоню? Там моя жена Инга волнуется.

— Нельзя, телефон за неуплату отключили, — сказал толстяк, тяжело дыша и вытирая лицо кепкой. — Садись, — он показал Мерабу на надутого медведя.

Мераб сел. Помолчали.

— Меня всегда с братом путают, — сказал Мераб.

— Издалека похож. Ты тоже живешь в Сигнахи?

— Да. В аптеке там работал. Слушай, одолжи на неделю сто шекелей.

— Хромой Альберт жив? — спросил толстяк.

— Пока да. Я на работу устраюсь и сразу отдам.

— Ты не волнуйся. Ребята тебе помогут. Он на свободе?

— Пока да.

— Это хорошо! — толстяк с неожиданной для его веса легкостью поднялся, взял с полки маленький козлиный рог, выдул из него пыль, протер рыхлой и протянул Мерабу:

— На! Скажешь Тенгизу из Сухуми, что это ему Хромой Альберт прислал.

— Какому Тенгизу?

— Вот этот домик видишь? — толстяк показал на возвышающийся над городом небо-скреб. — Это бриллиантовая индустрия. Посчитай сверху два этажа, возьми слева три окна — вот это теперь Тенгиз из Сухуми! Сегодня у него свадьба, дочь замуж выдает. Мы приходим, ты даешь ему рог и говоришь: это тебе Хромой Альберт прислал. Альберта он как брата уважает — они два раза вместе в тюрьме сидели. Ты — друг Альберта, а я — твой. Он нас к себе шлифовальщиками возьмет, понял?.. Ну, пошли, пошли! Заодно и твоей Инге позво-ним.

По улицам Тель-Авива ехала «Волга» выпуска шестидесятих годов. За ней бежала собака. За рулем сидел толстяк.

— В жизни так, — рассуждал он. — Закинул удочку и жди. Какую рыбу Бог захочет тебе дать, такую и даст. Может, осетрину, а может, шпроты.

Мераб спросил толстяка, почему он здесь не работает по профессии — автоинспектором.

Толстяк сказал, что Мераб не должен думать, что в Израиле рай. Здесь тоже полно глупых законов. В чем смысл работы автоинспектора? Спасать водителям жизнь. А как ее можно спасти? Напугать! А здесь как напугаешь, если нельзя брать наличными? Глупость! И толстяк в сердцах выбросил сигарету в открытое окно.

Раздался свисток. Толстяк остановил машину и подобострастной рысцой побежал к полицейскому.

На другой стороне улицы Мераб увидел Борю, который шел деловитой походкой. В одной руке он нес большой бронзовый семисвечник, в другой — маленький трехколесный велосипед.

— Борис, — окликнул Мераб.

— Не Борис, а Борух, — бросил на ходу Боря Париж и зашагал дальше. К машине вернулся недовольный толстяк. Сел за руль и резко рванул с места:

— Я же говорил: здесь полное беззаконие! За какую-то сигарету человек должен сто шекелей в банк платить!

Под пальмой во дворе шестиэтажного дома четверо мужчин играли в домино на цементном столе. Рядом на асфальте мальчишки, матерясь на грузинском, гоняли мяч. Тут же женщины развешивали белье.

— Кого привел? — спросил толстяка один из играющих.

— Своим делом займись! — нелюбезно ответил толстяк и, взяв Мераба под руку, привел в подъезд.

Они вошли в квартиру. На стенах висели грузинская чеканка, два кинжала и большая фотография толстяка на мотоцикле в форме инспектора на фоне кавказских гор.

Толстяк открыл фанерный шкаф кутаисского производства, достал оттуда черный смокинг. Затем, посмотрев на Мераба, высунулся в окно.

— Малхаз! — заорал он.

— Что хочешь? — не отрываясь от игры, спросил курчавый молодой человек.

— Неси сюда свой смокинг!

- У меня нету.
- Тогда отдавай мою кровать!

Молодой человек с неохотой отложил домино и поднялся.

— Никакой совести у людей нет,— сказал толстяк.— Пять лет назад попросили у меня на неделю кровать. Карельская береза, антиквариат. Еле через таможенно протащил. Мы на ней не то что лежать — сидеть боялись. А этот негодяй уже пятого ребенка на ней делает. Дикари!

Грузия. Сигнахи. Аптека. Звонит телефон. Трубку берет Циала, жена Мераба.

— Циала,— раздался в трубке родной голос.

— Мераб,— заплакала Циала.— Ты где, Мераб?

— Слушай меня внимательно и молчи. Я — Яша.

— Кто? Почему?

— Так надо.

Тель-Авив. Ресторан. Мераб в белом смокинге с бабочкой, выбритый и причесанный, сидел с толстяком в кабинете хозяина. Мераб втолковывал жене, чтобы Инга и девочка срочно вылетали в Израиль, а Яша, который Мераб, сидел на месте, потому что двух Яш в Израиле быть не должно.

— Целую тебя, маленькая. Что тебе привезти?

Мераб повесил трубку.

— Почему в Израиле не должно быть двух Яш? — удивился толстяк.— Здесь каждый второй — Яша.

— Яша, думаешь, имя? — сказал Мераб.

— Бриллианты? — сверкнул глазами толстяк.

— Пианино,— сказал Мераб и подмигнул толстяку.

В большом алюминиево-зеркальном зале на четырехста человек Тенгиз из Сухуми выдавал замуж дочь. Свадьба справлялась по высшему грузинско-израильскому классу. Шатер над женихом и невестой. Тамада в черкеске с отделанным серебром рогом. Танцоры в национальных костюмах и кинжалами в зубах. Оркестр. Два торта, изображающих жениха и невесту в натуральную величину. Съёмочная группа: видеокамера на штативе с колесиками, режиссер, оператор и два осветителя. Толстяк и Мераб скромно стояли у стены.

— Что стоим? — спросил Мераб.— Давай сядем, покушаем.

Толстяк ответил, что если они сядут, хозяин их не заметит. А когда стоят, он по-

дойдет и пригласит к столу. Вот тогда мы ему подарим рог от Альберта и отдадим землю.

— Какую землю? — заинтересовался мужчина в тубетейке, сидящий рядом за столиком.

Толстяк объяснил, что Мераб только что приехал и привез грузинскую землю.

— Покажи,— потребовал мужчина.

Мераб достал из кармана целлофановый пакет с родной землей.

— Молодец! Дай я тебя поцелую,— мужчина, покачиваясь, поднялся с бокалом вина, потянулся к Мерабу, споткнулся и облил белый смокинг красным вином.

— Все! — схватился за голову толстяк.— Привет кровати!

Мужчина в тубетейке сказал, что всю жизнь прожил без смокинга и прекрасно себя чувствует. Он взял у Мераба пакет и понес к тамаде. По дороге он взял шепотку земли, поцеловал ее и высыпал в карман рубашки.

Тамада жестом остановил оркестр, пересыпал землю из целлофана в хрустальную вазу и поднял тост за грузинскую землю, на которой две тысячи лет жили евреи, разделяя по-братски нелегкую судьбу Грузии, и где он, тамада, окончил консерваторию. И, поцеловав землю, он осушил рог за того человека, который так кстати привез ее к сегодняшнему торжеству.

Все посмотрели на Мераба. Мераб поклонился. Оператор в синем комбинезоне нацелил на него камеру, затем выглянул из-за нее и замер. Это был ближайший родственник Мераба в Израиле — Израиль Иосифович Бронштейн — дядя Изя.

Дядя Изя вырвал микрофон у тамады и закричал в него, что среди них находится подлец и шпион, который вчера вечером потребовал у него пять тысяч долларов за своего родного брата, которого вместе с семьей держат в подвалах грузинской разведки.

— Что вы врете? — возмутился Мераб.— Когда я у вас требовал? Я вас как родственника по-человечески попросил. И не пять, а три!

— Вы слышали?! — заорал Изя.— Убейся вон отсюда, антисемит!

— Сам убирайся вон! — закричал Мераб.— Сионист!

Отец невесты, Тенгиз из Сухуми, огромный человек со шрамом на лице, подошел к Мерабу и сказал, что шпионы-мионы и разведки-мазведки его не волнуют, но мужчина, который продает своего брата, никогда не сидел и не будет сидеть за его столом. И порекомендовал Мерабу самому найти дверь и своими ногами уйти.

Мераб направился к двери.

Кадр из фильма

Изя кричал ему вслед, что постыдный акт Мераба станет достоянием прессы, ООН и всего прогрессивного человечества.

— Господин фотограф,— Изю потянул за рукав успевший к нему пробраться толстяк.— Он чужой смокинг загубил. Двести долларов стоит.

— А я при чем? — возмутился Мераб.

— Как при чем? Он твой родственник! Изя покачал головой.

— Почему вы, грузины, такие папуасы? — с горьким упреком сказал он.— Я защищаю права нашего народа, а ты с какими-то шмотками лезешь.

— Кто папуасы? — побагровев, спросил мужчина в тубетейке.— Мы папуасы?

И он, выхватив у тамады вазу с родной землей, надел ее Изе на голову. К старику кинулся Изин режиссер с бутылкой, но невеста, выткнув из зубов одного из танцоров кинжал, преградила ему дорогу. Все вскочили и кинулись к месту происшествия.

— Иди отсюда, сынок,— сказала Мерабу старушка в черном.— Они без тебя разберутся.

Мераб сделал шаг, но в это время к нему подскочил Изин осветитель в ермолке и ударил Мераба по голове осветительным прибором.

Мераб с компрессом на голове лежал на больничной койке. Вошла медсестра и дала ему термометр. Мераб положил его под мышку. Сестра сказала ему что-то на иврите. Мераб не понял. Тогда сестра, открыв рот, засунула туда свой палец. Мераб не так понял и показал сестре глазами, что они здесь не одни. Та раздраженно выхватила у него из подмышки термометр, засунула ему в рот и ушла.

В щель между занавесками Мераб увидел, как врач под руку провел Изю с перебинтованной головой.

Мераб закрыл глаза. В это время кто-то нежно погладил его по щеке. Он открыл глаза. На него смотрели большие голубые глаза блондинки Джейн. Джейн улыбнулась.

— Если это сон,— сказал Мераб,— тогда не будите меня.

Они ехали в машине. Джейн сидела за

рулем, а Мераб сидел рядом и своей чистящей пастой оттирал винные пятна на белом смокинге.

— А я все-таки купила украшение,— сказала Джейн, показывая ногу с надетым выше колена потемневшим обручем.— Как вы думаете, серебро?

— Сейчас проверим,— сказал Мераб.

Он взял платок, выдал пасту и стал водить по украшению. На обруче проявилось серебро, а Мераб все гладил и гладил Джейн по ноге.

— Тарзан,— сказала она,— я за рулем.

— Я его держу,— ответил Мераб, придерживая руль одной рукой.

— Тарзан, для вас сейчас главное покой и холодный компресс,— улыбнулась Джейн.

Машина попетляла по каким-то узким переулочкам и остановилась у одного из домов.

— Вот мы и приехали,— сказала Джейн.

Они поднялись по лестнице и вошли в квартиру. В квартире царил полумрак. Мераб обнял женщину и притянул ее к себе.

— Этим вы займетесь в Москве,— прозвучал мужской голос.

Зажегся свет. В креслах у столика сидели двое мужчин: японец и скандинав. Они поманили Мераба за собой и провели в ванную комнату. Там они открыли все краны, пустили воду, включили транзисторный приемник и, усевшись на край ванны, зашептали Мерабу с двух сторон, что они представляют разведку одной страны; их агент арестован в Москве, и они хотят обменять его на Мераба.

— Но я не агент, это Изя придумал,— возразил Мераб.

Мужчины дружно улыбнулись и зашептали еще быстрее, что записаться нет смысла, он давно засвечен израильской разведкой и самому ему выехать отсюда не удастся. А у них есть возможность переправить его в Женеву.

— А Джейн тоже поедет? — спросил Мераб, подумав.

— Джейн, это кто?

— Ну, девушка, с которой я пришел.

Мужчины ухмыльнулись:

— Она такая же Джейн, как вы — Яков Папашвили.

Аэропорт Тель-Авива. Из шикарной машины с дипломатическим флажком вышел высокий негр в сопровождении эффектной блондинки. Носильщик повез за ними гору роскошных чемоданов.

На таможенном контроле негр предъявил дипломатический паспорт.

— Будьте любезны, предъявите вещи на досмотр,— сказал таможенник.

— Я дипломат! Вы не имеете права! — возмущился негр.

— Я вас прошу: предъявите вещи на досмотр,— твердо повторил таможенник.

К дому Изя подъехал старенький грузовичок, в кузове которого сидели два парня в рабочих комбинезонах.

— Господин Бронштейн! — позвал один из парней.

На балкон вышла Изина мама.

— Его сейчас нет дома.

— Тут для него небольшой подарок.

Парни скинули с кузова на мостовую огромный чемодан, и грузовик уехал.

— Сеня! Сеня! — в ужасе завопила Изина мама.

Из двора напротив вышел коренастый старик в странной для израильской погоды одежде: в тулупе, валенках и меховой шапке-ушанке.

— Чего орешь? — спросил старик.

— Немедленно вызови саперов! Этот шпион подкинул нам бомбу! — закричала старуха.

Сеня сказал, что раз он здесь, никаких саперов вызывать не надо, ибо лучше его, Сени, в Израиле сапера нет. И велел Изиной маме укрыться, склонился над чемоданом. Что-то громко тикало. Сеня посмотрел на свою руку. На ней громко тикали большие часы Кировского завода. Сеня снял часы, положил их в карман и со всеми профессиональными предосторожностями открыл чемодан.

Там, скрючившись, лежал Мераб в белом смокинге.

— Живой? — спросил Сеня.

Мераб сел в чемодане, ошалело поглядел на Сеню и слабым голосом спросил:

— Где я?

— В чемодане,— ответил Сеня и громко позвал: — Самойловна!

Изина мама боязливо выглянула в окно.

— Танцуй, девка! Тебе жениха прислали,— сказал Сеня и пошел обратно во двор.

Мераб вылез из чемодана и потряс головой.

— Это вы? — робко спросила старуха.

— Кажется, я,— сказал Мераб и покачиваясь пошел прочь.

— Товарищ шпион! — окликнула его Изина мама.— Звоните ваша жена и просила с ней срочно связаться. Там в Грузии что-то произошло.

Мераб повернул к ее дому.

— Нет, нет, только не от нас. Звоните из своей консульской группы.

— Какой группы? Разве в Израиле есть советские?

— А то он не знает,— сказала старуха.—

Они уже целый год сидят в финском посольстве.

Из-за угла, высунув язык, трусцой выбежал пес Генацвале.

Мераб с собакой быстро шли по улице, где расположились иностранные посольства. Человек, приковавший себя к ограде посольства США, все еще стоял там.

— Хорошо, я вас понял,— сказал молодой дипломат в затемненных очках сидящему напротив Мерабу.— Мы свяжемся с Москвой, там все проверят и пришлют ответ.

— Когда? — нервно спросил Мераб.

— Не знаю. Это не от меня зависит.

— А можно мне отсюда домой позвонить?

— К сожалению, нельзя. Мы здесь гости. Это посольство Финляндии.— Дипломат встал.— Извините, мне надо идти.

Вышли в коридор. Дипломат запер на ключ дверь комнаты и пошел к лифту.

— Нельзя мне здесь оставаться. Поймите! Они думают, что я — агент КГБ,— сказал Мераб.

Дипломат вызвал лифт.

— Они меня уже поймали на границе. Открыли чемодан, посмотрели и опять закрыли.

Дипломат вошел в лифт. Мераб тоже.

— Какая-то разведка меня хотела помять,— сообщил он.

Дипломат вздохнул.

— Блондинку с негром задержали, а меня отпустили. Наверное, явки мои хотят выяснять.

Дипломат посмотрел на него и подумал: «Точно провокатор».

Вышли из лифта в подземный гараж. Дипломат пошел к своей машине.

— Товарищ консул,— попросил Мераб,— поменяйте меня на какого-нибудь израильского шпиона.

— Господин, я вам, кажется, ясно объяснил: мы здесь занимаемся советским имуществом. Имуществом и ничем больше! Всего хорошего! — дипломат сел в машину.

— Нет, не всего хорошего!

Мераб вытащил из кармана наручники и быстро приковал себя к правой дверце его машины.

— Это мой протест! — заявил он.— Я буду здесь стоять, пока вы меня не отправите домой.

Дипломат достал из «бардачка» отвертку, вылез из машины, отвинтил правую дверцу и уехал.

А Мераб остался стоять с прикованной к руке дверцей. К нему подошел пес Генацвале, сел рядом и завыл.

Солнце палило нещадно. Мераб со своей

дверцей и Генацвале шел по людной улице. Он увидел мастерскую ремонта телевизоров и зашел внутрь.

— Вы не могли бы тут перепилить? — показал он мастеру наручники.

— Почему нет? — сказал мастер, привыкший ничему не удивляться.

Но, рассмотрев дверцу, спросил:

— «Бьюик-240»? Это что, машина русского консульства?

— Да.

— Пилите в другом месте. Я в политику не лезу.

В это время мимо мастерской прошли три солдата в израильской военной форме. Один из них был Боря Париж.

— Борух! — кинулся к нему Мераб.

— Шалом,— кивнул Боря, не останавливаясь.

Мераб с дверцей под мышкой пошел за ним.

— Поговорить надо.

Боря сделал рукой жест, означавший «уйди». И незаметно для спутников кинул на тротуар скомканную бумажку.

Мераб подобрал. Это была купюра в сто шекелей.

В харчевне, где на противне жарилось аппетитное мясо, Мераб попросил у хозяина разрешения позвонить в Советский Союз. Тот, оглядев человека в грязном белом смокинге с автомобильной дверцей в руках, попросил задаток. Мераб небрежно кинул на стойку сто шекелей и заказал мясо, кока-колу и напильник. Напильника у хозяина не было.

Мераб за столиком жадно глотал мясо и смотрел телевизор. Там показывали с субтитрами на иврите советскую картину про разведчиков — «Мертвый сезон». Шла сцена передачи шпионов на мосту.

Под столом хрумкал косточкой Генацвале.

— Господин,— позвал официант и указал Мерабу на телефонную будку.

Мераб вскочил, забыв о прикованной дверце. Стол с едой опрокинулся. Мераб извинился и втиснулся в будку.

Официант выгнал из-под стола собаку и стал наводить порядок.

Через минуту Мераб как ошпаренный вскочил из будки.

— Где тут ваше КГБ? — заорал он.

— Я думаю, вам надо обратиться в министерство эмиграции,— сказала ему девушка в очках и военной форме.

— Где оно?

— Два квартала отсюда и направо.

Мераб выскочил из харчевни.

— Господин, возьмите сдачу! — крикнул хозяин.

Мераб бежал по тротуару. Прикованная дверца с лязганьем волочилась за ним. Прохожие шарахались в стороны.

— Я не тот, за кого себя выдаю! Кому я должен сделать заявление? — закричал он, ворвавшись в вестибюль министерства.

— Кому хочешь, — ответил человек, читавший за столиком журнал.

— Вот я вам и заявляю!

— А мне это зачем знать? — человек снова уткнулся в журнал.

— Я думаю, вам надо к Абрамовичусу, — сказала Мерабу женщина, которая несла папки. — Третий этаж.

Мераб побежал вверх по лестнице. Дверца от шикарной машины с грохотом скакала по ступенькам.

Абрамовичус в комнате, где сидели еще две сотрудницы, заявил, что его не чешет: Яша Мераб или не Яша. А если он хочет уехать, пусть оплатит все расходы — и скатертью дорога.

Мераб заорал, что там, дома, отец увез Яшину дочку в горы и не отдаст ее, пока он, Мераб, не вернется домой! Что у отца ружье! А Яша сумасшедший! И они перестреляют друг друга!

Абрамовичус сказал, что это его не чешет. Что у них и так слишком много проблем, чтобы еще заниматься семейными делами Мераба.

Мераб завопил, что его брат еврей! А Израиль должен заботиться о своих детях! И обязан обменять Мераба на его брата Яшу.

Абрамовичус возразил, что сначала еще нужно доказать, что сам Мераб не еврей.

Тогда Мераб предложил Абрамовичусу пройти с ним в туалет и убедиться.

На что тот ответил, что он, Абрамовичус, ходит в туалет, когда это нужно ему, а не кому-то другому.

Тогда Мераб сказал, что можно любого спросить в Сигнахи: грузин он или нет?

Абрамовичус ответил, что за свою маленькую зарплату он не обязан летать по всяким Сигнахам, где по горам бегают сумасшедшие с ружьями.

— Ну, хорошо, — устало сказал Мераб. — Напильник хотя бы у вас есть?..

Грузия. Заходящее солнце освещает снежные вершины гор и старинную башню, прилепившуюся к скале. В этой башне укрылись Вахтанг с внучкой. У подножия скалы две милицейские машины, офицер с мегафоном, милиционеры, Яша, Инга, Циала, крестьяне.

— Уважаемый Вахтанг, спускайтесь, —

уговаривал в мегафон офицер. — Подумайте сами: депутат райсовета, заслуженный ветеринар республики, а какой пример людям показываете? Некрасиво!

В узком крепостном окошке появился Вахтанг с ружьем, а из-за его спины выглянула девочка и крикнула:

— Дедушка говорит, что если я уеду на Запад, то стану наркоманкой и проституткой. А здесь я стану чемпионкой и буду ездить по всему миру бесплатно!

Тель-Авив. Вечер. Безлюдная площадь перед автобусной станцией.

Мераб вошел в телефонную будку, огляделся по сторонам, достал из кармана проволочку, покопался в телефонном аппарате, и оттуда ему в руки посыпалась мелочь.

На станции Мераб внимательно осмотрел большую карту Израиля, висящую на стене. Затем подошел к окошку, протянул горсть мелочи и сказал:

— Один билет до Кирьят-Шмона.

Девушка улыбнулась:

— Это не деньги. Это телефонные жетоны. Вас кто-то обманул.

— А вы купите у меня жетоны, — улыбнулся в ответ Мераб.

— Зачем? У меня здесь телефон.

— Жалко, — вздохнул Мераб. — А когда будет автобус?

— Через два часа, — сказала девушка и закрыла окошко.

Мераб осматрелся. Никого. Только вдалеке ползал по тротуару какой-то человек. Мераб подошел к нему.

— Господин, вам не нужны телефонные жетоны?

— На хрена они мне сдались! Мне звонить некому, — пробурчал человек. Это был старик Сеня. — Чего стоишь? Помогите очки найти.

Мераб поднял с земли очки и протянул их хозяину. Тот, нацепив очки, узнал Мераба.

— А, это ты, жених?

— Я, — сказал Мераб.

— Куда направляешься?

— Никуда, так, гуляю.

— Тогда пошли, выпьем по сто грамм, — сказал Сеня.

Они шли по набережной. Гуляли нарядные люди, в ярко освещенных ресторанах играла музыка, на асфальтовой площадке, несмотря на поздний час, продавались подержанные автомобили. Сеня рассказал, что приехал сюда к детям, но те перебрались в Америку. Звали его с собой, но он не поехал. Раз сказал, что едет сюда, значит должен быть здесь. Нечего на старости лет как овечий хвост по свету мотаться. А во время войны Сеня был лучшим разведчиком в самом большом партизанском отряде Белоруссии.

Они пришли на улицу, где жил Изя. Окна Изиного дома были закрыты ставнями, к дверям была приклеена табличка с надписью «Продается!»

— В Австралию улетел,— сказал Сеня,— Просил никому не говорить.

Во дворе напротив стоял большой автомобиль-рефрижератор. На нем тоже была табличка «Продается». Такая же табличка была приклеена к железным воротам склада, где работал Сеня. Оказалось, что Изя — это его хозяин.

Сеня ключом отпер железную дверь и завел Мераба в огромный холодильник, где вдоль стен на полках лежали замороженные овощи. Температура здесь была около минус двадцати. Но у Сени, привыкшего к белорусским морозам, была ностальгия по холоду.

Сеня надел тулуп, валенки и меховую шапку, а Мерабу дал ватник. Потом из старенького шкафчика достал бутылку водки и соленые огурцы. Выпил по стакану за знакомство. Мераб попробовал откусить огурец, но это был уже не огурец, а ледышка.

— Ты постучи по нему,— посоветовал Сеня.

И взяв аккордеон, заиграл и запел песню времен Великой Отечественной войны. Мераб, впервые за все время, расслабился и почувствовал себя как дома.

— Дядя Сеня,— шепотом сказал он.— Я хочу убежать отсюда.

Сеня перестал играть.

— Куда? — спросил он.

— Домой, к жене... к отцу.

— Вот за это уважаю,— сказал Сеня.— Давай выпьем за твоего отца.— Они выпили еще по стакану. И Сеня сказал, что бежать из Израиля вообще-то невозможно, но Мерабу повезло: он Сене нравится, а Сеня — лучший специалист по переходам границ. Во время войны у него было сто шестьдесят переходов в тыл врага.

— Молись богу, что меня встретил,— закончил Сеня.— Поехали.

— Подождите, дядя Сеня,— сказал Мераб.— За мной, наверно, следят. Они думают, что я — агент.

— Это они про всех думают. Но ты ни хрена никакой не агент. У меня глаз — алмаз! Жди здесь,— сказал Сеня и ушел.

Замерзший Мераб стал бегать по складу, припрыгивая. У дальней стенки он обнаружил приклеенную к стене фотографию, где Сеня был запечатлен в костюме и галстуке с полной грудью боевых орденов.

Сеня вернулся со свертком одежды. Мераб снял смокинг и облачился в костюм религиозника: черная шляпа, черный шелковый халат, черные чулки. Смокинг он попросил Сеню отдать кому-нибудь из грузинских евреев, чтобы те вернули толстяку.

Сеня приклеил к щекам Мераба пейсы и

изложил свой план: Мераб залезает под рефрижератор и там цепляется, а Сеня ведет машину. Когда выедут из города, Мераб пересядет в кабину. Доедут до места назначения, а там будут действовать по обстановке. Мерабу план не понравился:

— За что я там прицеплюсь? За кардан?

— Найдешь за что,— строго сказал Сеня.— И давай без пререканий. Командую операцией я!

Они выпили еще по стакану на дорожку, и Сеня, прихватив моток веревки и флягу, скомандовал: «Вперед»

Вышли из склада. Сеня стал запирает дверь, а Мераб полез под рефрижератор.

— Стоп,— тихо сказал Сеня.— Иди сюда.

Мераб вылез из-под машины. Сеня шепнул, что тут околичивается какой-то подозрительный гусь, который Сене не нравится. Этот гусь мелькал еще на набережной.

— Будем брать,— решил Сеня.— Ты заходишь спереди и просишь прикурить, а я сзади его выключаю. Связываем — и в машину.

— Как выключаете? Чем?

— Вот тут за ухом точка есть, называется «укус языка». Тюкаешь в нее пальчиком — и клиент в кокауте... Действуй!

Полный мужчина в гавайской рубашке прикуривал у выхода из двора. Мераб подошел и попросил спички...

Синайская пустыня. Утро. Рефрижератор ехал по шоссе между барханами. Вел машину Сеня, а Мераб сидел рядом. Настроение у друзей было хорошее, и они в два голоса запели грузинскую песню «Сулико», которая в сороковых годах была всемирным шлягером.

Машина обогнала бедуина на ослике. Тот посмотрел ей вслед.

— Стоп! — Сеня резко затормозил.— Что-то и этот гусь мне не нравится.

— Чем не нравится? — пожал плечами Мераб.— Едет себе...

— Сынок, ты меня слушай. У меня глаз — алмаз,— сказал Сеня и приложил к фляге.

У бензоколонки они заправили бак и перекусили. Сеня налил в бумажный стаканчик из фляги и, крикнув, выпил.

— Дядя Сеня, может, хватит?

— Спокойно. Я свою дозу знаю.

Бензоколонщик покачал головой и, забрав со стола грязную посуду, скрылся на кухне.

Сеня посмотрел в сторону кухни тяжело взглядом и сказал:

— Что-то этот гусь...

Дядя Сеня спал, откинувшись на сиденье.

Мераб крутил руль и газовал, пытаясь вывести на асфальт застрявший в бархане рефрижератор. Колеса с визгом буксовали. Мераб снял шляпу, халат и, взяв из-под сиденья лопату, стал подкапывать под колесами песок.

Подъехали два полицейских на мотоциклах. Они посмотрели на человека с одной пейсой на щеке и попросили предъявить документы.

Мераб достал из заднего кармана брюк советские водительские права и, заискивающе улыбаясь, сказал:

— Не успел поменять, начальник.

Из рефрижератора донеслись стук и приглушенное мычание.

— Что там у вас? — спросил полицейский.

— Барашки, — махнул рукой Мераб.

Второй полицейский открыл дверь фургона. Там, на полу, с заткнутыми в рот яблоками, сидели связанные: полный человек в гавайской рубашке, бедуин, бензоколонщик и еще какие-то двое.

— Вах! — удивился Мераб. — А эти когда сюда залезли?

Первый полицейский вытащил из кабины Сеню.

— Что надо? — Сеня проснулся, глядя на них осоловелыми глазами.

— Ваши документы!

Сеня достал документы и отдал полицейскому. Тот полистал их и спросил:

— А этот человек кто?

— А хрен его знает! Я, видно, заснул. А этот гусь машину угнал, — сказал Сеня и сладко зевнул.

Синайская пустыня. Тюрьма. Мераба сфотографировали анфас и в профиль, сняли отпечатки пальцев, отобрали шнурки от ботинок и пояс и заперли в камере, где на железной койке сидел лысый жилистый мужчина в рваной майке. Мераб, поддерживая руками штаны, поздоровался с лысым и сел напротив. Тот бросил недобрый взгляд на соседа в обличье религиозного еврея и отвернулся.

— Жарко, — сказал Мераб. — Задохнуться можно.

— Все в руках аллаха, — сказал лысый.

Мераб огляделся и, зафиксировав глазок в железной двери, нарочито громко сказал: — Нет, дорогой, аллах ни при чем! Все в руках нашего праотца Авраама.

Лысый что-то выкрикнул на арабском языке и кинулся душить «сиониста».

Его оттащили от Мераба ворвавшиеся надзиратели.

Мераба перевели в маленькую одноместную камеру. Он сидел на койке и разглядывал надписи на стене. Надписей было много. Мераб утомился и прилег на койку. Дверь

тут же открылась, и надзиратель сказал, что днем лежать запрещено.

Заросший Мераб ложкой нацарапал на стене горы, домики и попытался изобразить коня. Конь не получался. Мераб отшвырнул ложку и забарабанил кулаками в дверь:

— Я шпион! Обменяйте меня на кого-нибудь!

Дверь неожиданно открылась, и надзиратель сказал:

— Пошли, дорогой.

Он провел Мераба по каменным коридорам и ввел в комнату, где за столом сидел полицейский офицер. Офицер долго разглядывал Мераба, потом хмуро сказал:

— Поскольку все потерпевшие забрали свои заявления о факте бандитского нападения и написали, что никаких претензий к господину Папашвили не имеют, — вы свободны. Распишитесь.

У выхода из тюрьмы Мераба ждал его знакомый грузин-толстяк. Он обнял и расцеловал Мераба.

— Почему ты мне сразу не сказал, что ты Мераб? Это мы там были враги, — сказал толстяк. — Ты — шофер, я — инспектор. А здесь ты для меня земляк, родной человек! Толстяк усадил Мераба в свою «Волгу», и они поехали.

— В шашки играть умеешь? — спросил толстяк.

— Не очень. А что?

— Тогда поедешь вторым тренером.

— Куда?

— В Москву! Тенгиз тебя в нашу сборную по шашкам устроил. Там чемпионат Европы начинается.

— Когда?

— Через неделю.

От волнения Мераб даже прослезился. Толстяк похлопал Мераба по плечу и положил ему в карман конверт:

— Тут тебе ребята немного собрали. Вот сволочь! Что он делает, паразит?!

Из-за бархана выскочил огромный рефрижератор и резко затормозил буквально в двух сантиметрах от радиатора «Волги».

Толстяк выскочил из машины и стал выкрикивать ругательства на иврите, русском и грузинском. Из кабины рефрижератора вылез партизан Сеня, не спеша подошел к толстяку и сказал:

— Дядя, оглянись. Верблюды на твой драндулет написал.

Толстяк повернул голову к своей машине, а Сеня молниеносным тычком указательных пальцев нанес ему свой знаменитый удар «укус языка». Толстяк рухнул.

— Не нравится мне этот гусь, — сказал Сеня Мерабу, который тоже вышел из машины. — Поехали, сынок. Раз Сеня сказал,

что он тебя вывезет — значит вывезет.

— Слушай, дорогой! — закричал Мераб. — Езжай своей дорогой! Я тебя не знаю и знать не хочу!

— И этот гусь мне не понравится, — сказал Сеня, глядя куда-то мимо Мераба.

Мераб посмотрел назад. Сеня ткнул его пальцами по точкам за ушами и втащил в машину.

Пограничный пункт. Пограничник проверил у Сени документы, заглянул в холодильник и поднял шлагбаум.

Иордания. Амман. По узким улочкам старого города бежал пес Генацвале. У чайханы он свернул во двор и забежал в сарай. Там, привалившись к стене, в бессознательном состоянии сидел Мераб. Генацвале подошел к нему и лизнул руку. Мераб очнулся и посмотрел по сторонам. Прямо перед ним на листе газеты лежало обручальное кольцо и записка.

Мераб встал, вышел на свет и прочитал: «Извини, тюкнул тебя сильнее, чем положено. Твои деньги я переложил в ботинок, под стельку. Уезжаю. В последнее время не люблю прощаться. Могу зареветь, как баба. Если судьба занесет тебя в Омск, положи это кольцо на могилу моей жены Индустрии Исааковны. Встретимся на том свете — там границ нет. Ни пуха, ни пера! Семен Клайн!»

Мераб бережно сложил записку. Вышел на улицу и спросил полицейского:

— Извините, это какая страна?

Амман. Тюрьма. Мераба сфотографировали анфас и в профиль, сняли отпечатки пальцев, отобрали шнурки и пояс и провели в общую камеру.

— За что взяли? — спросил его одноглазый детина, когда Мераб присел на нары.

— Да ну их! — махнул рукой Мераб. — У них мозги совсем в зад ушли — я еврейский шпион! Да я сам оттуда еле ноги унес, пропади он пропадом!

— Кто? — спросил одноглазый детина.

— Да Израиль ихний!

Детина медленно поднялся. Рубашка распахнулась, и на его груди сверкнула шестиконечная звезда.

Мераба с распухшей губой и синяком под глазом перевели в другую камеру. Умудренный опытом Мераб сначала осмотрел обитателей камеры, потом, вычислив, что здесь сидят арабы, сказал:

— Салам алейкум, ребята!

В центре камеры мужчина в белом бурнусе играл в «скорлупки и шарик». Смысл игры незамысловат: надо угадать, под какой скор-

лупкой спрятан шарик.

Мужчина в белом бурнусе бросил на Мераба взгляд и, не прекращая игры, сказал:

— Привет, алим.

Это был Боря Париж.

— Борух! — обрадовался Мераб.

— Сам ты Борух! Я — Бори-Хасан-Али, — сказал Боря и, выложив перед собой скорлупки, спросил:

— Где шарик?

Все показали пальцем на крайнюю скорлупку. Боря поднял ее — шарика там не было.

— Все. На сегодня хватит. — Боря сгрэб мелочь, сел с Мерабом в углу и рассказал, что с ним произошло. Он устроился в израильскую армию поваром. Платили мало. Пришлось продать электронную кухню иорданцам. Кто-то донес. Его хотели расстрелять. Он бежал сюда. А здесь иорданцы кухню пережгли, потому что у них другое напряжение. А теперь обвиняют Борю, что он продал испорченную кухню, и грозят большим сроком.

— А тюрьма здесь намного хуже нашей, — сказал Боря. — Красного уголка нет, политзанятий нет. В общем, мотать отсюда надо, — закончил он. — Вернусь в Союз, выбью из Марика свои деньги — начну все сначала.

— А убежать отсюда можно? — спросил Мераб.

— Запросто. Я уже договорился. Двести долларов стоит. Вот собираю по мелочишке.

— Деньги у меня есть, — шепнул ему на ухо Мераб.

По синему морю плыл белоснежный пароход под турецким флагом. В ящике изпод швабр сидели Боря с Мерабом, наблюдая в щелочку, как на палубе две девушки в коротеньких юбках играли в теннис.

— Господи! — вздохнул Боря. — Что мы тут сидим? Ты посмотри, какие бабы гуляют. Гавайи!

— Может, они не одни гуляют, — сказал Мераб. — А вместе со СПИДом.

— Волков бояться — в лес не ходить, — махнул рукой Боря. — Ты бы с какой стал?

— Ни с какой. Я в теннис играть не умею.

Турция. Морской порт Стамбула. Пассажиры проходили через комнату паспортного контроля. Боря достал какой-то паспорт оранжевого цвета и предъявил пограничнику. Тот поставил штамп. Следующим с таким же паспортом прошел Мераб.

В это время к воротам порта бесшумно подкатил большой черный лимузин, точно такой же, какой мы видели в Вене и Тель-Авиве. Из лимузина вышел мулла, а из ворот порта вышли кардинал, патриарх и раввин. Представители четырех религий сели в машину, и

она плавно отъехала.

Турция. По горной дороге ехал старенький автобус. В нем сидели крестьяне с курами и козами и Мераб с Борей, похудевшие и ободранные. Носатый турок в феске постучал по спине шофера и попросил остановиться. Тот нажал на тормоз. Турок жестом показал Мерабу с Борей, что надо выходить.

Они продирались сквозь густой кустарник. Вышли на поляну, и турок сел на землю.

— Отдохнем,— сказал он, тяжело дыша.

— Пошли, пошли! Потом отдохнешь,— сказал Мераб проводнику.

— Сначала деньги давайте.

— Деньги будут, когда до места доведешь,— сказал Боря.

— Где мы сейчас? — нервно спросил Мераб.— Покажи.

Турок поднял рубаху. На его груди и спине была выколота карта Турции.

— Здесь мы,— ткнул турок пальцем в место, где кончается спина.

Шел дождь.

— Все. Здесь уже сами дойдете,— сказал турок, когда они вышли к ручью.

— Где мы? — спросил Боря.

— Здесь,— приложил палец к пупку.

Лео Пилпани в роли отца

— А почему у тебя этого ручья нет? — подозрительно спросил Мераб.

— Ты что? — возмутился турок.— Я и так пять лет эту карту колол. Если такие ручьи наносить — двух пожизненных сроков не хватит.

— Ладно,— сказал Боря.— Держи,— и протянул ему две бумажки.

Идет мелкий дождь. Быстро несет мутную воду пограничная река. На той стороне пожелтевший лес. За лесом на склоне виднеется деревушка.

— Раздевайся,— сказал Боря Мерабу, скидывая одежду.— Чтобы видели, что мы без контрабанды.

Мераб, стоя в стороне, что-то тихо бормотал.

— Ты что бормочешь? — спросил Боря.

— Тогда от трех до семи лет заработал. И сейчас опять...

Мераб закрыл глаза.

— Все обойдется, али! Ты со мной, а я vezuchiy. Ну, пошли, пока кто-нибудь в нас не пальнул.

Боря вошел в реку, быстро перешел ее вброд и, махнув с того берега рукой Мерабу, скрылся за деревьями. Раздался короткий вскрик. И тишина...

— Боря,— тихо позвал Мераб.

Тишина.

Мераб раздевается до трусов и заходит в реку, держа руки над головой. В одной руке у него Сенино кольцо, в другой — крышка от трамблера. Мераб доходит до середины реки и зовет:

— Пограничник!..

С той стороны глухая тишина. Только мелкий дождик стучит по воде, по траве, по листе деревьев...

Мераб медленно бредет к берегу.

— Пограничник, браток, не стреляй! Дай хоть ногой на свою землю ступить! — просит он.

А лицо у него совсем мокрое. И не поймешь: то ли это дождь, то ли слезы.

Грузия. Пограничная застава. У Мераба отобрали крышку от трамблера, кольцо, пояс, шнурки от ботинок и заперли в комнате с решеткой на окне. Послышался лай собаки.

— Генацвале,— улыбнулся Мераб и подошел к окну.

На кирпичной дорожке — овчарка со своим щенком.

К погранзаставе подъехали черная «Волга» и «газик».

Из «Волги» вышли мужчина в штатском, из «газика» — майор пограничных войск.

— Где? — спросил майор часового.

— В третьей, товарищ майор,— вытянувшись, ответил часовой.

Майор с почтением пропустил в дверь человека в штатском и прошел следом.

Часовой отпер дверь. Человек в штатском вошел внутрь и закрыл за собой дверь. В комнате на табуретке сидел Боря Париж. Увидев гостя, Боря поднялся с табурета.

— С благополучным возвращением, Борис Сергеевич,— сказал человек.

— Здорово, подполковник,— улыбнулся Боря.

Они крепко обнялись.

Самолет приземлился в аэропорту города Тбилиси. Мераб, расталкивая пассажиров, продирался к выходу.

— Как папуасы! — возмущалась стюардесса.— Пассажир, вы что, глухой? Вам же сказали: сидеть до полной остановки.

— Хватит,— огрызнулся Мераб.— Я уже насиделся.

Он первым сбежал по трапу и, не дожидаясь автобуса, побежал по летному полю к чугунной решетке, за которой толпились встречающие.

Выбежал на площадь. Там, возле такси, стояли отец, Яша и парень с гитарой. Мераб медленно подошел к ним, помялся и достал из пакета бутылку шампанского.

— Вот, принес,— робко сказал он.

Отец выхватил у него бутылку и что было сил шмякнул ее об асфальт. Во все стороны полетели осколки и брызги шампанского. Парень с гитарой ударил по струнам, запел песню, красивую и нежную.

Яша взял второй голос. Мераб помялся, поглядывая на отца. И тоже запел. И мрачный отец не выдержал и взял на себя басовую партию...

А по летному полю ехал автокар с багажом, и на самом верхнем чемодане стоял пес Генацвале.

— Граждане пассажиры! — раздалось сверху из динамика.

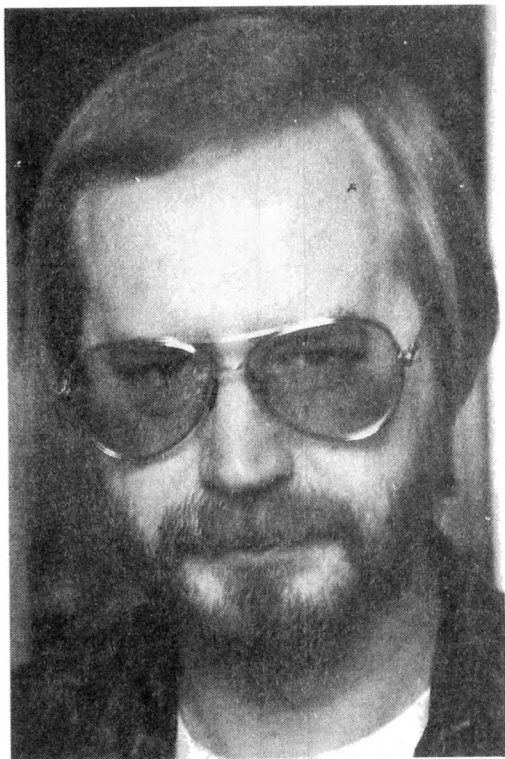
Все, кто был на площади, остановились и подняли головы вверх.

— Уважаемые зрители! Доводим до вашего сведения, что жена Мераба — Циала фиктивно вышла замуж и уехала в Израиль в поисках мужа. Спасибо за внимание!

Генацвале поднял голову в небо и завыл на высокой ноте. И с этой ноты начнется мелодия, под которую пойдут титры фильма... и зрители из зала.

1988 г

Георгий
НИКОЛАЕВ

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ПО МЕСТНОМУ ВРЕМЕНИ (Облако-рай)

У подъезда, поникнув на облезшей лавочке, грелись на утреннем солнце вечные старухи с четвертого этажа. В остальном полусонный двор был пуст, как Колина голова.

— Здравствуйте,— тем не менее вежливо сказал им Коля.

Старухи послушно закивали: «Здравствуй, здравствуй...»

Так было всегда. И чем внимательней Коля всматривался в их неподвижные лица, тем менее различал их. К счастью, он не подозревал об этом.

Коля снова оглядел двор, застрявший в окружении пятиэтажных домов, ничего и никого интереснее не увидел и потому задумчиво сказал:

— Хорошая сегодня погода.

— Хорошая, хорошая,— закивали старухи.

Дом, в котором они жили, не имел лифта, а потому, спустившись во двор утром, они старались вернуться домой к вечеру.

— А передавали, что дождь будет...— продолжил Коля.

— Передавали, передавали,— кивали старухи.

Коля тяжело вздохнул. Старухи привычно ждали. Где-то наверху разрывался от звона будильник. Коля внимательно посмотрел на небо и добавил:

— Ошиблись, наверно...

— Ошиблись, ошиблись...

— Хотя,— засомневался Коля,— если думать до конца объективно, то им виднее, может, и будет...

— Может,— согласились старухи.

— А вообще интересно,— воодушевился Коля и уселся рядом с ними на лавочку,— будет или не будет? Если будет, то когда? А если не будет, то сколько? Как думаете?

Несколько секунд старухи смотрели на него, потом зашептались. Чувствовалось, что согласиться друг с другом они не могли.

— Конечно,— подсказал им Коля,— область большая, пойдй угадай, где он пойдет, а тем более, когда? Но и циклон не меньше, значит, наверно, везде пойдет и надолго... Доходит?

— Доходит,— сказала одна. Другая зевнула.

— То-то,— подвел итог Коля.— Думать надо. Федора не видели?

— Не видели,— сказала одна.

— А какого? — спросила другая.

Коля не ответил. Его внимание сосредоточилось на новом объекте. Лениво пересекая двор, мимо детской площадки и веревок с бельем брел невзрачный человек в пиджаке с чужого плеча с пустой авоськой.

Коля торопливо поднялся:

— Василич!

Человек оглянулся, хотел прибавить шагу,

Андрей Жигалов в роли Коли

но потом остановился и стал поджидать Колю с тоскливым выражением на сонном лице.

— Здорово, Василич,— обрадовался Коля.

— Ну здорово,— сказал Василич и шмыгнул носом.

— Куда это ты с утра намылился?

— Дело есть...

— А-а-а,— сказал Коля.— Это хорошо. Это хорошо, когда дело. Ты туда?..— он махнул рукой в сторону северо-запада.

— Ну...— сказал Василич и шмыгнул носом.

— И я туда,— сказал Коля.— Пошли?

— Пошли,— вздохнул Василич и в сердцах поддел ногой камень, валявшийся на дороге.

— Пас на выход! — обрадовался Коля, догнал прыгающий камень и мягко отпасовал его Василичу.

Василич сплюнул и так врезал по камню, что тот улетел в декоративные кусты.

Коля остановился, почесал в затылке и огорченно сказал:

— Аут. Я вбрасываю.

Не испытывая ни малейшего сожаления, Василич равнодушно прошел мимо точки вбрасывания и, не оглядываясь, стал удаляться в выбранном направлении.

Коля догнал его и пристроился рядом. Улица была пуста, и молчать становилось

совершенно невозможно с каждым новым шагом.

— Ты в магазин?

— Нет.

— И я не в магазин.

Прошли еще несколько шагов. Разговор требовал продолжения. Коля сдался.

— Хорошая сегодня погода,— сказал он обаятельно.

Василич кивнул и шмыгнул носом.

— А по радио дождь обещали,— сказал Коля.— Циклон, говорят, пришел. Слышал?

Василич снова кивнул.

— Странно,— сказал Коля.— Обещают одно, а на самом деле другое... Ничего понять нельзя. Конечно, ошибаться никому не заказано, но и без научной точки зрения, если просто на небо посмотреть, сразу все ясно станет. Не может дождя быть при таком небе. Никак не может. Даже если циклон пришел. А ты как думаешь?

— Никак.

— А зачем ты туда идешь? — сменил тему Коля.

— Куда? — не понял Василич.

— Ну туда же,— Коля махнул рукой вдоль улицы.— Куда и я.

— Надо,— сказал Василич и прибавил шагу.

— Раз надо, так надо,— сказал Коля, ста-

раясь не отстать.

Они ненадолго замолчали. Старый, пожелтевший асфальт шуршал под ногами с тем же звуком, с каким Василич шмыгал носом. Стараясь идти с ним в ногу, Коля стал чеканить шаг: «Левой! Левой! Левой! Шире шаг!»

Василич не совсем тактично сменил ногу, Коля еще попытался подстроиться, но в конце концов опять сбился и был вынужден обидеться.

Они молчали, пока не дошли до развилки.

— Тебе туда?.. — сердито спросил Василич, показывая на юго-запад, украшенный красным кирпичным зданием закрытого университета.

— А тебе куда? — спросил Коля.

— Куда надо, — отрезал Василич.

— А я могу и туда, и сюда, — сказал Коля. — Мне все равно.

— Тыфу! — обозлился Василич. — И чего ты ко мне прицепился? А? Чего тебе от меня надо?

— Да ничего, — обиженно сказал Коля, — а чего?

— Так вот если ничего, то отстань и иди своей дорогой, понял?!

— Понял, — мирно сказал Коля, — да я просто с тобой поговорить хотел и все...

— Поговорить, поговорить, да о чем поговорить?! — взорвался Василич.

— Да так, о том, о сем... А чего?

— Да ничего! Мать твою за ногу! Надоело! Лезешь без дела, как будто делать нечего...

— Так ведь воскресенье, — оправдывался Коля. — Чего делать, если воскресенье...

— А я почему знаю?! Вот прицепился... Погода, погода, левой, правой! Тыфу! ^

Некоторое время Коля беспомощно смотрел ему вслед, потом бросился за ним:

— Эй! Василич! Постой!

Даже пиджак с чужого плеча вздрогнул на Василиче. Он медленно повернулся с искаженным лицом.

Коля торопливо отступил.

— Ты мне десятку должен, — быстро сообщил он и виновато добавил: — Вот какие дела.

— Десятку? — потерялся Василич. — Какую десятку? Что ты мелешь?

— А помнишь, брал неделю назад, сказал, через два дня вернуть... Вот, ту самую...

Василич нахмурился. Только сопел.

— Ну так что, вспомнил? — спросил Коля.

— Вспомнил, — сказал Василич и шмыгнул носом. — Отдам я ее тебе... Бог свидетель, отдам... Только не сейчас... Нету у меня сейчас... С получки и отдам...

— Так до получки еще... — начал было Коля.

— А тебе чего, приспичило, что ли? Вот, на тебе, видите ли, вынь да положь ему десять рублей... Ты что, уезжаешь. что ли?

— Да нет, — опешил Коля, — не уезжаю, но разве это только когда уезжаешь...

— Ну вот, если не уезжаешь, то и подождешь, ничего с тобой не случится... Понял?

— Понял, — сказал Коля.

— Тогда привет, — закончил Василич и пошел, пошел, пошел... пока не ушел.

С некоторым сожалением Коля вернулся во двор, свистнул пару раз под открытыми окнами блочного дома, но ничего в ответ не дождавшись, уныло направился к скучающим старухам. Другого выхода он не видел, как не видел его полчаса назад, когда солнце стояло ниже, а надежд было больше.

Старухи молча смотрели, как он подходил к ним и с каждым шагом улыбался все шире и радостней, а когда остановился, можно было подумать, что в его жизни не было встречи более желанной, чем эта. По доброте своей душевной старухам ничего не оставалось делать, как ответить ему тем же и в той же степени, только несколько недоуменно. Это, по-видимому, заставило Колю понять чрезмерность своего чувства, и потому он сразу помрачнел.

— Ну так как? — спросил он строго, но не очень.

Старухи с сомнением переглянулись:

— Хорошо...

— Вот, вот, — сказал Коля и посмотрел на небо. — И я говорю, хорошо. А Федора не было?

— Не было, — сказала одна.

— А какого? — спросила другая.

— Значит, спит, — сказал Коля. — Больше ему ничего не остается. Одно слово — воскресенье. Спи, сколько влезет, и все тут. А чего еще? Больше нечего. Я бы тоже спал, да погода хорошая. Правда, дождь обещали, но, может, и ошиблись... Это дело такое, точно не скажешь. Природа. А природа, она...

Коля прервался. Старухи не слушали, а заинтересованно уставились ему за спину. Он оглянулся. Три мужика спешили через двор к автобусной остановке. Автобуса не было и, по расписанию, быть не могло.

— Эй! — крикнул Коля. — Привет!

Не останавливаясь, один из мужиков оглянулся, что-то неразборчиво ответил и тем ограничился.

— Вы куда?.. — закричал Коля.

Мужики скрылись за углом.

Коля немного подождал, потом сел на лавочку.

— Купаться пошли. Больше некуда. Только зря это они... Вода еще холодная. Я позавчера ходил. Очень холодная вода.

Кадр из фильма

Как влезешь, так и вылезешь. Рано еще купаться. Вот в прошлом году значительно теплее было, и то в это время еще не купались. А теперь и подавно нельзя. Ноги сводит. Только по колено влезешь, а уж готов — судорога. Так что зря они пошли. Хоть и погода хорошая, позагорать можно, а зря. Да и дождь пойдет, обещали все-таки...

Старухи хихикнули. Коля замолк, подозрительно обвел их взглядом и поднялся с лавочки.

— Ну ладно,— сказал он озабоченно.— Идти мне надо. Дел по горло. А с вами все равно ничего не высидишь, хоть всю жизнь сиди.

Он еще раз посмотрел на их неподвижные лица, словно ждал чего-то, потом махнул рукой, как на явную бесполезность, и направился через двор к дому напротив.

Одиноким ребенком, невесть когда очутившийся во дворе и теперь сидевший в пустой песочнице, как старый волк в клетке, равнодушно показал ему язык. Коля со значением покрутил пальцем у виска. Ребенок ответил тем же. В воспитательных целях Коля сделал вид, что ничего не заметил, и

торопливо прошел мимо. Если бы в песочнице имелся песок, ребенок бы этого так не оставил. Дети имеют право на заслуженное внимание. Но песка в песочнице не было, и потому Коля благополучно дошел до дома и, задржав голову, еще успел заметить, как на третьем этаже отпрянуло от окна и больше не появилось чье-то лицо.

Он постоял в надежде, призывно свистнул, но в это время из подъезда вышла пожилая женщина в летней шляпе с обвисшей ягодой на полях. И свист сразу оборвался, потому что источник свиста неуверенно дернулся в сторону, как будто собиравшись сбежать, но остался стоять, виновато улыбаясь и не зная, куда деть руки. И сразу стало ясно, что как мужественный человек Коля не состоялся.

— Доброе утро, Татьяна Иванна,— сказал он так виновато, как только мог.

Татьяна Иванна посмотрела не него недобрым взглядом из-под нахмуренных бровей и очень криво усмехнулась.

— Ну здравствуй,— сказала она после паузы, не спуская с него холодных глаз.— Все свистишь?

— Свистю,— сказал Коля и позеленел.

Татьяна Иванна кивнула, как будто так и должно быть всегда и никак иначе.

Под ее взглядом Коля поежился и неуверенно сказал:

— А хорошая сегодня погода.

— Хорошая,— вызывающе согласилась Татьяна Иванна.

— А по радио дождь обещали,— заученно продолжил Коля.

— Знаю. Что дальше?

— Ничего.— Коля замялся.— А Наташа дома?

Если бы обещанный дождь шел, то после этих слов мог бы прогреметь гром.

— Ну дома...

— Это хорошо,— обрадовался Коля.— Это хорошо, если дома. Я зайду, да?..

— Нет. И не собирайся.

Коля смутился, покосился на открытые окна.

— Да я на минутку... Зайду и выйду.

— Хватит, назаходился... Чтоб ноги твоей там не было. Понял?

— Понял.

Татьяна Иванна смерила его уничтожающим взглядом, круто повернулась и пошла к автобусной остановке, хотя автобуса не было и, по расписанию, быть не могло.

Коля вздохнул и направился в подъезд.

— Куда?!

Окрик Татьяны Ивановны пригвоздил его к месту. Он дернулся, как на крючке, и полудушевно обернулся:

— Да я к Феде...

— К Феде... Знаю я твоего Федю... Ты смотри у меня, если что узнаю, плохо тебе будет, так плохо, что хуже некуда!

Коля обреченно кивнул и, проводив взглядом ее удаляющуюся многообещающую фигуру, вошел в подъезд.

Поднявшись на третий этаж, он долго вытирал ноги о половик, потом протяжно позвонил. Дверь не открывали. Коля позвонил еще раз и прислушался. Так как слышно было совсем плохо, он прижался ухом к двери, и здесь дверь открылась. На пороге стояла чужая жена Валя.

Коля смущенно заулыбался и развел руками в стороны.

— Уже? — сказала-спросила чужая жена Валя и тем ограничилась.

— Уже,— сказал-спросился Коля.— А Федя дома?

— Дома,— Валя сдалась и посторонилась.— Проходи, раз пришел.

— Спасибо,— неуверенно поблагодарил Коля и боком прошел в квартиру. Валя поправила смятый половик и закрыла за ним дверь.

На кухне у открытого окна сидел законный муж Вали по имени Федя и меланхолично дергал себя за усы. Перед ним стояло зеркало.

Кадр из фильма

— А-а-а,— неопределенно сказал он,— пришел...

— Да,— сказал Коля,— а чего делать...

— Это точно,— согласился Федя,— делать нечего. Да ты не стой, садись... Вон, на стул, только тулуп сними. А я сейчас... — Он вышел, унося с собой зеркало.

Коля взял со стула тулуп, огляделся по сторонам в поисках места, куда можно было бы его положить, не нашел и сел на стул, держа тулуп в руках, как букет овчины. От тулупа пахло нафталином и второй старостью. Коля скоропостижно чихнул.

Вернулся Федя:

— Будь здоров!

— Спасибо,— сказал Коля, не удержался и снова чихнул.

Федя отвернулся:

— Валя!

Коля украдкой вытер тулуп.

— Мы его просушить вытащили,— нестати пояснил Федя,— пока солнце и погода сухая.

Вошла Валя. Молча посмотрела на мужа. Повеяло ледяным холодом.

— Тулуп возьми,— сказал Федя.— Нафталином воняет.— И, уже обращаясь к Коле, спросил: — Чай пить будешь?

— А может, мне за пивом сходить? — спохватился Коля.

— Нечего,— сказала Валя, энергично вырывая тулуп из Колиных рук.— Каждый раз одно и то же... Как начнете, так и не кончите...

Она раздраженно вышла, унося отобранный тулуп. Федя развел руками: ничего не поделаешь. Коля понимающе кивнул. Они замолчали.

Вернулась Валя, села за холодильник и уставилась немигающими глазами на Колю.

Коля смутился, достал пачку сигарет.

— Я покурю? — спросил он.

— Кури, — сказал Федя.

— А ты? — спросил Коля и протянул ему пачку.

— Я курил, — сказал Федя, — только что, перед твоим приходом... — Он вздохнул, беспричинно оглянулся на Валю и принялся крутить усы, глядя на залитые солнцем окна противоположного дома.

Коля закурил, проследил его безучастный взгляд и неуверенно сказал:

— Хорошая сегодня погода, да?

Федя кивнул. Хорошая.

Коля затянулся, выпустил дым и отчаянно продолжил:

— А по радио дождь обещали. Циклон, говорят, пришел. Слыхали?

— Слыхали, — сказал Федя.

— Василича сегодня видел, — сказал Коля. — Я к универмагу ходил, а ему по пути было. Так он не слышал. Очень удивлялся. Как же, говорит, такая погода хорошая, тепло, солнце вовсю светит, и вот тебе на — дождь будет. Не поверил. А Филемеев со своими купаться пошел. Совсем мужик спятил. Я позавчера ходил, вода ледяная, ноги сводит. Куда там купаться, умыться и то противно. — Коля посмотрел в окно и добавил: — А дождь будет, хотя с виду нипочем не скажешь. А ты как думаешь?

— Может, и будет, — сказал Федя миролюбиво, — а может, и нет, ты, Коля, не обижайся, но мне это как-то все равно, что будет, что не будет, разница-то какая?

— Большая, — неодобрительно сказал Коля и замолчал.

Федя подождал. Коля молчал, только курил и стряхивал пепел в блюдце.

— Для тебя, может, и большая, — сказала, не выдержала, Валя из-за холодильника. — А для нас — никакой.

Федя укоризненно посмотрел на нее и, смягчая, добавил:

— Ну если только принципиальная... А по существу ведь это неважно... Что будет, что не будет... Что так, что этак...

— Нет, — сказал Коля, — важно.

— Ты что, — вмешалась Валя, — зонтик купил?

— Нет, — глядя в пол, сказал Коля.

— Да уж, конечно, — продолжала Валя, — если бы ты зонтик купил, мы бы уже давно знали.

Федя от неожиданности крикнул. Коля дрожащей рукой стряхнул пепел мимо блюдца, испугался и суетливо сдул его на пол вместе с пеплом из блюдца. Никто ничего не говорил и говорить не собирался. Молчание затягивалось. Валя неподвижно сиде-

ла за холодильником и сверлила Колю взглядом.

— Ну, может, скажешь чего-нибудь, — наконец спросила она невесело, — новенького?

— Да ничего, — мрачно сказал Коля, — а чего там...

— Значит, ничего?.. — усмехнулась Валя.

— Да, в общем-то, конечно, ничего, — зло сказал Коля, затянулся поглубже и выдохнул вместе с дымом: — Вот только уезжаю я... — И закашлялся.

— Чего, чего?.. — недоверчиво удивилась Валя, а Федя перестал крутить усы.

— Уезжаю, вот чего, — сквозь кашель прохрипел Коля.

Федя посмотрел на Валю, Валя посмотрела на Федю. Это не помогло ни Вале, ни Феде.

— Куда это ты уезжаешь? — неуверенно спросил Федя.

— Да вот, — сказал Коля, справившись с кашлем, — подвернулось тут одно дело...

— Когда это оно тебе подвернулось, когда еще вчера вечером ты никуда не собирался? — возмутился Федя.

— Подвернулось, — стоял на своем Коля с отчаянной решимостью. — Так что теперь уезжаю. Вот только лишь бы дождя не было. Уж больно в дождь уезжать противно. Как думаешь, будет дождь или нет?

Мгновение Федя остолбенело смотрел на Колю, потом выглянул в окно.

— Вроде нет, — сообщил он, — и птицы высоко летают...

— Это хорошо, — сказал Коля, — если высоко... Тогда, может, и не будет...

— Куда же ты уезжаешь? — подозрительно спросила Валя.

— Далеко, — сказал Коля. — Далеко уезжаю. Буду вам только письма писать. Раз в месяц. — Он поудобнее уселся на стуле и закинул ногу за ногу.

— А куда — далеко?.. — осторожно спросил Федя.

— Туда, — определил Коля и махнул рукой в сторону холодильника. — На Дальний Восток.

Федя присвистнул:

— Ну-ну...

— Так-то, — сказал Коля.

— А с какой стати, — отставала Валя, — на Дальний Восток?..

— С такой. Друг зовет.

— Какой еще друг?.. — удивился Федя. — У тебя их отродясь не водилось. Ну, кроме меня, конечно...

— А вот и водились, — сказал Коля. — Мы в школе вместе учились. Я на задней парте, а он на передней. Как сейчас помню... Рыжий такой, толстый. Все очки ронял. Я ему еще как-то в третьем классе в ухо заехал. Теперь он большим человеком стал. На руководящей должности.

— Что-то раньше я этого не слышал,— усомнился Федя.

— А я сам не слышал,— сказал Коля,— пока он мне письмо не прислал. А как прислал, так я сразу и решил: еду. Чего мне здесь сидеть без толку, а там хоть работа стоящая...

— А делать там чего будешь? — не унималась Валя.

— Да так,— сказал Коля.— По снабжению предлагают...

— Ты что, серьезно? — не выдержал Федя.

— Серьезно,— Коля даже обиделся,— как же еще... Да я, можно сказать, потому и пришел, чтобы вам об этом сообщить.

— Значит, уезжаешь... — погрустнела Валя.— Так вот берешь и уезжаешь...

— Беру и уезжаю,— подтвердил Коля.

— Ну ты даешь!.. — восхитился Федя.— Ну и дела!.. Я тебя поздравляю. Я тебя поздравляю.

Он встал и с чувством пожал Коле руку. Коля смущенно кивал и прятал глаза. Федю раздувало от восторга.

— А у нас, кажется, где-то пиво завалилось... Валь, а Валь, посмотри в холодильнике, пиво у нас не завалилось?.. — Он обвел Колю сияющим взглядом и прищелкнул языком: — Ну ловкач... Такое дело отметить надо...

— Завалилось,— сказала Валя.

— Да ни к чему это... — неуверенно отказывался Коля.

— Рыбки достать? — спросила Валя.

— Доставай! — разошелся Федя.— К пиву оно в самый раз будет.

Валя поставила на стол пару бутылок пива и открытую банку балыка.

— За отъезд,— сказал Федя.

— За отъезд,— сказал Коля.

— За отъезд,— сказала Валя.— А когда едешь?

— Скоро.

— Скоро... — разочаровалась Валя.— Так это когда будет, твое скоро?

— Когда?.. — растерянно переспросил Коля. Он не чувствовал разницы.— А что?

— Как что? Может, ты целую неделю будешь всем голову морочить, а потом никуда не уедешь... Вот я потому и спрашиваю, когда едешь?

— Что ты к нему пристала,— вмешался Федя.— Он же сказал: уезжает. Значит, не сегодня завтра и уедет. Все путем... Правда, Коль?

— Правда.

— И какая разница, когда именно,— продолжал Федя.— Что сейчас, что завтра... Не во времени дело, а в пространстве.

— Ну... завтра... — сказала Валя.— До завтра еще дожить надо.

— Да не завтра. Не завтра. Сегодня я

уезжаю,— Коля это сказал и сам себе удивился.

— Ну ты даешь! — обрадовался Федя и обратился к Вале: — Слыхала? Поняла? — Он влюбленно посмотрел на Колю.— Сегодня! Вот так дела! Бери рыбу, закусывай. По блату достали, не как-нибудь.. Хотя... — Он огорченно почесал в затылке.— Тебе теперь, наверно, все равно, рыбы там до черта должно быть. Еще надоеет.

— Конечно,— сказал Коля, грустно глядя на балык.— Спасибо. Там поем.

— Слушай, а платить сколько будут? — спросила Валя.

— Много,— сказал Коля.— Точно не знаю, но много.

Он обвел взглядом притихших хозяев, поставил стакан, вытер рукой губы и встал.

— Еще раз спасибо,— сказал он,— но мне идти надо.

— Да ты посиди, куда торопишься, посиди, Расскажи толком.

— Нет,— сказал Коля.— Идти надо. Дел много.

— Ну конечно,— согласилась Валя,— собираться, складываться, а то не успеешь...

— Да,— сказал Коля,— собираться, складываться. Засиделся я с вами.— Он посмотрел на часы и нахмурился: — Пора.

— Ну смотри,— сказал Федя,— дело твое. Если надо, значит, надо. Может, тебе помочь чего, а то я могу... Ты ведь знаешь, я всегда, если что.

— Не надо, я сам.

— Коля,— вспомнила Валя,— а Наташа тоже едет?

— Наташа?.. — Коля растерялся.— Нет, не едет...

— Значит,— сказала Валя,— от ворот поворот.

— Да нет,— сказал Коля,— с какой стати?

— Ну как же, ты уезжаешь, она остается, значит, все, разошлись, как в море корабли?

— Ну, в общем-то... — Коля замешкался,— получается, конечно, что так, но на самом деле...

— Послушай,— догадалась Валя,— а ты ей вообще говорил, что уезжаешь?

Коля закашлялся.

— Нет, не говорил,— поняла Валя.

— Ну ты даешь!.. — сказал Федя.— Раз, два и готово. И с концами в воду! — Он продемонстрировал спуск концов в воду и торопливо вышел из кухни.

— Значит, она даже не знает,— задумчиво сказала Валя.— А как же теперь будет?

Коля помрачнел.

— Что будет?

— Как ты ей скажешь об этом? Как ты ей в глаза смотреть будешь?

Сергей Баталов — Федя, Андрей Жигалов — Коля

— Как, как... Очень просто. Возьму и скажу. И в глаза буду смотреть. Она мне еще не такое говорила и тоже в глаза смотрела. Так что обойдется.

Валя промолчала: видно, понимала. Коля нервно прикурил от окурка новую сигарету. На ходу надевая пиджак, вернулся Федя.

— Ты-то куда?! — взъелась на него Валя.

— Мне за сигаретами надо, и вообще, что я, дома сидеть обязан... — Он слил в стакан остатки пива и жадно выпил.

Валя поджала губы и промолчала.

— Значит, — сказал Коля, — в таком случае, до свидания...

— До свидания, — сказала Валя, — может, теперь и не увидимся больше, дай-ка я тебя поцелую на прощание...

— Да он вечером уезжает, — вмешался Федя, — еще успеешь двадцать раз попрощаться...

Валя расцеловала Колю в обе щеки и прослезилась.

— Ну не надо, не надо, — сказал Коля жалобно, — чего там...

Они вышли во двор, как уже давно не вы-

ходили, рядом, вместе, довольные друг другом. Федя придержал дверь, пропуская Колю, и гордо огляделся по сторонам.

Орали дети, полоскалось белье на ветру, в беседке скучало молодое поколение допризывного возраста.

— Ты кому-нибудь говорил? — спросил Федя.

— Нет, — покачал головой Коля. — Вы первые.

Федя удовлетворенно кивнул.

— Понял. Я в тебе никогда не сомневался. Ты настоящий друг.

— Спасибо, — сказал Коля.

— Не за что. Лучше пошли.

— Куда?

— К тебе, — сказал Федя. — Будем собираться.

Он деловито взял Колю под руку и потащил через двор к противоположному дому.

— Коля!

Коля растерянно оглянулся. Из открытого окна третьего этажа махала рукой Валя. Для простого, будничного воскресенья это было более чем необычно. В ответ Коля слабо махнул рукой и смутился. Он уже чувствовал, как внимание двора неотврати-

мо сосредоточивается на нем.

— А тебе уезжать не жалко? — покосившись на Валю, спросил Федя. — Все-таки столько лет здесь жил... Прижился, можно сказать, и вот, на тебе, адью, съехал... А?

Коля опустошенно посмотрел на Федю, потом на вереницу развешанных пододеяльников, на беседку, на галдящих в песочнице детей и неопределенно пожал плечами:

— Не знаю... Как-то сразу не разберешься...

— Это просто ты еще не понял, не прочувствовал, — изрек Федя. — А когда поймешь, прочувствуешь... — Он задумался на мгновение, потом решительно склонил голову. — Хотя, конечно, Дальний Восток, с другой стороны — новая жизнь и все такое... Ты уже, наверно, весь там, в делах, в заботах... Везет же тебе... Я даже завидую... Веришь? Никогда тебе не завидовал, а теперь завидую... Ну и дела...

Они неумолимо приближались к подъезду, рядом с которым грелись на лавочке старухи и сидела Татьяна Иванна, мать Натальи. Сидела прямо и неподвижно, словно в фотоателье, когда фотографируют на паспорт.

— Ну чего? Испугался? — Федя дернул за рукав остановившегося Колю и потащил его дальше, упрямо и прямо к подъезду. — Ничего, пусть знают наших, пошли, со мной не пропадешь...

Старухи уже давно с любопытством смотрели на них, а Татьяна Иванна давно делала вид, что не смотрит.

— Здравьете, наше вам, люди добрые, — Федя отвесил поклон старухам и Татьяне Иванне персонально.

— Здравьете, здравьете, — закивали старухи.

Татьяна Иванна только кивнула. Ее холодность Федя решительно проигнорировал.

— Слыхали, бабули? — Он хлопнул Колю по плечу. — Слыхали, что наш Коля выкинул? А? Не ведаешь! Сейчас опупеет!

— Не трепи! — возмутился Коля. — Помолчи, слышь!

— А чего? Чего такого? — обиделся Федя. — Сказать нельзя? Тоже мне... Все равно узнают...

Татьяна Иванна окинула их быстрым взглядом, напряглась, привсталала:

— Чего это он еще выкинул?!

Федя расхохотался:

— Во, видишь, уже интересуются...

— Опять?! — Татьяна Иванна рванулась к Коле и вцепилась в него мертвой хваткой. — Когда ж ты успел, погубец! Когда?! Я ж из тебя все потроха вытряхнул!

— Да нет, Татьяна Иванна! Не ходил я! Не ходил! — отбивался Коля. — Да стойте вы, черт побери!

Татьяна Иванна неуверенно отступила.

— Уезжаю я, — тяжело дыша, сказал Коля. — Уезжаю! Понятно?

— Куда это ты уезжаешь?.. Ты что мне зубы заговариваешь, охальник?!

— Он правда уезжает, — вступился Федя, с трудом сдерживая смех. — Друг его позвал. На Дальний Восток. К океану.

Татьяна Иванна ошарашенно посмотрела на Колю, потом на Федю:

— Уезжает?..

— Ну!.. — сказал Коля, пытаясь застегнуть дрожащими руками рубашку. — А вы набросились сразу... Как будто у меня дел других нет, как к вашей Наталье бегать... — И сам же покраснел и опустил глаза.

Татьяна Иванна тяжело опустилась на лавку.

— Значит, уезжаешь. Дел других нет. Ну что ж, туда тебе и дорога. Давно пора. Надоел, сил нет. А то пристал, как баный лист, никак не отлепится. Вот и уезжай! И то лучше, чем без дела болтаться! Без тебя только спокойнее будет! Уезжай, скатертью дорога! — Она нервно поднялась. — Тьфу! Чтоб глаза мои тебя больше не видели! — И пошла через двор, расталкивая задубевшие простыни и пододеяльники.

— Страшная женщина, — сказал Федя. — Просто террорист какой-то.

— Далече едешь? — спросила одна из старух у Федеи.

— Чего?.. — не понял Федя.

— Едешь, говорю, далече? — повторила старуха.

— Да не я еду! — разозлился Федя. — Он едет!

Коля скорбно опустил голову.

— Далече? — спросила старуха у Коли.

— Далече, — сказал Коля.

— На океан, говоришь? — спросила другая.

— На океан.

— За рыбой что ли?

— За рыбой.

— Это дело, — сказала старуха. — Рыба нужна. Что нужно, то нужно.

— А это где ж, океан? — спросила другая.

— Да недалеко, — вмешался Федя, — совсем рядом. Пойдете сначала прямо, потом налево, потом снова прямо, а там направо, и как раз за углом он и есть, океан.

— Далече это, — сказал Коля. — Вы его не слушайте. Это лететь надо.

— А-а-а... Лететь... Тогда понятно...

— Я ж говорю, — сказал Федя. — Им все понятно.

— А Наташку, небось, тоже сманил?.. — спросила одна из старух.

Федя коротко хохотнул, замолчал, посмотрел на Колю.

Ирина Розанова в роли Вали

— Да нет,— смутился Коля,— так вышло, что... — Он безнадежно махнул рукой и отвернулся.

— Знать, не берешь с собой? — пыталась старуха.

— Не беру,— выдал из себя Коля.

— Дело твое,— покачала головой старуха,— вольное.

— Когда едешь-то? — спросила другая.

— Сегодня он едет, сегодня! — вмешался Федя.— Чего человека расстраиваете? Едет, не едет, берет, не берет... Вам-то что до этого?

Старухи примолкли.

— Так ведь не чужой же,— пробормотала одна.— И прямо так, сразу...

— А чего ждать,— вздохнул Коля.

— Правильно, ждать нечего! — сказал Федя.— Человек сам кузнец своего счастья. Был бы молоток, все остальное приложится. А прождать всю жизнь можно. Вот я, дурак, ждал, ждал и... — Здесь он осекся.

К ним подходила Валя. По тому, как она шла, можно было заключить, что платье на ней новое и сшитое ни к чему-нибудь, а к празднику.

— Ух ты! — сказал Федя.— Ты чего это так вырядилась?

— Воскресенье,— смутилась Валя.— И вообще... Коля уезжает. Нельзя что ли?

— Можно,— сказал Федя, пораженный ее нерешительностью.— Да я разве что говорю... Пожалуйста.

— А где все? — неловко поинтересовалась Валя.— Почему нет никого?

— А кто его знает... — сказал Федя.— Рано, наверно. Ты во сколько поедешь, Коль?

Коля пожал плечами:

— Не знаю.

— Как это не знаешь? — опешил Федя.— Ты что, не решил еще?

Коля посмотрел на Федю, на Валю, потом на старух и снова на Федю. Все ждали.

— Нет, почему же,— бесстрастно сказал он.— Решил. Вечером я еду.

— Последним автобусом что ли? — спросила Валя.

— Последним,— сказал Коля.

Что-то оборвалось в нем, и он вдруг понял, что последний автобус, как и любой другой, тоже ходит по расписанию. А расписание вечно и незыблемо, и изменить его никак нельзя. И в точно назначенный час последний автобус будет его ждать.

— Да... — мечтательно произнес Федя.—

Был, был человек и вдруг взял, и нет его. Тю-тю...

— Да здесь я,— напомнил Коля.— Тю-тю...

— Ну это ты сейчас здесь, а завтра уже далеко будешь. Так далеко, что дальше некуда. Ты через Москву поедешь?

— Через Москву.

— Да... Везет человеку,— Федя задумчиво посмотрел на Валью, на ее новое платье, на сумочку в руке и снова на Валью.

— Ну чего уставился? — напряженно встретила его взгляд Валя.— Не видел что ли?

— Видел,— сказал Федя и отвернулся.

— А вон и Филомеев! — обрадовался Коля.— Уже накупался. Я же говорил, вода холодная.

Через залитый солнцем двор обычным своим землемерным шагом к ним направлялся человек Филомеев с двумя корешами. Федя скользнул взглядом по приближающейся шеренге и резво повернулся к Коле.

— Ну ладно,— быстро заговорил он.— Постояли, и хватит. Надо собираться. Дело хлопотное. Последний день, пока обернемся, там, глядишь, и вечер. Можем не успеть. Туда, сюда, время быстро пройдет.

— Да что там,— попытался противиться Коля.— Мелочи все это.

— Ну не скажи, не скажи. Мелочи! — громче обычного разошелся Федя.— Дело нешуточное! Такое дело раз в жизни бывает! Лучший друг уезжает, это не что-нибудь! А он — мелочи! Может, тебе это и мелочи, а мне совсем не мелочи! — Он обиженно надулся.— Ты пойдешь или нет?

— Ладно,— согласился Коля.— Идем, раз такое дело.

Но здесь подошел Филомеев.

— Федя! Здорово!

Федя не спеша оглянулся.

— А... Здорово.

— Ты чего это такую компанию собрал? В дочки-матери играть будешь? Здорово, Валь. Вы что, всей семьей шефство над ними взяли?

Кореша заржали. Старушки приуныли.

— А мы поутряночке испунуться шастали,— продолжал Филомеев.— Вода, братцы, лед. Ноги сводит и выкручивает. В прошлый год теплее было. Но загорать — самое оно. Как уютком печет. Во!

Он растегнул рубашку, показывая всем желающим покрасневшую шею и грудь.

— Очень хорошо,— без воодушевления сказал Федя и снова повернулся к Коле.— Нет, Коля, не мелочи это! И не что-нибудь! На океан, такое дело! А ты — мелочи! Для тебя это, конечно, теперь дело плевое, а я, можно сказать, близкого человека провожаю. Это не мелочи!

— Чего это у вас здесь? — спросил Филомеев.

— Да ничего,— сказал Федя.— Пошли, Коль, нечего резину тянуть.

— Здорово, Коль,— сказал Филомеев.

— Здорово.

— Во что-то вы здесь играете?

— Ни во что...

— Как это ни во что, когда я вижу.

— Провожая я его,— сказал Федя.— Понял?

— Понял,— сказал Филомеев.— Когой-то ты провожаешь?

Федя очень удивился:

— А ты что, не знаешь?

— Не знаю,— признался Филомеев.

— Совсем-совсем не знаешь? — настаивал Федя.

— Совсем,— буркнул Филомеев.

— Колю я провожаю. Вот какие дела.

— Колю?.. — Филомеев недоуменно посмотрел на Колю.— Ты чего, в центр собрался?

— Ха! Ха! Ха! — развеселился Федя.— В центр...

— Ну, в общем-то, сначала... — промямлил Коля.

— Сначала он в Москву едет,— сказал Федя.

— В Москву? — Филомеев посерьезнел.— Ишь ты... Отпуск взял?

— Да нет,— робко возразил Коля.

— Какой отпуск? Какой отпуск? — с невыносимым презрением передразнил Федя Филомеева.— Совсем он уезжает! Совсем! Сначала в Москву, потом на Дальний Восток. На Тихий океан. Понял? Уезжает наш Коля, уезжает.

— На Тихий океан,— тихо повторил Филомеев.— Ну-ну...

— Чего на Тихий океан? — опасливо спросил кореш.

— Да пошел ты! — огрызнулся Филомеев и, словно впервые различив Колю среди прочих, обвел его удивленным взглядом, начиная с ног и кончая головой.

Коля засмутился.

— Все, хватит! — вмешался Федя.— Кончай интервью. Нам собираться надо. У нас дел по горло. Провожаящих прошу вышвырнуться на перрон. Поезд отходит. Всем привет! Благодарю за внимание!

Он великодушно помахал всем рукой и потащил Колю в подъезд.

Валя попыталась увязаться следом, но Федя твердо остановил ее:

— Мы и так справимся. Погуляй, обомни сарафан.

Единственное, чем Коля по праву гордился, представляло из себя шестнадцать квадратных метров паркетного пола, ограниченного, как и положено, четырьмя стенами. На одной стене было продолговатое окно, на другой — скрипела дверь. Это была Колина комната, которую он за-

Кадр из фильма

нимал вместе с кроватью, шкафом, двумя креслами и купленными по случаю, в расчете на активное общение, раздвижным столом на двенадцать персон с шестью стульями. Остальные шесть стульев Коля продал полгода назад, когда расчеты на общение не оправдались.

Теперь Коля провел пальцем по пыльной поверхности стола и пожалел об этом.

— Может быть, не стоило так,— сказал он Феде.— Может быть, их пригласить надо было?..

Федя был непоколебим.

— Еще успеешь. Сначала надо собраться. Где у тебя чемодан?

— Да погоди ты,— не выдержал Коля.— Чемодан, чемодан... Сядь лучше, подумать надо...

— А чего думать? — Федя механически открыл дверцу шкафа, вслушался в ее протяжный скрип и снова закрыл.— Думать нечего. И так все ясно.

Тем не менее он сел в кресло и мечтательно улыбнулся:

— Эх, Коля! Если бы ты знал, как я рад за тебя!

Коля с усилием выдавил из себя ответную улыбку и отвел глаза.

— Давно я у тебя не был,— сказал Федя,— все некогда было. Даже жалко. А теперь вот... Подумать только, последний раз пришел... Это надо же, что значит привычка — пока ты здесь, вроде как тебя и нет, а как только тебя нет — вроде как бы ты и здесь... Понимаешь?

— Нет,— обреченно сказал Коля.

— Ну, это неважно, я и сам не совсем понимаю... Вот только одно знаю точно: если бы со мной такое случилось, я бы не ходил, как ты, побитой собакой... Хвост пистолетом, Коля! А то даже неудобно за тебя...

В подтверждение его слов дверь дернулась и отворилась, впуская на полной скорости Колиного соседа — Филиппа Макарыча. Он был в пижаме и за скоростью не стеснялся этого.

— Коля, что же это?! — драматически воскликнул он, но увидел в комнате Федю и сбавил обороты: — А-а-а, ты не один...

— Здравсьте, Филипп Макарыч,— сказал Федя с затаенным злорадством.

— Здравствуйте,— сухо ответил тот и постепенно совсем остановился.— Что же это, Коля? — повторил он, уже совершенно успокоившись, словно успел смириться.

— А что? — спросил Коля. Коля хотел точности.

— Да ничего,— сказал Филипп Макарыч.— Все это, что происходит...— Он внезапно улыбнулся Коле, как улыбаются самые близкие друзья, знающие все твои тайны, как свои собственные планы.— Значит, решил все-таки?

— На что решил?

— Ну, на это самое. На отъезд.

Коля неуверенно задумался.

— Решился... А разве я этого... Разве я сомневался?

— Ну, Коля, конечно... Или уже забыл? Вспомни, вспомни, как, бывало, вечерами ты со мной советовался, спрашивал про жизнь, про людей и все не знал, как тебе быть. Вспомни, вспомни. А я тебе еще растолковывал, что у каждого человека должно быть свое место, и своя цель, и всякое такое... Помнишь?

— Не знаю... Может, и помню...— Коля почувствовал себя виноватым.— Сейчас разве вспомнишь, о чем помнишь...

— Ничего, ничего, вспомнишь. Еще добрым словом помянешь.— Филипп Макарыч говорил, а сам словно оглядывался на Федю.— Хорошие дела не забываются. В общем, что я тебе хочу сказать. Правильно ты сделал, что меня послушался. Теперь я за тебя спокоен, и я в тебя верю.

— Спасибо, Филипп Макарыч,— сказал Коля.— Я оправдаю.

— Ладно, тогда я пойду, не буду мешать вам дальше.— Филипп Макарыч огляделся по сторонам, как будто прощался с этой комнатой или, наоборот, здоровался, и, дружелюбно кивая, оставил Колю и Федю наедине.

— Что это он здесь нес? — спросил Федя.— Можно подумать, ты по его совету решил уехать.

— Какие там советы, обычный треп. Знаешь, как вечерами. Придешь, сядешь, делать нечего, говорить не с кем. Только и есть, что сосед. Вот и слушаешь.

— Ты смотри,— предупредил Федя.— Теперь ведь каждый встречный, кто хоть раз словом обмолвился, будет считать, что на путь истинный наставил. Знаю я их. А как до дела дойдет, никого не допросишься.— Федя энергично встал, прошелся по комнате в поисках дела и спросил:— Ну, так где чемодан?

Коля грустно вздохнул:

— Нет у меня чемодана. И никогда не было.

— Как это нет и не было?..— возму-

тился Федя.— А как же ты поедешь?..

Коля неопределенно пожал плечами:

— Не знаю...

— Ладно, чемодана нет. А что есть?

Коля подумал:

— Сумка есть.

— Тащи,— сказал Федя.— Посмотрим.

Коля со вздохом опустился на колени и полез под кровать. Многократно придавленно выругавшись, он вскоре вытащил из-под кровати блеклую сумку спортивного общества «Динамо», набитую доверху проросшей картошкой.

Федя разочарованно присвистнул:

— Нет, мала...— и задвинул ее ногой обратно под кровать. Потом прошел к шкафу, открыл настежь дверцы и прикинул на глаз содержимое.— Да, без чемодана не обойдется.

— Так ведь воскресенье, магазин закрыт,— обрадовался Коля,— до завтра ждать придется, раньше никак...

— Ничего,— успокоил его Федя.— Чемодан — это не проблема. Чемодан достанем.— Он подошел к окну и высунулся:— Филомеев! Давай сюда! Дело есть!

Несмотря на яркий солнечный свет, для Коли угас последний луч надежды.

А Федя повернулся к нему с сияющим лицом и восторженно замахал руками:

— Ты посмотри! Ты посмотри, толпа какая! Все собрались! До единого! Да посмотри же!

Коля обреченно подошел к окну и выглянул.

Внизу загудело. Коля отпрянул.

— Видал?! — радостно шлепнул его по плечу Федя.— Целая демонстрация! Всеобщая солидарность трудящихся! И это только начало!..

От пронзительного звонка в дверь Коля испуганно вздрогнул и душевно заметался в поисках укрытия.

— Я открою,— великодушно вызвался Федя.— Это Филомеев.

Он торопливо вышел, а Коля приблизился к окну и, стараясь оставаться незамеченным, осторожно посмотрел вниз. Когда на скрип открывающейся двери он обернулся, на его лице была бледность потолка.

Деловито вошел Федя, за ним Филомеев. Хотел войти и кореш, но Филомеев закрыл перед ним дверь.

— Садись,— сказал Филомееву Федя.— Поговорим.

Филомеев деревянно сел и медленно обвел глазами комнату.

— Коля уезжает,— сказал Федя.— Ты это знаешь.

Взгляд Филомеева уперся в Колю.

— Знаю,— кивнул он.

— Уезжает далеко и надолго,— продолжал Федя.— Может быть, навсегда.— Он во-

просительно посмотрел на Колю.

Коля подтвердил.

— А магазин закрыт,— завершил Федя.— Потому как воскресенье.

— Как же закрыт,— воспротивился Филомеев,— когда открыт.

— Да не тот,— поморщился Федя.— Промтоварный.

— А-а-а...— сказал Филомеев, принимая к сведению и теряя всяческий интерес.— Промтоварный...

— Так вот,— продолжил Федя, не обращая внимания на отчетливые нюансы филомеевского поведения.— Нам нужен чемодан. А его у нас нет. А у тебя он есть.

Филомеев задумался, потом согласился:

— Ну есть...

— Ты дашь нам чемодан, а за нами не жаржавеет. Поставим, сколько запросишь. Годится?

Филомеев мрачно посмотрел на Федю, встал и подошел к Коле.

— Дай лапу, Коля,— сказал он.

Коля дал.

— Чемодан — святое дело,— торжественно сказал Филомеев.— Без чемодана человек, как дерево. Всю жизнь на одном месте. Я подарю тебе свой чемодан.

Он еще раз пожал Коле руку и вышел из комнаты.

— Ну ладно,— после паузы смирился Федя.— Будем считать, что чемодан у нас есть. Поддела сделано. Теперь... Что-то еще надо было сделать... Что-то необходимое... Но что?.. Ты не знаешь?

— Не знаю,— уныло сказал Коля.— Тебе виднее.

В дверь снова позвонили. Федя решительно пошел открывать. Оставшись на мгновение в одиночестве, Коля с дикой, сверхчеловеческой тоской обвел глазами свою комнату, собрался взвыть, но шум за дверью заставил его взять себя в руки.

Дверь приоткрылась. У порога теснились вежливо-виноватые лица. Где-то в коридоре бессильно надрылся Федя:

— Ну чего?! Ну чего приперлись?!

Отступить было некуда, и Коля ощутил смутное удовольствие.

— Проходите,— сказал он.— Садитесь.

Шумно и быстро комната вбирала в себя людской поток. Стульев не хватало. Садились на кровать и на подоконник. Коля каждому кивал, а иногда жал руку.

— Уезжаешь,— с пониманием сказал ему малознакомый человек в кепке.

Коля неопределенно двинул головой.

— Уезжаю.— И все, кто слышал, вздохнули.

Последними вошли две старухи с четвертого этажа и разозленный Федя. Старух усадили, а Федя беспомощно развел руками. Вслед за ним в комнату попытался пролезть стриженный оболтус лет двенадцати, 64

но здесь Федя оказался на высоте.

— Тебе-то чего?.. Тебе? Проваливай. Хотя нет, постой. У тебя есть карта мира? — Чего?..

— Чего, чего... Карта мира, вот чего!

— Наверное... А какая? Физическая или политическая?

— Да все равно! Какая-нибудь. Тащи любую. И быстро. Понял?

— Понял! Ташу!

Тем временем все вновь прибывшие рассредоточились по комнате и теперь выжидательно молчали. Коля растерянно улыбался:

— Мне даже угостить вас нечем...

Малознакомый человек в кепке остановил его движением руки и тотчас оказался без кепки. Коля еще смотрел с удивлением на его вовремя польсующую голову, а кепка уже пошла по кругу.

— Да что вы... Не надо...— вяло сопротивлялся Коля, но на него никто не обращал внимания, только старухи укоризненно заохали, когда до них дошла кепка.

— Не надо! — повысил голос Коля.— Слышите! Не надо!

Здесь распахнулась дверь, Филомеев торжественно внес священный фанерный чемодан и поставил его перед Колей.

— Вот,— сказал он.— Ручной работы.

Стихийные проводы были в самом разгаре. Стол на двенадцать персон с трудом вмещал острые локти желающих. И потому многие держали их на коленях. Только одному человеку среди этого застолья не было тесно. Это был человек в кепке. Оказавшись гармонистом, он упрямо аккомпанировал.

— И на Ти-хом океа-не,— выводил окосевший Филомеев,— свой зако-нчили по-ход...

Его никто не поддерживал.

Коля сидел с давно окаменевшим лицом во главе стола и тупо смотрел, как Валя у раскрытого шкафа перекладывает вещи в фанерный чемодан Филомеева. Вокруг нее ходила кругами выходящая гражданка с умными, широко расставленными глазами и постоянно заглядывала то в шкаф, то под кровать или просто раскачивала стулья с гостями.

Разговоры за столом дробились, временами затихали, временами нарастали, но в любое время ничуть не касались Коли. Поэтому, когда к нему подошел Федя с листком бумаги и авторучкой, Коля даже обрадовался.

Недолго думая, Федя расчистил перед ним стол и сунул ему авторучку:

— Пиши. Заявление...

Коля доверчиво взглянул в его дружеские глаза и послушно написал: «Заяв-

Кадр из фильма

ление».

— Прошу предоставить мне,— диктовал Федя,— очередной отпуск. Дата: двадцатое. И подпись. Вот так... Хорошо.

Он выдернул из-под рук Коли заявление и положил перед ним следующий лист.

— Пиши. Заявление. Прошу уволить по собственному желанию... Что ты на меня так смотришь?.. Что-то не так?

Коля отвел глаза.

— Все так...

— Тогда пиши. Уволить по собственному желанию... Дата: двадцать третье... И подпись.

Федя аккуратно сложил бумаги и выдернул из рук Коли авторучку:

— Все будет в порядке. Можешь не волноваться. Сначала в отпуск, потом по собственному желанию, никто не придерется. А документы я тебе сразу же вышлю.

Коля закрыл глаза и, казалось, полностью потерял интерес к жизни; только губы его что-то тихо шептали, но что именно, никто не слышал.

А неглупая гражданка тем временем закончила очередной круг и подошла к Коле с выношенным намерением. Растолкала:

— Так что... Вести?

Коля посмотрел на нее в меру безум-

ными глазами, без облегчения вспомнил и сказал:

— Веди.

Она загадочно кивнула и ушла неразгаданная, бережно храня свою недалекую тайну.

— Я как душеприказчик,— сказал Федя.— Ты мне зарплату платить должен.

Коля механически полез в карман.

— Нет, нет, ну что ты! — остановил его Федя.— Я пошутил.

Но Коля совершенно неумышленно достал пачку сигарет и закурил. Федя кисло за улыбался.

У шкафа Валя наконец защелкнула чемодан:

— Всё! — Попыталась поднять, но не смогла.

Открылась дверь, появилась стриженная голова.

— Федя! Федя! — оболтус войти боялся, звал издали и просовывал в дверь глобус.

— Во! То, что нужно! — откликнулся Федя.— Дуй сюда! Граждане, сейчас будет тост! — Он взял глобус и проверил его движение вокруг оси. Движение было подходящее.— Тишина, тишина, внимание! Тост!

Кадр из фильма

Все замолчали, усердно глядя на признанного мастера слова.

— Готовы? — спросил у них Федя. И сам же ответил:— Готовы. Дорогие товарищи! Вы только посмотрите сюда.— Он поднял глобус и сосредоточил на нем всеобщее внимание.— Чего здесь только нет! И вода. И суша. Океаны! Атлантический, Тихий, Индийский. Тут тебе и Африка, и Америка, и Европа. Реки какие-то, озера. Города кругом понатыканы, страны. От полюса до полюса. Не говоря уже об экваторе. И вот на этом на всем свете, вот здесь, вот сейчас...— Он нашел на глобусе место.— Вот здесь! Вот здесь сидит наш Коля! Да! Здесь сидит, в натуре, наш Коля, а вокруг него сидим мы! — Он стал стучать по глобусу, означая место, где «сидим мы».— Вокруг, вокруг, вокруг... Но пройдет совсем немного времени, и наш Коля уже не будет здесь сидеть. Нет! Он будет сидеть вот здесь... И разница между нами будет...— Он измерил разницу на глобусе.— Вот такая! А на самом деле...— Он объял необъятное.— Во-о-от такая! Так выпьем же за то, что я сказал. За масштаб.

Не вникая в подробности, все выпили.

— Пусть Коля скажет,— предложил Филомеев, который не умел останавливаться.

Его шумно поддержали. Коля хотел избегать, но Федя уже объявил:

— Слово предоставляется нашему дорогому, уважаемому Коле! Коля, давай, скажи нам что-нибудь! Ну, Коля!..

Понукаемый Коля поднялся с места и стал искать слово. Все ждали, а слово не приходило, будто его в помине не было. Время остановилось, как на фотографии. Надо было что-то делать.

И тогда в комнату вошла Наталья.

Федя предостерегающе толкнул Колю в бок. Коля нервно обернулся, посмотрел и медленно, как во сне, поставил рюмку на стол. Федя подтолкнул его, и он неловко пошел навстречу, задевая сидящих и не сводя с Натальи глаз. Потом остановился, хотя уже казалось, что не остановится.

— Говорят, ты уезжаешь,— сказала Наталья.

Коля затравленно огляделся, хотел сказать «нет», но уже не смог и потому сказал:

— Да.

— Куда? — невинно спросила Наталья. Коля махнул рукой.

Наталья кивнула:

— Понятно.

Разговор оборвался. Они замолчали.

Уловив их ожидание, Федя торопливо поднимал собравшихся из-за стола и с жесто-

кой исторической необходимостью толкал их к выходу. Валья помогала.

Гости растекались по комнате двумя любопытными потоками и, миновав Колю с Натальей, оглядываясь, давились в пробке у дверей. Оставшись за столом в меньшинстве, человек в кепке засуетился, подобрал гармонь и, сунув Филомееву в карман открытую банку рыбных консервов, вышел, отвешивая поклоны, и увел за собой недоумевающего Филомеева.

— А что?.. А что?.. — вопрошал Филомеев. — Только начали, а теперь?..

Вслед за ними Федя вытолкнул Валку и, многозначительно кашлянув, вышел сам и закрыл за собой дверь.

— Можно сесть? — спросила Наталья.

— Конечно, садись, — опомнился Коля, — хочешь за стол, хочешь в кресло, садись, куда хочешь...

— Спасибо. — Наталья села в кресло, намеренно подальше от стола.

Коля сделал шаг вперед, потом под ее взглядом два шага назад.

— Чего-нибудь хочешь?.. — он оглянулся на стол. — Хотя и ничего не осталось...

— Спасибо. Тем лучше.

— Что тем лучше? — не понял Коля.

— Что ничего не осталось, — в ее голосе был вызов.

— А-а-а, — сказал Коля, но насторожился. — Что ты имеешь в виду?

— Все.

Коля задумался. Покачал головой:

— Ты ошибаешься...

Он подошел к ней, боязливо протянул руки, попытался обнять. Наталья вырвалась:

— Не трожь!

В дверь без стука заглянули умные глаза:

— Можно?

Коля бессильно отступил:

— Можно...

Вошла высохшая гражданка. За ней ввалились два страждущих мужика.

— Этот? — спросил наиболее разговорчивый, показывая на шкаф.

— Этот, этот, — сказала гражданка.

Мужики вытряхнули из шкафа пару сломанных вешалок и впряглись. Шкаф закачался под потолком и медленно выплыл из комнаты. Коля проводил его взглядом, подобрал с пола вешалку, повертел в руках и бросил в угол.

— Ты ошибаешься... — повторил он. — Ничего не изменилось, ничего не произошло. Все остается на своих местах.

Он перехватил ее язвительный взгляд на пыльный прямоугольник пола, оставшийся на память о шкафе, и, раздражаясь, поправился:

— Я совсем не это имею в виду.

Я говорю о наших отношениях.

— Не может быть! — удивилась Наталья.

— Да, — серьезно сказал Коля. — И если бы я даже уехал, это бы еще ничего не значило. Наши отношения все равно не изменятся.

— Вот это верно, — сказала Наталья. — Не изменятся. Уедешь ты или нет, а ничего не изменится.

— Да?.. — опешил Коля.

— Да.

— Ты в самом деле так думаешь?..

— Ты сам так сказал.

— Но я не это имел в виду...

— А я это.

— Ах, так... — Коля мужественно принял ее слова к сведению и постарался избавиться от растерянности. — Вообще-то, конечно... Все равно у нас с тобой ничего не могло выйти. Ты сама говорила. Так что все без разницы, что так, что эдак... Может, даже лучше то, что я уезжаю... Все спокойнее будет.

Они замолчали. Со двора доносился шум. Играла гармонь. Пел Филомеев и слабые женские голоса.

— Я буду тебе писать, — сказал после паузы Коля. — Ладно?

— Пиши, — сказала Наталья. — Если делать больше нечего.

— Что-то, а делать там есть чего, — сказал Коля. — Но ведь десять минут на письмецо всегда найти можно...

В дверь воровато заглянул несовершеннолетний оболтус и захныкал:

— Коль, а Коль, у тебя моя книжка была, про приключения... Я ее возьму, да?

— Подожди, подожди, — Коля потер лоб рукой, напрягая память. — Да я не прочитал ее еще...

— А я что могу сделать? Ты же уедешь.

Коля тяжело вздохнул и бесповоротно сдался:

— На подоконнике.

Когда дверь закрылась, Коля покрутился по комнате и наконец решился:

— Может, со мной поедешь?

Не глядя на него, Наталья отрицательно покачала головой:

— Нет.

— Почему?

— Потому.

— Ну если потому... — вздохнул Коля. — Тогда конечно... А то смотри, вдвоем веселей...

— И смотреть нечего, — была непреклонна Наталья.

С каждым новым поражением у Коли оставалось все меньше сил для сопротивления. Теперь их не осталось вовсе.

— А хочешь, я останусь?.. — осторожно спросил он.

— Зачем? Уезжай.
— Так прямо и уезжать?..— не поверил Коля.

— Так прямо и уезжай.
— И уеду,— обиделся Коля.
— И уезжай.
— И уеду!
— И уезжай!

— Ну и черт с тобой,— сказал Коля.
И снова отворилась дверь, и снова ввалились мужики и с ними руководство.
— Теперь эти,— было указано им на кресла.

И самый неразговорчивый застыл, как столб, перед Натальей, а она не поняла и еще долго не понимала, пока он не стал выдергивать из-под нее кресло. Тогда она вскочила и в полной растерянности отступила к столу, а довольный мужик потащил освободившееся кресло из комнаты.

Наталья всхлипнула.

— Ну что ты,— нежно сказал Коля.— Не надо...— И тронул ее за плечо.

Тогда Наталья разрыдалась, бросилась к двери, но столкнулась со своей матерью. Татьяна Иванна тут же взорвалась.

— Что здесь происходит?! Что?!

Крепко держа Наталью за руку, она подвела ее к сразу осиротевшему Коле.

— Что происходит?! Отвечай!

— Да ничего,— еще пытался оправдать-ся Коля.

Наталья горько плакала.

— Прекрати! — одернула ее Татьяна Иванна.— Прекрати, тебе говорят! — Она подставила ей стул.— Садись!

Наталья безропотно села.

Татьяна Иванна села рядом и тяжело посмотрела на Колю:

— Тоже садись.

Коля сел.

— Выкладывай.

— Что?..

— Все!

— Я уезжаю,— сказал Коля и замолчал.

— Я знаю! Дальше!

— На Дальний Восток,— выдавил из себя Коля.— Друг позвал.

— Знаю.

— Я позвал...— Коля кивнул на Наталью,— ее с собой, а она отказалась.

— И правильно сделала!

Коля робко пожал плечами:

— Вот и все.

— А чего она плачет? — не успокаивалась Татьяна Иванна.

— Откуда я знаю...— сказал Коля.— Плачет и все. Ей виднее, чего она плачет. У нее и спрашивайте.

— Нет, это ты мне объясни, почему она плачет, по-хорошему прошу, объясни. А не то, смотри, как бы тебе самому плакать не пришлось!

— Татьяна Иванна! — взмолился Коля.— Я же вам все как есть говорю! Не знаю я, почему она плачет, не знаю! Она сама мне говорит: «Уезжай! Уезжай!» А я, может быть, вообще ехать никуда не хочу! Мне и здесь, может быть, хорошо! Понятно вам?! А я поеду! Назло вам поеду! Не хочу, а поеду!

— Ты не ори! — оборвала его Татьяна Иванна.— Ишь, разорался. Думаешь, если теперь уезжаешь, то орать на меня можешь?! — Я не ору,— покаялся Коля.— Я разнервничался.

— То-то,— Татьяна Иванна успокоилась.— А в остальном я с тобою согласна, все правильно.

— Что правильно?

— Что поедешь. Хоть делом займешься. А так, ни туда, ни сюда, болтаешься, как козел на веревке, одно знаешь — под окнами свистеть. Кому ты здесь такой нужен... Свистун.

— Мама! — всхлипнула Наталья.

— Значит, не нужен? — распаяясь, уточнил Коля.

— Не нужен. Вот уедешь, может, человеком станешь. Тогда посмотрим.

— А вот и не уеду! Назло не уеду! И человеком не стану! Свистеть буду! Как козел на веревке! И делайте, что хотите, а от меня не избавитесь!

— Ты мне голову не морочь,— сказала Татьяна Иванна.— Ты едешь или не едешь?

— Да не еду я никуда! Вот пристали! Я же сказал, не уеду!

В комнату невозмутимо вошли мужики. Остановились перед столом, переглянулись.

— Стол-то прибрать надо бы,— сказал наиболее разговорчивый.

Коля чертыхнулся и нервно смел все со стола на пол.

Мужики с грохотом сложили стол пополам и вынесли.

Вбежала запоздавшая гражданка, обшарила умными глазами опустевшую комнату, захватила три свободных стула и замешкалась перед дверью. Чтобы ее открыть, она ставила стулья на пол, а пока она бралась за стулья, дверь успевала закрыться.

— Дверь подержите! — кинула она через плечо.

Коля подчинился. Придерживая дверь, он старался никуда не смотреть, чтобы ничего не видеть, но, к сожалению, это не мешало ему знать.

Татьяна Иванна покачала головой:

— Распродаешь, значит...

— Распродаю,— огрызнулся Коля.

— А комнату? — поинтересовалась Татьяна Иванна.

— Поменяю!

— Ты же только что остаться соби-рался.

— А я и собираюсь.

— Как же ты собираешься остаться, если всю мебель распродай, а комнату поменяешь?..

— А вот так и останусь! Во дворе буду жить! Под вашими окнами! На чемодане! Чтоб каждый день меня видели! Каждую минуту! Как бельмо на глазу!

— Дело твое, — сказала Татьяна Иванна и дернула Наталью за руку: — Пошли.

Наталья поднялась и не оглядываясь пошла. Вместо нее оглянулась Татьяна Иванна.

— Дурак ты, Коля, — сказала она.

Вы чувствуете? Вы чувствуете, как вращается Земля под вашими ногами, вместе с вашим домом, вместе с деревьями за окном, вместе с собакой, поднявшей ногу у забора? Хотя нет. Вы тоже вращаетесь вместе с ней, не в силах остановиться. Для вас вращается глобус. Сначала быстро, пестро, потом медленнее, разборчивей, чередуя материки и океаны, качивая бельмом полюса и удерживая экватором, и наконец, еще медленнее, так что начинают различаться заливы и полуострова, острова и озера, зеленое и желтое суши сменяется голубым мелководьем и чернильной синевой глубины, пока глобус не останавливается, и тогда ваш сосредоточенный взгляд оказывается перед бледно-желтым участком на глобусе, где нет ни названий городов, ни артерий рек, ни каких-либо других условных обозначений, отражающих состояние земной поверхности. Нет вообще ничего, кроме ровного бледно-желтого цвета, который стал бледным именно потому, что слишком многое можно было покрасить желтым.

В Колиной комнате оставалась кровать и оставались три стула. Сам Коля лежал на кровати лицом к стене и давно не двигался. Душа Коли вышла из тела и перешла в фанерный чемодан — так живо и уверенно тот стоял у противоположной стены на подхвате. Смеркалось.

Под дверь пришли голоса и вместе со стуком послышался голос друга:

— Коля! Коля, открой, это я — Федя! Коля не открыл и остался лежать, как лежал недавно.

— Коля! Коля, ты дома? — подключилась Валя. — Коля, это мы с Федей!

Время на ответ истекло, а Коля не ответил, только перевернулся на другой бок и невидящим взглядом уперся в чемодан.

За дверью появились сомнения, но голос Филиппа Макарыча настаивал на своем:

— Да дома он! Дома! Коля! Это Филипп Макарыч опять! Слышишь? Это я, отзовись!

Шум за дверью нарастал, ширился, включал новые голоса.

— А что? А что там? Не открывает, да?

— Коля, ты чего, а? Открой, у нас дело есть!

— А сам-то он есть? Есть он? Может, его и нет вовсе?

Но Коля был, и был замученно спокоен, пока голос Вали не возвестил:

— Надо Наталью позвать! Наталью!

Здесь Коля прислушался. Голоса приливали и отливали, как кровь к голове.

— А где Наталья?

— Здесь была.

— Наталья! Наталья! Тебя Валя зовет! Кто-то убежал за Натальей. Самые настырные остались под дверью. Среди них замучиво сомневался Федя:

— А может, он спит. Чего звать-то?

— Ну да, спит он, как же! — сказал Филипп Макарыч.

Федя снова приткнулся к двери.

— Коля! Коля, мы знаем, ты дома! Ты не спишь, Коля?

— Да говорю же я, не спит он! — возмутился Филипп Макарыч. — Только что со мной, можно сказать, разговаривал!

Федя не обратил на него внимания.

— Коля! Ты это... Ты один? Может, ты не один, Коля? Может, ты вдвоем?

Коля не ответил, а Филипп Макарыч снова вмешался:

— Да с кем ему быть-то? Один он, один! Когда не один, так не ругаются, — и Филипп Макарыч стал нетерпеливо дергать дверь.

Дверь дрожала, но не поддавалась. Коля ей доверял и оставался безучастным, пока не раздался голос Вали:

— Пустите ее, пустите... Пусть она скажет!

Дверь оставили в покое, и шум осады сменился загадочной тишиной. Коля обеспокоенно сел на кровати и прислушался.

— Коля!.. — позвала из-за двери Наталья.

Коля слез с кровати как зачарованный.

— Ну говори же, говори... — слышался настойчивый шепот Вали.

— Коля! Это я, — снова сказала Наталья. В ее голосе чувствовалась поколебленная гордость. — Коля! Пожалуйста. Открой мне дверь.

Коля на цыпочках приблизился к двери и в нерешительности остановился.

— Еще... Еще раз... — настаивала за дверью Валя.

— Коля! Я тебя прошу. Я должна тебе что-то сказать, — голос Натальи взволнованно дрогнул, и Коля не смог устоять. Коля сделал последний шаг к двери.

— Коля! — заорал Федя. — Коля, я тебя вижу!

Он стоял, согнувшись под дверью, и старательно заглядывал в замочную скважину. Коля бросился прочь.

— Не прячься! Не прячься, Коля! — орал Федя. — Все равно я тебя уже видел!

Начался гам. Коля метался по комнате в ужасе от случившегося с ним детства. Конечно, Наталья не смогла перенести этого позора. Валя пыталась ее остановить, и среди общих криков ее голос звучал с укоризной:

— Наталья! Наталья, стой! Куда же ты!..

Но перекрывая всех, как заведенный, надрывался Федя:

— Коля! Ты что там делаешь? Ты зачем прячешься? Коля!

Коля остановился посреди комнаты. Теперь все пропало. Он был готов закричать, но вокруг и так все кричали.

— А где Филомеев? — нашелся Федя. — Кто его видел? Зовите Филомеева! Филомеева!

Его призыв подхватили, и вниз по лестнице понеслось:

— Зовите Филомеева! Зовите Филомеева!

Коля понял это как приближение последнего решительного штурма. Он бросился к кровати и стал ее двигать.

— Тихо! Тихо вы! — остановил всех Федя и прислушался. — Коля! Ты что там делаешь? А? Коля! Я же слышу! Коля!

Коля замер. Кровать плохо поддавалась его одиночным усилиям, а из-за двери уже раздавались переливы гармонии.

— Давно не виделись! — сказал Филомеев. — Ну чего, дверь открыть, что ли?

Коля оставил свои попытки забаррикадироваться и от полной безвыходности взял и улегся.

— Коля! К тебе можно? — вежливо спросил Федя.

Дверь открылась. Вошли все по очереди. Сначала Федя, за ним — Филомеев и следом все остальные, кто только мог: Валя, Филипп Макарыч, кореша, старушки, человек с гармонью, парнишка, гражданка, мужики и все, все, все.

Пока все молчали, Филомеев сказал:

— А мне говорят: Коля захлопнулся, открыться не может! А чего тут открывать-то?.. Раз плюнуть и то не на что.

Но его никто не слушал, потому что Коля лежал на кровати и вызывал любопытство.

Первым спросил Федя:

— Ты чего?..

— Ничего, — сказал Коля, продолжая лежать.

— Как это ничего? А лег зачем?

— Затем, — независимо ответил Коля. — Отдыхаю. Перед путем.

Пока все стояли вокруг и обдумывали его ответ, спросила Валя:

— А чего не открывал?

— А того и не открывал, — ответил Коля.

— Он же сказал: отдыхает, — пояснил Федя всем присутствующим и Вале в том числе. Всеобщая причастность к Колиной

судьбе перестала ему нравиться. Он оглядел замкнутый круг. — А вы сюда чего набились? Вам что, делать больше нечего? Места другого нет? Пошли, пошли, нечего здесь... Во дворе подождете. Остаются только самые ближние.

Нехотя, понуро все потянулись к двери.

— Идите, идите, — подогнала их Валя. — Мы скоро.

— А нам как же быть? — спросила гражданка. — Нам забирать надо.

Ее мужики в нерешительности мялись у кровати.

— Вы что, не видите? — возмутился Федя. — Человек на кровати. Подождите. Вон, стулья берите.

Ушли и эти. Кроме Феде с Валею остались Филомеев и Филипп Макарыч.

— Вот так-то лучше, — сказал Федя и принял за Филиппа. — Филипп Макарыч, вы здесь, кажется, что-то хотели?

Филипп Макарыч интеллигентно смутился: — Да нет, собственно, в данную минуту ничего... Чуть позже, возможно...

— Вы же говорили, что у вас дело какое-то.

— Дело-то дело... Так мы ведь с Колей его уже обговорили, да, Коля?

— Да, — без радости подтвердил Коля с кровати.

Филипп Макарыч все равно обрадовался:

— Вот-вот... Дошло-таки. Это главное. А за слова я не в обиде. Я ведь понимаю... Так что, я чуть позже зайду, чтоб уж никаких недоразумений, а то перед человеком неудобно...

— Филипп Макарыч, вы смотрите, автобус скоро... — предупредила Валя с любезностью.

— Знаю, знаю, спасибо, — улыбнулся ей Филипп Макарыч и вежливо, задом, вышел в дверь.

— Вот теперь все свои, — сказал Федя. — Теперь и поговорить можно. — Он пристроился в ногах у Коли и поинтересовался в общем плане: — Ну как?..

Коля вел себя недоброжелательно.

— Что как? — спросил он.

— Ну, отдохнул ты?

— Отдохнул, — буркнул Коля и решил подняться. Но Федя его остановил:

— Да ты лежи, лежи, куда торопишься... До автобуса еще есть немного. Отдыхай. А мы тут пока посидим. Последние мгновения, так сказать...

Рядом на кровать села Валя. Один Филомеев стоял, как истукан.

— Да, Коля... Как быстро все, — сказала Валя. — Оглянуться не успели. Вот и пробежало время. Пробежало, так что теперь скоро ехать надо. Ты ничего не забыл? Все взял?

— А я откуда знаю, — сказал Коля. — Все, наверно... Чего еще-то.

— Ну смотри. Я, что нашла, все в чемодан сложила. Рубашка сверху, сразу найдешь. Ботинки в правом углу, я их в газету завернула. Пиджак там от костюма, как приедешь, сразу вынь, а то мятый будет, одеть не сможешь. Ну плащ там зеленый, пальто сам увидишь... Мелочи всякие, белье, носки — это все на дне, в пакете... Что еще? Вроде и ничего больше...

Филомеев от слов мрачнел все больше и больше, пока не сказал:

— Ладно, пойду я пока. Вы уж сами разбирайтесь. А я это дело не люблю.

Филомеев как сказал, так и сделал, оставляя всех глядеть в задумчивости ему вслед.

— Ишь, не любит он... — сказала Валя. — Да его просто не провожал никто никогда. Сам собой всегда провожался. Вот и не любит.

— Вот-вот, — поддакнул Федя. — Думает, как чемодан дал, так теперь ему все можно. Не любишь, так вообще не лезь... Коль, а чего это Филипп Макарыч здесь отирался? Я и не знал, что у вас такая дружба.

— Какая дружба, — помрачнел Коля. — Поученья одни.

— Ну, может, не дружба тогда, а дела какие-то...

— Да нет никаких дел у меня! — разозлился Коля. — Не до дел уже!

— Ладно, ладно, — примирительно вмешалась Валя. — Вот я еще что хотела, чуть не забыла. Все, что из ванной, я тоже сложила, сверху все, в полиэтилене. Зубная щетка, pasta, полотенце — это тебе в дороге понадобится.

— Спасибо, — со злостью сказал Коля. Но Валя его злости как не заметила.

— Что же еще там было?.. — заботливо вспоминала она.

— Не было там ничего больше, — сказал Коля.

— Там-то не было, да, может, где-нибудь еще чего... — добродушно объяснила Валя. — А то ведь в спешке и забыть недолго.

— Забудешь здесь, — сказал Коля. — Здесь захочешь забыть, так не дадите!

Федя подозрительно присмотрелся к другу: — То есть?..

— А вот то и есть, — огрызнулся Коля. Во взаимоотношениях наступила пауза. События омрачились.

— Тебе чего-то не нравится?.. — спросил Федя. — Ты что, недоволен чем-то? Я вот смотрю на тебя, а ты прямо злой какой-то, кусаешься на всех.. Это ты зря, Коль, зря... Обижаясь.

Коля промолчал, не ответил.

— Чем это мы ему не угодили? — спросила Валя у Феди. — Мы для него из кожи лезем, стараемся, а он говорит такое... Прямо презирал нас всех. Или мы

для тебя теперь не того сорта? Неподходящие?

— Да, Коль, зря ты это, — посуровел Федя. — Мы ж для тебя все... Чтоб как лучше было... Кто же о тебе позаботится, если не мы...

— Вот-вот, — сказала Валя. — Что-что, а на заботу ты пожаловаться не можешь. Федор, вон, все для тебя делает. И я тоже. А ты после этого еще недоволен, видите ли, и обиженного из себя корчишь, а чего обижаться-то? Чего?

Коля молчал, зла на них не держал и сам уже раскаивался.

— Да нечего, — наконец согласился он.

— А чего ж ты тогда, если нечего... — упрекнул его Федя.

— Да я и сам не знаю, — мучился собой Коля. — Не поймешь здесь. Запуталось все...

Он встал с кровати, благо его уже никто не удерживал, и стал ходить по пустой комнате, весь из себя несчастный и неуместный.

— Я чего-то не в себе... И не то чего-то говорю. Вы не обращайте внимания. Я сам во всем виноват, что здесь теперь получается. И совсем я не презираю, и совсем я не обиженный. Наоборот, я вас очень люблю, и я очень даже доволен. Нет, правда, я очень доволен. И за все вам благодарен. Знаете, я ведь в самом деле даже не ожидал, что все так будет... Вдруг все, сразу вместе... И пришли ко мне, и все говорят, спрашивают, и все слушают. Я ведь как думал? Что я никому... Что до меня и дела нет. Что я вам? Ничего. Пустое место. Что есть я, что вообще меня нет — какая разница... А вдруг оказалось... И ты, Федя... И ты, Валя... И все остальные... И Филомеев, и Филипп Макарыч... Все! Все! Главное, теперь я знаю, что я для вас не просто так, что я для вас есть, что я существую, что вы меня замечаете, что вы обо мне помните, думаете... Это главное. Я теперь даже на все согласен. Ехать куда-то, идти. Я теперь все смогу. Вот только, знаете... Одно обидно. Что теперь, когда я все это знаю, когда все так хорошо... Что теперь уезжать надо. Вот это обидно. Может, зря я это? Может, не нужно мне? Может, лучше остаться?..

Наступила волшебная минута. Коле уже слышалась музыка небесных сфер.

— Где остаться? — спросил Федя.

— Здесь, где же еще...

— Ну, Коля... — Федя разочарованно вздохнул. — Можно, конечно, и остаться... Только я думал, ты более серьезный человек.

— Но ведь можно?!

Федя приуныл, как будто его тошнило.

— Может, и можно... Только, по-моему, лучше не нужно.

Валя, очень растроганная Колиным покаянием, подошла к нему и троекратно поцеловала.

— Спасибо. Спасибо тебе, Коля. Я понимаю тебя. Я очень тебя понимаю,— она всхлипнула.— Ты прости меня, я раньше была к тебе несправедлива. Прости меня. Теперь я вижу, ты настоящий друг. И Феде, и мне, и всем... Только не нужно тебе из-за нас оставаться. Не нужно, Коля. Мы ведь все хотим, чтобы тебе было как лучше. А если ты вдруг из-за нас останешься, мы будем чувствовать себя виноватыми. Вроде как удержали, не пустили... Поэтому не нужно, Коля, не нужно...

Всхлипывания участились и дошли до того, что Валя отвернулась, скрывая то, что было совсем не в ее характере. От этого Коля впал в самую крайнюю крайность.

— Да я разве что говорю... Я ведь просто спросил и все... А если так, то что же теперь...

Его оправдания пришлись всем по душе.

— Вот и правильно,— обрадовался Федя.— Если решил, то уж лучше не поворачивать. Это по-мужски, по-нашему. И нечего сырость разводять. Прекрати, Валентина! А Коля сам знает, что ему делать. Не такой он, не отступит!

В этот момент всеобщего оживления и братания открылась дверь для Филиппа Макарыча и неизвестного гражданина с портфелем. Гражданин выглядел простецки, не смущался, как дама.

— Можно к тебе, Коля? — спросил Филипп Макарыч.— А то не опоздать бы. Познакомься, это товарищ Саратов, он приехал к нам из центра.

— Здравствуйте, товарищи,— сказал Саратов.

— Товарищ Саратов — главный техник,— представил его Филипп Макарыч.

— Не главный, а старший... — виновато поправил Саратов.

— Да ладно, вы же в этом не виноваты,— сказал Филипп Макарыч.— К тому же здесь это все равно. Коля, нам бы поговорить надо... По существу, с глазу на глаз, как говорится...

— Пожалуйста, садитесь,— Коля послушно предложил кровать и, оглянувшись на Федю, с сомнением добавил: — А с глазу на глаз обязательно?

— Не то слово. Просто необходимо. Товарищ из центра приехал...

Валя оказалась понятливее Федеи.

— Ну мы пойдем тогда,— сказала она.— Во дворе подождем.

Федя позволил увести себя за руку, хотя происходящее ему не нравилось. Он очень ясно это показал, когда оглянулся в дверях на прощание. Филиппа Макарыча ничто не смутило, наоборот, он сразу перешел к делу:

— Вот, пожалуйста, сами смотрите. Стены в обоях, пол паркетный, натереть ничего не стоит. Вот окно работает, сейчас проверится. День очень суматошный, проводы, гости, а то и просто люди, приходят, уходят, снова приходят... Вы не смотрите, что намусорено, я уберу...

Саратов от неловкости казался похожим на Коло.

— Да не надо,— говорил он,— это все необязательно, я и сам убрать могу...

— Ну это дело ваше, перечить не стану,— соглашался Филипп Макарыч.— Вот только одна здесь неувязка произошла: я вам с мебелью обещал, но мебели, сами видите, у же нету.

— Да я и без мебели могу,— торопился неприхотливый Саратов.— Мне ведь ничего особенного не надо, кровать есть, а там и ладно...

— Ну что ж, дело ваше, настаивать не буду. Вот только, собственно, кровати тоже нет, вы на нее не смотрите, она случайно осталась, а на самом деле ее нет. Но раскладушку я вам дам. И еще тумбочку в придачу, мне все равно ее держать негде. А остальное все уже есть, как я и говорил: комната тихая? Тихая. Окно во двор? Во двор. Форточка есть? Есть. Туалет в коридоре? В коридоре. Рубль в день? Рубль. Согласны?

— Согласен, я на все согласен,— убеждал его Саратов.— Мне очень нравится... — Он обратился к Коле как к хозяину кровати: — Можно я присяду? Целый день на ногах...

— Пожалуйста,— сказал Коля и тоже сел на кровать.

— Вот и хорошо,— обрадовался Филипп Макарыч.— Вот все и договорились. Тогда располагайтесь пока. А я за раскладушкой схожу.

Филипп Макарыч энергично ушел, а Коля и Саратов остались сидеть на кровати, как два попучика на нижней полке общего вагона. За окном придорожным пейзажем проплывали облака.

— Хорошая сегодня погода,— сказал Саратов.

— Да,— согласился Коля.

— А знаете, передавали, что дождь будет...

— Да,— согласился Коля.

— Ошиблись, наверно... Хотя, с другой стороны, им виднее, может, и будет еще...

— Да,— согласился Коля.

— А ведь может случиться так, что дождь сейчас везде идет, по всей области, и только здесь его нет, только здесь безоблачно, вот мы и думаем, что они ошиблись, а на самом деле сами ошибаемся...

— Да,— согласился Коля и поднялся уходить.

К последнему автобусу Колю провожали весело, с песнями, дружными рядами. Коля выделялся в толпе некоторой бледностью лица и несогласованностью движений. С одной стороны его обнимал Федя, с другой — держала под руку Валя. Их заразительный энтузиазм привел к тому, что Коля жутковато улыбался и временами подпевал тонким надрывным голосом, путая слова.

Перед ними шахматной фигурой волочил чемодан Филомеев. Иногда, когда последние лучи заходящего солнца освещали его полнотью, он останавливался, призывал всех на него посмотреть и натужно выжимал чемодан сначала правой, а потом левой рукой. В таких случаях, уже совершенно независимо от солнца, Федя с удовольствием имитировал в чем-то неприличные звуки. Филомеев охотно заходился смехом и ронял чемодан кому-нибудь на ногу. В остальном все происходило исключительно задушевно.

У автобусной остановки оживление само собой спало, затосковавший на закате гармонист в кепке затынул что-то очень заунывное, и Коля внезапно очутился один, в стороне от провожающих, рядом с фанерным чемоданом, брошенным второпях Филомеевым сразу после финиша.

От бессильной злости Коля пнул его ногой и, вконец запутавшись в сложном переплетении несложных, непротиворечивых чувств, уселся на него и стал ждать автобус. Но даже автобуса не было в разумных пределах видимости, зато в другой стороне, где двор был как на ладони, два мужика, смущая приبلудную собаку, несли по адресу умной женщины Колину кровать.

Кровать ходила ходуном и выламывалась из рук. Когда мужикам все это внутренне опротивело, они, не раздумывая, как были, так и опустили ее в зелени декоративных кустов и, так же декоративно усевшись, миротворенно закурили.

С неожиданной ясностью Коля вспомнил кое-что из трудной истории этой кровати, в сердцах сплюнул, поднялся с чемодана и отчаянно пошел вливаться в общую сумятицу на остановке.

— А-а-а, Коля! Наш Коля! — тут же вспомнили о нем и завертели в руках, как волчок.

Здесь каждый находил, чем подчеркнуть свою личную причастность к Колиной судьбе, только Коля не находил ничего, и чем больше не находил, тем больше терялся.

Его трясли, обнимали, хлопали по плечам и вообще всячески поощряли заслуженным вниманием. Переходя из рук в руки, Коля вольно и невольно преисполнялся возвышенной удовлетворенностью и уже не мог не улыбаться и благодарно отшучиваться.

И когда на секунду за толпой мелькну-

Алла Клюка в роли Наталии

ло бледное лицо Наталии, Коля тоже не удивился и воспринял это как должное, только не сразу смог вырваться из плотного заграждения рук, слов и активного доброжелательства. А когда вырвался, то Наталия стояла одна, ожидая его на том самом месте, где совсем недавно стоял Коля, рядом с фанерным чемоданом Филомеева; и молча и грустно смотрела на Колин триумф.

И все вокруг уловили и поняли исключительность ее притязаний на Колю. И сразу все стихло.

Только откуда-то из просторов неосведомленности вылез раскаявшийся Василич и, шмыгая носом, вцепился в Колю, как клещ.

— Коля! — плакал он сухими мужскими слезами. — Что же ты не сказал мне, Коля?! Как ты мог не сказать?! Я бы тебе сразу отдал! Вот тебе крест, Коля! Сразу!

Взывая к общечеловечности, он воздел руки к небу и бросился обратно в толпу:

— Десять рублей! До завтра! Христом Богом прошу! Коля уезжает!

Толпа смешалась.

А Коля стоял напротив Наталии, только чемодан Филомеева разделял их на всем белом свете.

Наталия первой отвела глаза. Коля хотел уже броситься к ней, обнять, прижать и доказать, но вовремя заметил Татьяну Ивановну, стоявшую на посту за углом дома. Поэтому он сдержал себя и, вложив все чувства в одно слово, сказал:

— Спасибо.

— За что? — подняла глаза Наталия.

— За то, что ты пришла.

— Все пришли, — сказала Наталия, — и я пришла. Наоборот, было бы странно, если бы

я не пришла.— Она помолчала.— Все так рады за тебя. Просто очень... И я хочу тебе сказать... что я тоже рада.

— Да?.. — с сомнением оглядел ее Коля.

— Да. Может, там ты наконец найдешь себе что-то по душе, и вообще... Все лучше будет...

— Да?..

— Да. Новые друзья. Новые люди. И вообще, все новое... Правда. Это интересно. Я рада за тебя.

— Спасибо,— сказал Коля.— Ты меня тоже очень обрадовала.

— Чем?

— Тем, что рада.

— Вот и хорошо,— сказала куда-то в сторону Наталья.

Они замолчали. Коля сомнительно покачал головой.

— Что-то ты не очень радуешься...

— Нет, почему же,— она взглянула ему в глаза и старательно улыбнулась.— Я радуюсь.

— Ага,— сказал Коля.— Вот теперь вижу. А хочешь, я тебя огорчу?..

Наталья долго смотрела ему в глаза, потом кивнула.

— Я никуда не уезжаю,— сказал Коля.— Все это ложь. Меня никто никуда не звал. И нет у меня никакого друга. И вообще ничего нет. Ну как?

На ее лице медленно проступил ужас. Коля беспомощно смотрел, как дрожат ее губы, как наполняются слезами глаза, и с каждым мгновением чувствовал, что совершил непоправимое.

— Ты... ты... ты... — только и могла сказать Наталья.

Сам не свой, Коля схватил ее за руку. Некоторое время она молча вырывалась, потом закричала:

— Отпусти меня!

Но Коля и не думал отпускать. За его спиной все смолкло, и гармонь протяжно испустила неуправляемый аккорд. В наступившей тишине слышался только мерный топот скачущей Татьяны Ивановны.

— Ты ничтожество! — закричала Наталья и залилась слезами.

Коля отпустил ее руку и сник.

— Ты что делаешь?! Ты что делаешь?! — налетела на него Татьяна Иванна.— Хулиган! Насильник! Где же это видано?! При всем честном народе нападает!

Она металась между ним и дочерью, как смерч, пока не споткнулась о чемодан и с проклятиями не запрыгала на одной ноге.

Наталья рыдала в стороне, откровенно размазывая по лицу слезы. И Коля виновато подошел к ней и сказал:

— Прости меня.

— Что еще тебе надо?! — набросилась на него Татьяна Иванна.— Отойди! Отойди от

нее! — Она вклинилась между ними и, оттеснив Колю, повернулась к Наталье: — Что он еще выкинул?! Что ему надо от тебя?!

— Ничего,— отвергла сквозь слезы Наталья.

— Автобус! — заорал не своим голосом Филомеев.

Все засуетились. Коля обреченно подошел к чемодану, с трудом поднял его и, как великомученик, застыл в ожидании. Подскочил Федя, вырвал чемодан из рук, поставил на землю.

— Коля! — Обнял его и расцеловал.— Пиши, Коля! Не пропадай! Помни!

За ним была Валя, за ней еще кто-то и еще. Коля кивал как заведенный, что-то говорил, что-то слушал, но не понимал ничего.

Подъехал автобус, остановился, открыл переднюю дверь.

Прощание достигло апогея. Коля, взмыленный, как лошадь, уже не разбирая, жал руки, целовал и обнимался, когда перед ним оказалась Наталья. Он обнял и ее, а когда понял, растерянно отпустил и даже отступил на шаг.

У нее на лице блестили еще не высохшие слезы, но смотрела она нежно и уже улыбалась.

Коля бестолково замер.

Наталья скромно оглянулась по сторонам. Стало неожиданно тихо. Тогда она легко шагнула к Коле, взяла его за плечи, приподнялась на цыпочки и поцеловала.

Коля отшатнулся.

— Пиши,— твердым голосом сказала Наталья.— Я буду ждать.— И снова поцеловала.

Автобус пискливо просигналил. Ангелы пролетели. Филомеев радостно ухватил чемодан и забросил его на переднюю площадку. Колю потащили к дверям. Откуда-то вынырнул запыхавшийся Василич, облапил Колю длинными руками и сунул ему мятые деньги.

— Коля! Отдаю! Все отдаю! До копеечки! Помни, Коля! В расчете мы! В расчете!

Его оттеснили, оторвали. Непостижимо высвободившись из рук, Коля влез, спасаясь, в автобус и, вконец обезумев от происходящего, плюхнулся на сиденье.

За окном махали руками, кричали и бесновались. Мечась, жалобно орала гармонь над кепкой гармониста.

Автобус тронулся.

Найдя в толпе гордо застывшую Наталью, Коля подумал и махнул ей рукой.

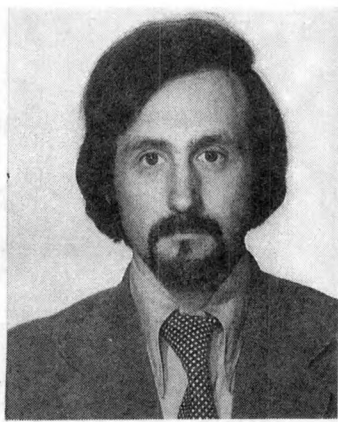
Тогда ей кто-то сунул белый платок, и она торопливо и безутешно замахала им вслед автобусу, пока совершенно не слислась с окружающими в опустившейся вечерней полутьме.

**Аркадий
ИНИН**

**Леонид
ГАЙДАЙ**

**Юрий
ВОЛОВИЧ**

НА ДЕРИБАСОВСКОЙ ХОРОШАЯ ПОГОДА, или НА БРАЙТОН-БИЧ ОПЯТЬ ИДУТ ДОЖДИ

Дело было серьезное...
Над Кремлем реял серпасто-молоткастый советский стяг, а над Белым домом развевался звездно-полосатый флаг США.

В обеих сверхдержавах наблюдалась суэта: люди в военной форме и штатском занимали места у пультов, перед экранами компьютеров, у телефонов и телетайпов...

Взлетали вертолеты, посылали и принимали сигналы космические спутники связи, вращались антенны локаторов...

Вспыхивали табло на русском и английском языках: «Горячая линия», «Сверхсекретно», «Готовность номер один»...

И, наконец, в свои кабинеты по разные стороны океана вошли два президента.

— Товарищ президент! — доложили советскому. — Горячая линия связи с Соединенными Штатами Америки готова к приему!

— Господин президент! — доложили американскому. — Горячая линия связи с Советским Союзом готова к приему!

Оба руководителя государств взяли телефонные трубки.

— Добрый вечер, господин президент! — сказал советский.

— А у нас, господин президент, пока еще доброе утро! — отвечал американский.

— Надеюсь, это единственное разногласие

между нашими странами? — пошутил советский.

— Я тоже надеюсь, — серьезно согласился американский. — Но наша встреча в верхах под угрозой срыва!

— Как? Все договорено — через две недели на Гавайских островах...

— Да-да, но наши налогоплательщики протестуют: они обеспокоены преступной деятельностью в Америке русской мафии.

— Кто это — русская мафия?

— Как кто? Ваши эмигранты. Бог мой, русская мафия уже переплюнула итальянскую «Коза ностру» и японскую «Якудзу»!

— Господин президент, может, вы несколько преувеличиваете, может, не стоит драматизировать...

Американец не успел ответить, в их разговор врезался третий голос:

— Я извиняюсь, господа президенты, но сколько можно занимать телефон? Мне нужно срочно дозвониться в Одессу.

В обоих кабинетах по обе стороны океана повисла изумленная пауза.

— Бог мой, кто это? — воскликнул американский президент.

— Кто-кто! — отвечал голос. — Это Рабинович!

— Какой Рабинович? Откуда?

Федя — Д. Харатьян

— Откуда-откуда! Рабинович из русской мафии.

Тут уж возмутился советский президент: — Послушайте, товарищ... э-э... мистер Рабинович! Вы понимаете, что это сверхсекретная горячая линия?!

— Ай, ну секретная, ну горячая... А по обыкновенной вообще в Одессу не дозволиться! В общем, я извиняюсь, господа президенты, но я вас отключаю!

В обеих трубках по обе стороны океана раздалось короткое: ту-ту, ту-ту, ту-ту...

А на обоих табло взамен соответствующих надписей: «На связи Кремль» и «На связи Белый дом» вспыхнул одинаковый текст: «На связи Рабинович».

И появился титр-название нашего фильма. А когда титры кончились, мы попали в русскую баню, где парились мужики.

Причем двое из них были черные, но не в смысле — грязные, а в смысле — негры. Они хлестали друга друга вениками, кричали, ухали и поддавали жару, так что парилку заволокло белыми клубами пара.

Когда пар рассеялся, эти белые и черные — уже в халатах и простынях — сидели в уютном предбаннике за столом с пивом, раками, воблой и с солеными сухариками.

Встал улыбчивый лысоватый мужчина с кружкой пенящегося напитка.

— Я хочу поднять тост за то, что стало возможным только в наше время перестрой-

ки, демократии и гласности. За нерушимую дружбу Комитета государственной безопасности СССР...

Трое мужчин на это отреагировали по-разному. Один — назовем его Обжора — продолжал равнодушно жевать с набитым ртом, другой — назовем его Нервный — пугово оглянулся, а третий — назовем его Весельчак — радостно заржал и тоже вскочил с бокалом. А тостующий продолжил:

—...И Центрального разведывательного управления США!

С противоположной стороны появились такие же трое: негр-Обжора, белый-Нервный и еще один негр-Весельчак.

— КГБ и ЦРУ — дружба на вечные времена! — завершил тостующий.

Сухопарый, спортивный, с седым ежиком волос американец обнаружил в улыбке идеальные зубы.

— Да, как сказать русский пословиц — гусь свинье не товарищ, а брат!

Все не очень поняли, что он имел в виду, но зазвенели кружками. Обжоры вгрызлись в воблу. Нервные взяли по сухарику и напряженно озирались. Весельчаки хлопали друг дружку по плечам и ржали.

— А теперь, господа-товарищи, — продолжал тостующий, — совмещая приятное с полезным, хочу ознакомить вас с программой дружеского семинара КГБ — ЦРУ. Главное, конечно, братский обмен секретной информацией: списки агентуры и схемы расположения секретных объектов.

Молодой лохотный Аджютант нажал кнопку — отодвинулся занавес, за ним на стене обнаружилась карта.

— А кроме рабочей программы — культурная. Посещение балета Большого театра, коллективный молебен в Троице-Сергиевой лавре, поездка в колхоз, прогулка по Арбату... Завтраки в кооперативных кафе, обеды — в кооперативных ресторанах, ужины — в дискотеках. А сейчас небольшой сюрприз: дружеский стриптиз!

— О, стриптиз! — оживился американец. — Кашу Машей не испортишь!

— Да-да, стриптиз в исполнении девушек-инструкторов ЦК ВЛКСМ!

Аджютант нажал другую кнопку — резко приглушился свет, раздалась пальба, пули дырявили карту на стене с задней стороны. Обжоры застыли с кусками воблы в зубах. Нервные выхватили пистолеты. Весельчаки радостно заржали.

Вслед за выстрелами раздались воинственные кличи, и, прорубив карту саблями в одной руке и палая из пистолетов в другой, вылетела стайка девушек в буденовках, гимнастерках и галифе, с пулеметными лентами крест-накрест на груди.

В зажигательном танце первыми полетели на пол буденовки, потом были сорваны гимнастерки, затем отлетели галифе и наконец...

Нет, в самый волнующий момент комсомольского стриптиза раздалась два резких звонка.

Адьютанты — советский и американский — сняли каждый трубку своего телефона, послушали и воскликнули:

— Товарищ генерал!

— Господин шеф!

Советский Генерал и американский Шеф приняли у адъютантов трубки, послушали и воскликнули:

— Есть, товарищ президент!

— Слушаю, господин президент!

Они вскочили, сбросили махровые халаты... и под ними Генерал КГБ оказался в генеральской форме, а Шеф ЦРУ в штатском костюме.

Разведчики обеих стран в небольшом кинозале смотрели на экране кадры, которые комментировал американский Шеф.

— Это Брайтон-Бич, место в Нью-Йорке наибольшего скопления советской эмиграции. Где-то здесь находится и штаб русской мафии... Ресторан «Ланжерон» — тут встречаются мафиози... Лас-Вегас, казино «Золотой Дюк», контролируется русской мафией... Нью-Джерси, притон наркоманов «Ласковый кайф» — импорт кокаина из Азии, экспорт героина в Европу... Балтимора, банк «Аркадия», здесь отмываются фальшивые доллары русской мафии...

— Джек! — воскликнул Генерал. — Но вы же все знаете, надо брать!

— Кого брать, Стюпа? — усмехнулся Шеф. — Как сказать русский пословицей, терпи казак, а то Маней будешь! Мы уже брали несколько мелкой мафии, ну и что? Мафия есть, пока есть ее главарь.

— А главаря вы не знаете, — догадался Генерал.

— Ну, немножко знаем. Вот он...

На экране появился человек с косой челкой и усиками.

— Гитлер? — изумился Генерал.

— Он, — кивнул Шеф. — Но и это он.

На экране появился человек в треуголке — рука за бортом сюртука.

— Наполеон! — догадался Генерал.

— Да, Бонапарт, — подтвердил Шеф. — Но и это тоже он... И это... И это...

На экране появлялись изображения Юлия Цезаря, Шарля де Голля, Петра Первого.

— Ну, артист! — восхитился Генерал.

— Да, это есть его кличка — «Артист», — подтвердил Шеф. — Человек с тысяча лиц! А настоящего лица его не видел никто...

На экране сменялись белый Джо Кеннеди, черный Мартин Лютер Кинг, желтый Мао Цзедун и... красotka в открытом купальнике.

— Это тоже он? — прищурился Генерал.

— Нет, моя секретарша. Наш программист — большой шутник!

Американец махнул рукой — экран погас.

— В общем, ясно, — сказал Генерал. — Возьмем Артиста — возьмем и всю мафию.

— Но как его взять? Никто не знает, какой лицо он наденет в следующий раз...

Человек с ленинской бородкой и лысиной, в ленинском костюме с жилеткой пламенно выкрикивал с ленинской картвинкой:

— Есть такая партия! Замечательная партия наркотиков из Таиланда! Решительно и немедленно реализовать эту партию — архи-нужно и архиважно!

Его слова встретили аплодисментами сидевшие в небольшом уютном зале амфитеатром представители разных советских народов, что было видно не только по их лицам, но и по таджикской тюбетейке, узбекскому халату, молдавской папахе и прочим деталям одежды двадцатых годов.

Когда аплодисменты утихли, главарь мафии — Артист — продолжил в ленинской манере и с ленинскими интонациями:

— А сейчас я бы хотел узнать, как обстоят дела у товарищей на местах. Товарищ Кац!

Вскочил тощенький носатый человек в ермолке.

— Что может сказать Кац? То же, что и всегда: моя контора работает как часы. Подделка кредитных карточек «Америкен-экспресс» принесла еще полтора миллиона долларов!

— Браво, браво! А как дела у наших кавказских товарищей из Лас-Вегаса? Товарищ Цуладзе!

— Дела, батона Артист, идут совсем хорошо, — доложил усатый красавец. — Крапленые изотопами колоды, специальные очки, отражающие карты партнеров, магнитные ловители рулеток, — Цуладзе огорченно поцокал языком. — Вот только, понимаешь, Казарян...

— Казарян? Какой это Казарян?

— Ну, батона Артист, когда вы были Александром Македонским, вы назначили Казаряна вашим конем Буцефалом.

— А-а, припоминаю, припоминаю... Так что Казарян?

— Он немножко увлекся, немножко оставил себе выигрыш, немножко тысяч пять...

— Ай-яй-яй! — сокрушенно покачал головой Артист. — Товарищ Шкаф!

Огромный, действительно со шкафа, детина в вышитой украинской сорочке вскочил, и при этом из кармана его куртки вывалился на стол пистолет. Все вздрогнули. Артист продолжил ленинским скороговоркой:

— Товарищ Шкаф, надо разобраться с товарищем Казаряном! Срочно, одна нога здесь, другая там!

— Уже зроблено, — добродушным украинским говорком сообщил Шкаф. — Одна нога Казаряна — тут, другая — у Чикаго. А го-

лова — вообще у Филадельфии!

— Так-так,— одобрил Артист и заботливо добавил: — Непременно помочь вдове товарища Казаряна и его сиротам! И к делу, к делу... Что у вас, товарищ Хрюкскене?

Пышная блондинка с высокой грудью сообщила кратко:

— Фальшивой монеты реализовано вдвое больше. Но...

— Что — но?

— Но Вардунас пытался рассчитаться нашими долларами в нашем же ресторане.

— Товарищ Шкаф!

Шкаф вскочил и выронил из другого кармана огромный нож.

— Той Вардунас попал под поезд метро!

— Вы что-то путаете, батенька. Вардунас никогда не ездил в метро.

— Ага, вот и я его еле туда затолкал!

— Так-так,— Артист погрузился. — Я всегда говорил, надо быть предельно бдительными на транспорте! А что новенького у товарища Хабибулина?

Толстяк в тубетейке и халате сообщил тоненьким голосом:

— Как вы сами заметили, уважаемый Артист, импорт кокаина из Азии и экспорт героина в Европу идут, слава Аллаху! Полиция куплена, таможня схвачена. Вот только...

— Что еще?

— Уважаемый Саид немножко перепутал, начал колоть наши наркотики не другим, а себе.

— Товарищ Шкаф!

На этот раз Шкаф, вскочив, уронил на стол мощный каскет.

— Той Саид нечаянно упав у чан серной кислоты!

— Забавно, забавно! — залился заразительным ленинским смехом Артист. — Серной кислоты, говорите? И что же?

— Саид оказался быстрорастворимым!

— Так-так... Погребение по первому разряду за счет нашей фирмы! А нам следует сосредоточиться на нерешенных задачах. Архиважнейшая из них — операция «Шейх». Дело пахнет миллиардом! Шейх прилетает девятого. Значит, восьмого будет еще рано, а десятого — уже поздно! Сейчас мы обсудим план в деталях... Ответственный за операцию — товарищ Шкаф.

— Слушаюсь, Артист!

Шкаф достал платок промокнуть лоб. Из кармана выкатилась и запрогала вниз по ступенькам амфитеатра граната-лимонка.

Все в ужасе нырнули под столы. Шкаф добродушно ухмыльнулся.

— Тю! Чого вы перелякались той гранаты? Она ж — ручная!

В кинозале КГБ вспыхнул свет.

— До встречи в верхах осталось две не-

дели,— сказал Генерал.— Я все же не понимаю, Джек, почему ваша мощная организация не может справиться с какой-то мафией?

— Эта мафия, Стъопа, не какая-то, а русская. Более того — советская,— объяснил Шеф.— А психология советский душа не укладывается в нормальный американский голова!

— Например?

— Например, разбавлять бензин водой, а сметану — кефиром. Или делать черный кра из крашенный крупа.

Американцы закатили глаза к потолку: мол, о загадочная русская душа! А советские пожалы плечами: мол, чего уж тут загадочного?

— В общем, как сказать русский пословиц: чужой... чужой...

— Чужая душа — потемки? — подсказал Генерал.

— Нет, чужой... чужой...

— В чужой монастырь со своим уставом?

— Нет-нет... А, вот! В чужой сани не садись с Маней! То есть с русский мафия могут справиться только русский специалист.

— Ну,— сказал Генерал,— если русский специалист, тогда есть хороший парень в Одессе. Суперагент!

— Всего один агент? Это невозможно, один не справится!

Советские разведчики только усмехнулись. Адъютант даже позволил себе вмешаться в разговор старших по званию.

— Разрешите доложить: в настоящий момент наш суперагент выполняет задание, с которым не справилась вся одесская милиция.

Нежно плескалось море о пляж, прогуливались парочки на Приморском бульваре, задумчиво глядел вдаль бронзовый Дюк, и казалось, что в этот дивный вечер вся Одесса отдыхала и любила.

Но нет, кое-кто и в этот вечер был на своем посту: в кустах напротив светящегося огнями открытого ресторана на пляже притаился лейтенант милиции. Выглянувшая из облаков луна осветила его чеканный профиль с волевой челостью — живой плакат про нашу доблестную милицию.

В ресторан входили и выходили веселые местные жители и подвыпившие иностранные матросы в сопровождении ярко разодетых и размалеванных девиц, род занятий которых был так же очевиден, как и профессия милиционера, притаившегося в засаде.

Вот появилась очередная девица — мини-юбка, макси-декольте. Она закурила сигарету и, виляя бедрами, направилась в ресторан. Но милиционер, вынырнув из кустов, преградил ей дорогу.

— Пройдемте со мной!

— С тобой? — удивилась девица пропито-прокуренным голосом. — А что, у ментов за-велься валюта?

Скулы стража закона окаменели, он жестко взял ее за плечо.

— Пойдешь так или в наручниках?

— Ты чё, чё? — испуганно просипела она. — За мной ничего нет!

— Проверим!

Он молча, короткими толчками подсказывал ей, куда идти — за угол ресторана, прямо, налево, направо... Так они удалились от освещенного ресторанными огнями круга и оказались в темноте пустынного пляжа.

— Куда привел? Если в ментовку, так в ментовку...

Девица не договорила — он дико зарычал, повалил ее на песок, стал хищно целовать.

— Ты чё, спятил? Отстань, гад! — отбивалась девица и вдруг обмерла. — Ах, козел вонючий, так это ты — маньяк?

— Ха-ха-ха! — леденящим душу хохотом расхохотался он. — Да, это я! Но ты узнала это слишком поздно!

Он навалился на нее, но она выскользнула и тоже засмеялась.

— Ну, раз это ты — так ты мне и нужен!

И резким приемом шмякнула его о землю. Он перевернулся, выхватил нож и, отвратительно оскалившись, пошел на нее, сделал смертельный выпад, но она взвилась в воздух, одной ногой выбила нож, а другой так врезала ему в пах, что он, взвыв от боли, скорчился на земле.

Девица сняла белокурый парик, утерла им взмокший лоб, отстегнула одну свою грудь — это оказался приемник, отстегнула вторую — это был передатчик, в который она и сообщила вполне мужским голосом:

— Полковник Петренко! Докладывает капитан Соколов!

В кабинете под оперативной картой города седой человек с молодыми глазами сыпал корм золотым рыбкам в аквариуме.

— Слушаю тебя, сынок, — откликнулся он.

— Докладываю, что моим личным методом «Ловля на живца» обезврежен кровавый маньяк, насильник и убийца женщин, действовавший под маской сотрудника органов! — сообщил Соколов.

— Оборотень, — вздохнул полковник Петренко, подсыпая корм рыбкам. — Ты там его, Федор, не очень?.. Дотянет до суда?

— Жить будет, — Федор Соколов глянул на корчившегося, зажав пах, преступника. — А насильничать больше не сможет!

— Добре, — по-хорошему улыбнулся полковник и ласково постучал по стеклу аква-

риума, подзывая рыбок. — Ну, давай его к нам.

— Есть! — Федор козырнул, хотя полковник его не мог видеть. — И завтра — в отпуск?

Полковник Петренко погасил улыбку, вздохнул.

— Нет, Федор... Завтра — срочно в Москву.

— Но, товарищ полковник, я пять лет не был в отпуске, я три года не ложился спать, родная мать забыла мое лицо!

— Надо, Федя, надо! — сурово оборвал полковник, но смягчился, опять сыпанул корм рыбкам, сказал: — А маме родной мы вышлем твое фото — профиль и фас. В общем, давай, сынок, ко мне, потолкуем. А я пока сготовлю уху...

И полковник сунул в аквариум золотых рыбок мощный кипятильник. Вода сразу забурлила пузырями.

В Большом театре давали балет. Зал сиял позолотой, зрители, затаив дыхание, следили за волшебным зрелищем.

С интересом наблюдали происходящее на сцене и разведчики обеих стран в ложе для почетных гостей. Генерал и Шеф впились глазами в балерину, крутившую фуэте. Оба напряженно шевелили губами: «Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь...»

— Тридцать! — Американец откинулся на спинку кресла.

Но балерина продолжала крутить фуэте, и советский радостно продолжал счет:

— Тридцать один... два... три...

Лицо американца уныло вытягивалось.

— Тридцать пять! — победно завершил Генерал.

И зал взорвался аплодисментами великолепной балерине.

— Вы выиграть пари, — вздохнул Шеф и мужественно подставил Генералу свой лоб.

— Ладно, прощаю, — великодушно сказал Генерал.

— Нет, как сказать русский пословиц, договор дороже мани!

Шеф снова упрямо подставил лоб. Генерал поплевал на пальцы и стал отвешивать ему смачные шелобаны.

Словно в такт генеральским шелобанам, на Спасской башне били куранты. У Мавзолея происходила смена караула. Группа зевак наблюдала эту церемонию.

Но вдруг их внимание отвлек шум в небесах. Все задрали головы и увидели: над родной Красной площадью кружил, постепенно снижаясь, маленький спортивный самолет.

На сцене уже крутила фуэте другая ба-

лерина.

И снова дружно считали Генерал и Шеф, потиравший шишечку на лбу.

— Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять...

Но вдруг на боку Аdjютанта зазуммерила рация. Он послушал, изменился в лице и что-то шепнул генералу. Тот вскочил:

— Все на выход!

Аdjютант негромко повторил его приказ по рации:

— Всем сотрудникам КГБ — срочно на выход!

Половина зрительного зала — мужчины и женщины, молодые и пожилые — дружно встали и четким шагом направились к выходу.

Двое музыкантов отложили инструменты, развели руками перед опешившим дирижером и покинули оркестровую яму.

Артист балета, красиво державший над головой балерину, свалил ее кулем посреди сцены и исчез за кулисами.

Самолетик приземлился на Красной площади и покатил по брусчатке.

Отъехало стекло «фонаря» кабины пилота, и мы увидели спокойное лицо суперагента Федора Соколова.

А самолет уже со всех сторон окружали «зрители» Большого театра в вечерних нарядах. Последними спешили два «музыканта» и «артист балета» в белом трико.

И вот уже Федя, с парашютом за спиной, стоял в просторном, с дубовой мебелью кабинете перед советскими и американскими разведчиками.

— В чем дело? — грозно спросил Генерал. — Почему применен особый случай при бытия?

— В Одессе забастовка авиадиспетчеров, железную дорогу перекрыли молдавские экстремисты, автотранспорту перекрыли бензин тюменские нефтяники, а миноносец КГБ арендован кооперативом для круиза по Черному морю!

Генерал задушевно обнял Федю:

— Сокол ты, Орлов! — и выпустил его из объятий.

— Разрешите доложить, — сказал Федя, — я Соколов.

— А-а, — Генерал снова задушевно обнял его, — тогда орел ты, Соколов! А как оперативная обстановка в Одессе? Что передал полковник Петренко?

— Полковник Петренко передал вам это!

Федя скинул рюкзак парашюта и стал выкладывать из него банки соленых огурцов, помидоров, компота из вишни.

— Все с личной фазенды полковника Петренко, — последним он выложил кольцо

домашней колбасы. — Колбаску полковник лично копил персонально для вас!

Генерал обернулся к Аdjютанту.

— Капитану Соколову — медаль, полковнику Петренко — орден.

— А можно, — попросил Федя, — полковнику вместо ордена — именной пистолет?

— Зачем именной?

— Сдаст старик, — любовно вздохнул Федя, — стал забывать, как его зовут. А так глянет — вспомнит...

— В приказ! — сказал Генерал Аdjютанту.

— Служим Советскому Союзу! — отрапортовал за двоих Федя.

— Хорошо служите. Но придется — еще лучше. Вы направляетесь в Соединенные Штаты Америки с особым заданием: ликвидация русской мафии. Главная задача: выявить и обезвредить главаря по кличке Артист. Оперативная легенда: вы — миллионер. Живете на вилле, катаетесь на яхте, даете прием... Вопросы есть?

— Один, — сказал Федя. — Если я миллионер, где валюта?

— Молодец, сообразил! — Генерал снял трубку. — Бухгалтерия? Капитан Соколов, особо важное задание, легенда — миллионер. Когда зайти за долларами? Та-ак... А франки?.. А фунты ихних стерлингов?.. А в следующем квартале?.. Ясно! — Генерал положил трубку и бодро сказал Феде: — Задание то же, но легенда другая: ты — нищий! Ночуешь под мостом, ходишь в лохмотьях...

— Коллега! — вмешался Шеф. — Не надо миллионер, не надо нищий... Отправим его за счет ЦРУ с легенда «советский эмигрант». Парень, твой дом — Одесса? Ну так на Брайтон-Бич ты чувствовать себя, как дома! Только, как сказать русский пословиц, дома хорошо, а на Брайтон еще лучше!

И зазвучала песня «Одесса — Брайтон», под которую мы увидели, как похожи и непохожи, как близки и далеки эти две точки земного шара.

Ресторан так и назывался — «Одесса», а гастроном — «Москва», а книжный магазин — «Черное море»... И еще родимые вывески — «Пельменная», ресторан «Приморский», магазин «Столичный»...

Толстые одесские мамы катили коляски с толстыми одесскими детьми... На деревянной набережной шлепали костяшками домино одесские пенсионеры...

Но!

Витрины магазинов с одесскими вывесками забиты давно не виданной в Одессе едой и никогда не виданными в Одессе промтоварами. А на тротуарах лотки зеленщиков с заморскими фруктами... А вдоль тротуаров торгуют остатками отечественных святынь: матрешки, хохлома, гжель, аналгин, валокордин... А над всей Брайтон-Бич протянулась эстакада

метро, и грохот поездов заглушает родную речь, чужую музыку, и чей-то смех, и чей-то плач...

Во всем этом вертящемся под песню калейдоскопе участвовал и Федор Соколов, причем участвовал согласно своей легенде — «свеженький эмигрант». Он толкнул в гастрономе пару банок икры, в сувенирном магазинчике сдал павлово-посадский платок и жостовский поднос, уличному торговцу рыбой сбывл тюбик валидола, а венцом его внешне-торговой деятельности была продажа румяному мордвороту — хозяину видеосалона полной воинской формы офицера Советской Армии, включая сапоги, ремень и фуражку с кокардой.

На этом и песня «Одесса — Брайтон», и дневные похождения Феда окончились.

А когда огни поезда на эстакаде прорезали синеву вечера, Федя уже шел налегке по улице, сиявшей огнями реклам.

Увидев на другой стороне неоновую надпись ресторана «Ланжерон», он направился туда. Однако войти не успел, дверь распахнулась сама, из нее вылетела от чьего-то броска фигура неопределенного возраста, без пиджака, с крахмальной салфеткой за воротом мятой сорочки и с бутылкой водки в руке. Вылетев из двери, человек попал прямо в объятия чуть не упавшего от толчка Феда и, широко распахнув руки, завопил:

— Не ходите туда! Не ходите — там мафия!

Федя быстро оглянулся и, взяв его железной хваткой за плечо, отвел в сторону:

— Спокойно, приятель! И тихо: кто мафия?

— Все! Все как один, это их осиное гнездо!

— Еще спокойнее и еще тише: знаете кого-нибудь в лицо?

— Всех знаю! Всех бандитов, всех паразитов...

— Может быть, — перебил Федя, — знаете и Артиста?

— Ай, они все там артисты! — Человек ткнул Феде бутылку: — Попробуйте, вы только попробуйте, как они разбавляют! — Он отхлебнул из бутылки. — Ну вот, разбавлено! — Он снова хлебнул. — Жутко разбавлено! Нет, я понимаю, когда в Одессе нам разбавляли пиво, но разве мы уехали в свободную страну, чтобы здесь нам разбавляли водку? — Он вдруг пригляделся к Феде: — Ой, что-то мне знакомо твое лицо...

— Исклучено! — оборвал его Федя. — Как вас зовут?

— Меня зовут дядя Миша. Все меня знают, все меня уважают, и все так зовут — дядя Миша...

— Дядя Миша! — послышалось из ресторана.

Швейцар вежливо держал за плечи перед

собой белый пиджак.

— Видите? — гордо сказал дядя Миша. — Я же говорил: меня здесь все уважают!

Он с достоинством повернулся к швейцару спиной, протянул руки, готовый принять пиджак на себя. Но швейцар уронил пиджак на землю, вытер о него ноги и удалился.

Дядя Миша так и застыл — руки сзади. Федя поднял пиджак.

— Зайдем-ка в ресторан. Посидим, поговорим, посмотрим...

В ресторане «Ланжерон» гремел бессмертный танец «Семь-сорок». Его плясали хмельные, одетые столь же богато, сколь и безвкусно люди. Такие же типажи пили-гуляли на широкую ногу за столиками. И вся эта картина за тысячи километров от Одессы была как две капли воды похожа на знакомую до боли одесскую картинку.

Столик в углу был накрыт тоже на славу, но Федя не прикасался к обильному угощению, а трезвым острым глазом наблюдал происходящее, слушая рассказ сильно захмелевшего дяди Миши.

— А еще вот тот мордастый Самсон Семенович, он вообще жуткий мафиози, чтоб я так жил! За пятьдесят долларов он вам ставит проволочку, электросчетчик крутится совершенно в противоположную сторону, и уже не вы платите электрокомпания, а еще компания должна вам! А эта Мирра Борисовна... Вон танцует — она одна, но с тремя подбородками! Так она вывезла сюда кучу платины, представляете, а?

— Прошу потише, — осадил его Федя. — И давайте подробности.

— Ай, подробности такие: она сделала всей семье платиновые зубы — себе, мужу, младенцу полутора лет и даже собаке с кошкой. И так вывезла! Правда, потом собака не дала их снять и так и ходит с платиновыми зубками, я вам завтра ее покажу...

Федя сжал локоть дяди Миши, призывая умолкнуть, так как официант принес сигареты. Федя расплатился, официант дал сдачу, тот хотел спрятать купюру, но дядя Миша перехватил ее.

— Осторожно! Чтоб не было Ильича!

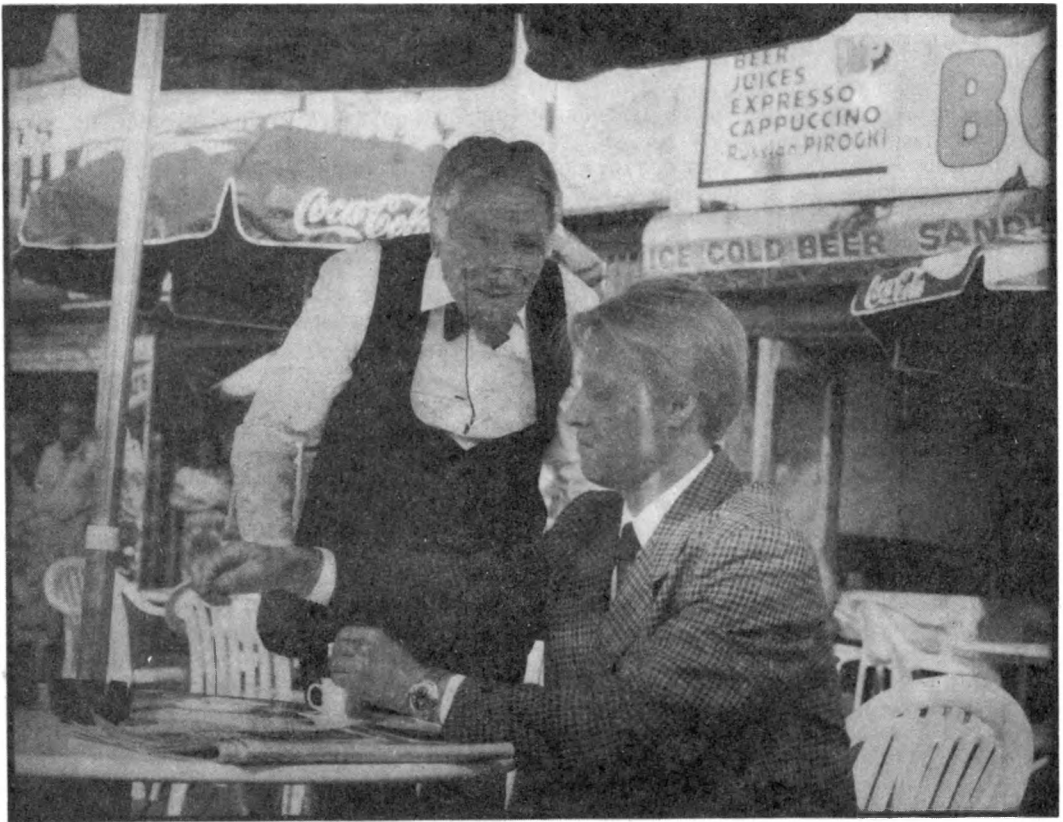
— Какого... Ильича? — не понял Федя.

— Ай, первые фальшивые доллары они по привычке печатали не с Вашингтоном, а с Лениным! — дядя Миша рассмотрел купюру на свет. — Все в порядке — это Джордж! — Он сунул купюру в собственный карман и снова пригляделся к Феде. — Слушайте, но мне точно знаком ваш портрет.

— Пить надо меньше! — резко сказал Федя. — И вообще, у вас есть информация посерьезней?

— Серьезней? Пожалуйста...

Дядя Миша не договорил — раздались два пистолетных хлопка. Рука Феда нырнула

Кац — А. Джигарханян, Федя — Д. Харатьян

в карман, он резко обернулся. Но это просто крепыш с приплюснутым боксерским носом открыл две бутылки шампанского.

— Вот вам серьезное! — шепнул дядя Миша. — Говорят, этот имел драку с Гореликом и зарезал двоих!

— И — на свободе? — удивился Федя. — Что, не было свидетелей?

— Так он как раз свидетелей и зарезал! А Горелику только морду набил.

Тем временем «Семь-сорок» закончились. Танцоры расходились по столикам. Барабанщик на эстраде объявил:

— А сейчас все родные, близкие и наш ансамбль поздравляют дорогую Софочку с ее шестнадцатилетием! — и перевел на корявый английский: — Свит сикстин!

В зале приглушился свет. Официанты внесли торт со свечами. Симпатичная толстушка Софочка, которой можно было дать и шестнадцать и двадцать шесть, дунула так мощно, что не только задула свечи, но и сдула кремовые розочки с торта прямо в счастливые лица родных и близких.

Одна розочка залепила нос Феди. Он сковырнул крем и встал.

— Здесь мне все ясно. Я пошел!

— Сейчас, сейчас, догоню...

Федя пошел по центральному проходу к дверям, а дядя Миша торопливо допивал водку, закусывал, распахивал фрукты по карманам.

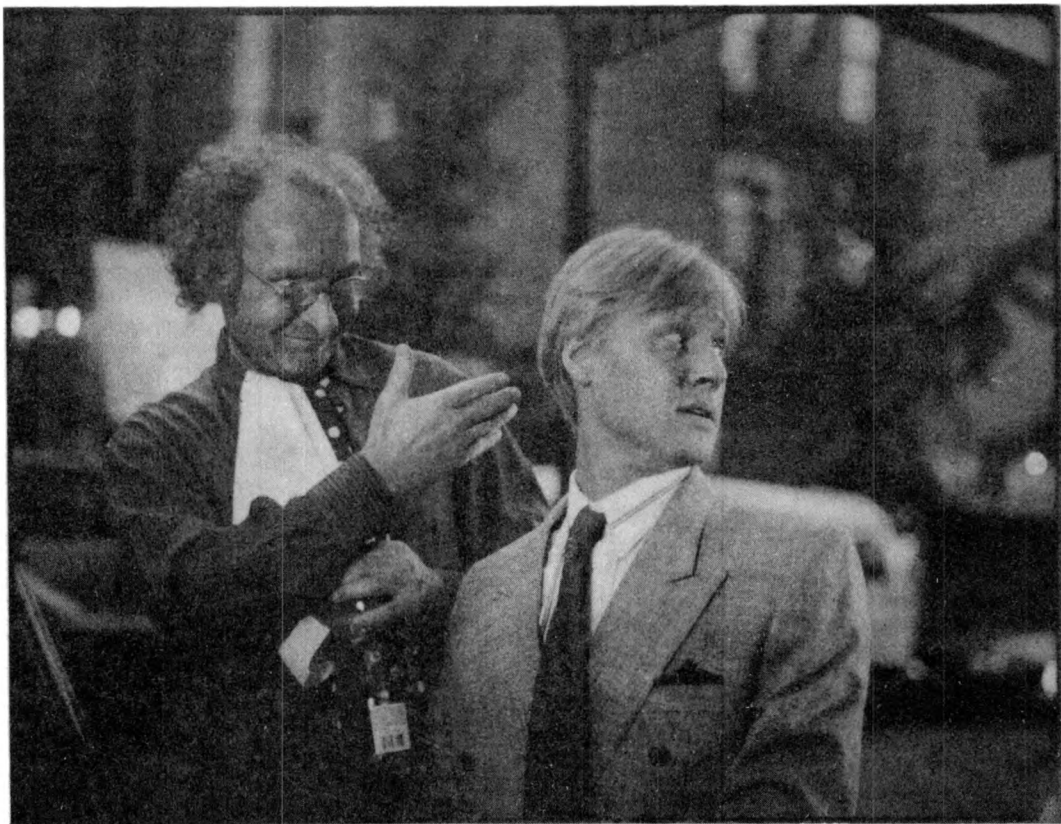
Барабанщик на эстраде продолжил:

— Дорогая Софочка, твою любимую песню «Целуй меня, как я тебя!» исполнит наша несравненная Маша Полонская!

В сиянии прожекторов из дверей зала возникла прекрасная огненно-рыжеволосая девица в наряде, скорее обнажавшем, чем скрывавшем ее великолепные формы. Она запела страстное танго любви и пошла по центральному проходу к эстраде. Федя восхищенно замер. Она прошла мимо него, и он автоматически уселся на какой-то стул, внимая песне красавицы. Рядом кто-то сопел. Федя, скосив глаз, увидел, что присел он возле крепыша с приплюснутым носом, который плотоядно сопел, глядя на певицу и очищая кожуру яблока сверкающей финкой.

Федя попятился от греха подальше — за столик к дяде Мише.

А Маша Полонская, сияя блеском глаз и жемчугом зубов, шла с песней по залу, то приближаясь к столикам, то гибко усколь-

зая от тянувшихся к ней рук восторженных нетрезвых мужчин.

Наконец оказалась она у столика Феде, пошла на него с улыбкой и с распахнутыми руками. Федя вскочил, готовый нырнуть в ее объятия. Но они были предназначены не Феде, а дяде Мише — певица подхватила его, прокрутила с ним несколько страстных «па» и легонько отбросила пьяньегого обратно в кресло.

— Кто она? — взволнованно спросил его Федя.

— Наша новая звезда! — объяснил дядя Миша. — Приехала из Калифорнии. Говорят, ее вывезли из Одессы в младенческом возрасте, но все равно, если ты родился в Одессе — это навсегда!

И дядя Миша первым бурно зааплодировал Маше Полонской, завершившей песню и склонившейся на эстраде в поклоне. Его аплодисменты подхватил весь зал.

Федя выхватил у девушки-разносчицы всю корзину цветов, сунул не глядя деньги и пошел с корзиной к певице.

Он уже протянул ей цветы, когда барабанщик объявил:

— А сейчас музыкальный привет нашему дорогому гостю из Одессы — суперагенту

Дядя Миша — А. Мягков, Федя — Д. Харатьян

КГБ Федору Соколову, прибывшему к нам для борьбы с нашей мафией!

Федя споткнулся и застыл с корзиной в руках.

Оркестр заиграл и запел славную чекистскую «Не думай о секундах свысока...»

Зал приветственно аплодировал Феде. Он стоял, как болван, с корзиной цветов, нелепо раскланиваясь во все стороны.

А дядя Миша, вытащив из кармана мятую газету, побежал к Феде:

— Ай, я же говорил: мне знакомо ваше лицо! Вот, вот же вы, как живой!

В газете под фотографией Феде была подпись: «Совместная акция КГБ — ЦРУ: ликвидация русской мафии. Американская общественность желает успеха русскому Джеймсу Бонду — Федору Соколову!»

— О-о, идиоты! — простонал Федя.

— Почему? — гордо сказал дядя Миша. — У вас — гласность, а у нас вообще свобода слова!

Качалась и поскрипывала на ветру вывеска «Колхоз «Светлый путь»...

В огороженном выщербленным забором дворе торчала одна печная труба...

Маша-Мэри — Келли Мак-Грил

Под остатками букв «...оска ...очета» трепыхались выцветшие фотографии...

В сарае виднелся голый остов разворованного на запчасти трактора.

У скотного двора стоял скелет коровы — позванивал колокольчик, подвешенный к шейным позвонкам...

В разбитое окно дома с надписью «Правление» виднелась болтающаяся на одной петле дверь с табличкой «Партком», за которой мужик в треухе и валенках крутил ручку телефона времен коллективизации...

И всю эту картину сопровождал закадровый голос Генерала:

— Председатель колхоза — пьяница, пустил хозяйство по ветру. Колхозники — тоже пьяницы, и что осталось от хозяйства, разворовали. Вот яркое свидетельство преимуществ частной собственности перед коллективной!

Американские и советские разведчики стояли посреди пустынной площади у огромной лужи.

— Кошмар! — воскликнул Шеф. — Стыпа, у вас все колхозы такие?

— Ну уж нет, Джек. В километре отсюда колхоз-миллионер. У каждого каменный дом, газ, телефон, телевизор, машина с гаражом.

— Почему же вы не привезли нас туда? — А прошли те застойные времена, когда мы возили гостей в передовое хозяйство.

Нынче у нас гласность — приказано возить в самое отсталое!

— А-а, как сказать русский пословиц, заставь дурак богу молиться, он и мордой об стол!

По грязи подкатил вездеход. Из него выскочил лощеный, в начищенных до блеска сапогах, Адъютант.

— Товарищ генерал! Суперагент прибыл на место и ждет дальнейших указаний.

— Надо передать ему пароль и место встречи с нашим суперагентом, — напомнил Шеф.

— Да-да, а также особые задания по ведомствам, — поддержал Генерал. — Полковник Семенов! Полковник Дынин! Полковник Саакянц!

Названные чины вручили Генералу каждый по конверту.

Генерал протянул их адъютанту:

— Немедленно передать шифровку!

Чтобы взять конверты, блистательный Адъютант шагнул в разделявшую их лужу и... провалился по горло в грязь.

Мальчик лет восьми вышел из лифта на площадку и бдитительно огляделся по сторонам. На груди его майки была надпись на двух языках: «КГБ + ЦРУ = ЛЮБОВЬ».

Убедившись, что никого на площадке нет, мальчик достал из кармана записку. На ней было написано: «Брайтон-Бич, 17, квартира 100». Он подкрался к нужной двери и нажал кнопку звонка.

Дверь открыл Федя в майке с полотенцем через плечо. Мальчик скользнул между его ног в квартиру и, захлопнув за собой дверь, прошептал:

— Вы — агент КГБ Соколов?

— Допустим, — неопределенно ответил Федя.

— Значит, я на месте! — Мальчик проглотил записку с адресом и сказал изумленному Феде: — Дедушка Моня уже принимает для вас шифровку из Москвы!

Пожилая женщина вела Федю и мальчика по винтовой лестнице на чердак, Федя недовольно ворчал:

— Черт побери, как я мог перепутать время!

— Ничего, ничего, — успокаивала женщина, — это у всех эмигрантов бывает: Москва — Нью-Йорк восемь часов разницы... Но вы не волнуйтесь, мой Моня все примет. Он в войну был шифровальщиком и с тех пор, представляете, не может остановиться — принимает все шифровки подряд. Нас долго из Союза не выпускали, потому что он знал все шифры генерального штаба.

— Нашего генштаба? — поразился Федя.

— Нет, немецкого, в сорок третьем году. Они поднялись по лестнице в чистенькую прихожую. Федя хотел скинуть обувь, но хозяйка остановила:

— Нет, нет, не надо, когда заходило гестапо, они так наотпали! Прошу сюда...

Всю комнату занимала походная палатка, в которой сидел могучий старик в гимнастерке, сапогах и пилотке связиста минувшей войны, с наушниками на голове. На сколоченном козлами столе у допотопного приемника «Телефункен» горела коптилка из пулеметной гильзы. Лихорадочно блестя глазами, старик строчил что-то на бумаге.

— Дедушка,— сообщил мальчик.— Агент Соколов доставлен...

— Тихо, Сема,— заорал старик.— Секретные переговоры Саадама Хусейна с Тель-Авивом!

Все уважительно притихли. Моня слушал переговоры. А мальчик Сема деловито просматривал уже записанные шифровки, что-то откладывая в сторону, что-то отправлял в рот и проглатывал.

— Я как чувствовал! — снял наконец наушники Моня.— Настоящее имя Саадама Хусейна — Адик Гусман!

И удовлетворенно откинувшись на спинку, он начал хлебать щи из помятого солдатского котелка.

— Поздравляю! — сказал Федор.— Но меня интересует шифровка из Москвы.

— А-а, примитивный шифр,— Моня небрежно протянул ему листок.— КГБ с войны не придумал ничего новенького.

Федя пробежал глазами шифровку.

— Так... Так... Так... А это что? Вы не ошиблись?

— Я никогда не ошибаюсь,— оскорбился Моня.— Вам особое задание: полковник Семенов сорок восемь шесть три, полковник Дынин пятьдесят два восемь пять, полковник Саакянц шестьдесят шесть двенадцать семь.

— Но что означают эти цифры особого задания? — задумался Федя.

— Это даже я понимаю! — вмешалась жена Мони.— Полковнику Семенову — джинсы сорок восьмой размер и колготки для жены шестой размер три пары, полковнику Дынину — джинсы пятьдесят два и пять колготок, а полковнику Саакянцу... Нет, это даже я не понимаю, что такое шестьдесят шесть? Такой размер я не видела в природе!

— Потому что вы не видели жену полковника Саакянца,— вздохнул Федя.— Ну ладно, а где пароль на связь с агентом ЦРУ?

— Сейчас, сейчас...— Моня рылся в бумажках.— Сема, где такой желтенький листок?

— Желтенький? — уточнил мальчик.— Я его уже съел. Как ты учил, дедушка.

— Идиёт! Я учил сначала прочесть, а только потом съесть! Извините, товарищ агент!

Москва снова передаст, и я снова поймаю...

— Нет, следующий сеанс связи только через три дня,— Федя решительно прокусил ворот своей сорочки и достал оттуда капсулу.— Дайте это ребенку!

— Нет! — бабушка прикрыла мальчика собой.— Ребенок, конечно, виноват, но он еще ребенок! Лучше убейте меня! А еще лучше убейте Моню!

— Спокойно! — осадил ее Федя.— Это слабительное. Буду ждать в кафе напротив!

Федя пил кофе, читая газету, за одним из столиков на улице под вывеской кафе «Фортуна».

И вдруг увидел: вся в солнечном сиянии, пробивающемся сквозь зелень листвы, шла, плыла, приближалась прекрасная певица Маша Полонская, причем уже не в эстрадно-легкомысленном одеянии, а в строго-элегантной одежде.

Лицо Феди озарилось радостной улыбкой, он отбросил газету, привстал, но перед его мысленным взором возникло лицо полковника Петренко, ведущего урок в высшей школе КГБ.

— Слушатель Соколов! Доложите первую заповедь разведчика!

Совсем тогда еще юный Федя вскочил и отрапортовал:

— Разведчика может погубить красивая женщина!

— Откуда вывод?

— Разведчик должен сам погубить красивую женщину!

— Вывод неправильный,— покачал головой полковник.— Правильный вывод: разведчик должен красивую женщину игнорировать!

Воспоминание охладило Федю, он прикрылся газетой, надеясь, что Маша пройдет мимо. Но Маша мимо не прошла. Федя заметил из-под газеты ее остановившиеся ноги. Он опустил газету, чтобы не видеть этого стройного соблазна. Но тогда над газетой возникло не менее соблазнительное лицо.

— Доброе утро! — улыбнулась Маша, присаживаясь за столик.

— Занято! — рявкнул Федя.

Маша растерянно вскочила.

— Извините, но я хотела...

— Здесь полно свободных мест!

— Что с вами? — удивилась Маша.— Вчера вы себя вели гораздо галантней...

— Выпивши был! — грубовато объяснил Федя.

Тут из окна дома высунулась жена Мони с ночным горшком в руке.

— Товарищ агент! Все готово!

Федя бросился в подъезд. Маша проводи-

ла его изумленным взглядом.

— Шифровка восстановлена! — Моня подал Феде бумажку.

На ней было написано: «Встреча агентом ЦРУ десять утра кафе «Фортуна» третий столик пароль: «На Дерibasовской хорошая погода», отзыв: «На Брайтон-Бич опять идут дожди».

— Так! — Федя посмотрел на часы. — Спасибо, мне пора!

Он вышел из подъезда, глянул на вывеску кафе «Фортуна», часы под ней показывали ровно десять. Федя прикинул глазом третий от входа столик... Это был тот самый, за которым пил кофе он, а теперь сидела Маша.

— Вы еще здесь? — нахмурился Федя.

— Да, я здесь, — сухо сказала Маша. — И я хочу вам сказать...

— Меня не интересует, что хотите сказать вы! А я вам уже сказал: занято! У меня здесь важная встреча!

— Но у меня, представьте, тоже встреча. И тоже важная.

— Поищите для встречи с каким-то вашим idiotом другое место!

Маша вдруг расхохоталась.

— Встреча с этим idiotом назначена именно здесь! Я ему должна сообщить, что на Дерibasовской хорошая погода.

— К чертям разговоры о погоде! Сколько можно вам твердить... — Федя осекся. — Что-то? Что вы сказали?..

— Я сказала: на Дерibasовской хорошая погода, — насмешливо повторила Маша.

— На Брайтон-Бич опять идут дожди... — пробормотал Федя.

— Ну, слава богу! — Маша погасила улыбку и протянула руку. — Агент ЦРУ Мэри Робинсон!

— Федя... — растерянно ответил рукопожатием Федя.

Но уже в квартире от Фединой растерянности не осталось и следа. Он шустро накрывал стол: коньяк, рюмки, салфетки, нарезанный лимончик, коробка конфет. И весело приговаривал:

— Это, конечно, сюрприз, но не скрою — приятный! Я уж было загрустил, знаете, на чужбине так одиноко... А теперь — совсем другое дело: родственные души! Мы сработаемся, я уверен, мы отлично сработаемся!

Оглядев законченный натюрморт, он объявил:

— Прошу к столу! Маша... Мэри... Где вы?

— Я в ванной, — донесся ее голос. — Идите сюда.

— Как?.. — чуть запнулся он. — Прямо... сейчас?

— Да-да, идите скорей!

Больше Федю не надо было уговаривать. Сбрасывая на бегу пиджак, срывая галстук, он поспешил к ванной. Приоткрыл дверь, заглянул: там шумел душ, и виднелся за занавеской стройный силуэт Мэри.

Эта картина придала ему куражу, Федя сбросил сорочку, брюки, сказал игриво:

— А вот и я!

Он отдернул занавеску и замер: Мэри стояла в ванне спиной к нему, одетая, водяные струи били мимо нее, а она что-то привинчивала к головке душа.

— Это наша новейшая разработка — автоматический отключатель...

Федя задернул занавеску и, пока она говорила, стал лихорадочно одеваться.

— Так вот, он автоматически отключает душ, если вместо воды подадут серную кислоту.

Мэри отдернула занавеску — Федя успел застегнуть последнюю пуговицу сорочки. Поспешно спросил:

— Вы полагаете, кто-то захочет искупать меня в кислоте?

— Русская мафия способна на все! — сообщила Мэри. — А я отвечаю за вашу безопасность.

— Ну тогда я спокоен! И мы можем, наконец, выпить за начало нашей совместной деятельности.

Федя поспешил из ванной к столу, наполнил рюмки, поднял их.

— Маша! Ну, Мэри... Где вы?

Ответа не последовало. Он вернулся в ванную. Но там Мэри не было.

— Ну где же вы?

— Я здесь! — раздалось позади него.

Мэри вошла в квартиру с лестничной площадки.

— Черный ход удачный — в тихий переулочек, — сообщила она опешившему Феде. — И пожарная лестница на случай отхода свободна от всякого хлама.

— Прекрасно! — Федя снова поднял рюмки. — Значит, мы можем наконец выпить...

— Нет-нет, — она задумалась. — Кажется, я что-то еще не проверила...

Федя заметил тоном коварного сердцееда:

— Кажется, вы не проверили мою спальню?

— Да-да, с точки зрения безопасности, спальня — это очень важно.

— Еще бы! — в том же своем тоне подхватил Федя. — Прошу изучить...

Мэри направилась в спальню. Федя кошачьей походкой последовал за ней, прихлопнув дверь за собой.

Через секунду в спальне послышался шум борьбы и короткие вскрики. Затем все стихло. Из спальни появилась одна Мэри — элегантная, подтянутая.

— С точки зрения вашей безопасности, спальня в полном порядке!

Мэри подошла к столу, намазала икрой два бутерброда, положила на две тарелки ломтики лимона и подняла две рюмки.

— Федя! Вы предлагали выпить?

Из спальни появился, держась за подбитый глаз, с оторванным воротом сорочки, но, как всегда, бодрый Федя.

— Да-да, непременно выпьем!

— За успешное начало нашей совместной деятельности? — улыбнулась Мэри.

— А давайте лучше на брудершафт! — неугомонный Федя потянулся к Мэри своей рюмкой.

— Пристрелю, — глядя ему в глаза, сказала Мэри и спокойно добавила: — Как собаку.

— Понял, — кивнул Федя и залпом осушил свою рюмку.

Мэри выпила свою. Они молча закусывали. Потом Мэри сказала:

— До встречи в верхах осталось десять дней. А главарь русской мафии по кличке Артист по-прежнему неуловим. Мы пытались внедриться в казино мафии в Лас-Вегасе. Результат — труп нашего агента. Затем мы внедрились в их притон «Ласковый кайф»...

— И снова труп? — догадался Федя.

— Два трупа, — жестко отвечала Мэри.

— А-а, — съязвил Федя, — за их безопасность тоже отвечали вы?

Мэри бросила на него испепеляющий взгляд и продолжила:

— Один из агентов, прежде чем стать трупом, успел сообщить: в Нью-Йорк прибывает шейх Абу-Табу-Рет. Мафия готовит похищение с целью выкупа. Нам надо действовать! Искать, искать...

— Я никогда никого не ищу. Всегда ищут меня.

— Ну, это нетрудно. Вы как агент уже раскрыты информацией, которую дал в газете какой-то кретин!

Лицо Феде стало каменным, взгляд стальным, голос железным:

— Агент Робинсон! Сообщаю вам государственную тайну: этот кретин — я!

— Как?! Вы сами себя раскрыли? Но... зачем?

— А затем, чтоб сработал мой метод — «Ловля на живца»!

Железная Мэри на миг растерялась. Увидела болтающуюся на ниточке пуговицу на манжете Федеиной сорочки и сказала примирительно:

— Давайте я пришью...

— Спасибо, я сам, — сухо отказал Федя.

Он потянул за манжет и... вытащил из пиджака весь оторванный рукав сорочки.

В знакомом штабе русской мафии дети разных народов в костюмах тридцатых годов стоя приветствовали овацией Иосифа Вис-

сарионовича Сталина, в образе которого на этот раз явился перед ними Артист. Он пережидал аплодисменты, потягивая свою трубочку. Потом поднял руку, и зал мгновенно стих.

— Садитесь, товарищи... Я, конечно, не Гоголь, но, как говорится в бессмертной комедии «Ревизор», я собрал вас, чтобы сообщить пренеприятное известие. Да вы уже и сами знаете: к нам приехал агент КГБ!

В зале стояла гробовая тишина.

— Какие будут предложения, товарищи?

— Разрешите? — вскочил маленький носатый Кац.

— Слушаем вас внимательно, товарищ Кац.

Кац попытался проглотить ком в горле, но не смог, налил себе «боржом», дробно стуча бутылкой о стакан, потом застучал о стакан зубами, выпил и только после этого произнес:

— Я предлагаю... Я предлагаю сдаться!

И опять была мертвая тишина. Артист-Сталин пыхнул трубкой:

— Русские не сдаются, товарищ Кац!

Кац покрылся испариной. Огромный Шкаф похлопал его по плечу, Кац сложил руки за спиной и обреченно ушел.

Артист неслышно прошелся в мягких сапогах. Все, как кролики за удавом, следили, кого он изберет для беседы.

— А что думает... что думает... товарищ Хабибулин?

Толстяк Хабибулин поправил тубетейку.

— Я думаю нас уже ловило цэрэу-шмэрэу, фэбэр-шмэбээр, интерпол-шминтерпол... Вах, пусть теперь нас половит кэгэбэ-шмэбэб!

Артист опять пыхнул трубкой, улыбнулся пронзительно:

— Мне кажется, товарищ Хабибулин... шмабибулин, забыл, что такое КГБ!

Теперь Шкаф похлопал по плечу Хабибулина, тот снял тубетейку, утер мигмом вспотевшую лсыну и, тоже сложив руки за спиной, вышел.

— Я вам скажу больше, — продолжил Артист, — он не просто из КГБ, он еще и из Одессы!

Полная безнадега омрачила лица всех собравшихся.

— Мне кажется, товарищ Шкаф имеет конкретное предложение.

Шкаф сказал с плотоядным оскалом:

— Я предлагаю тому хлопцу пару лишных дырок у голове!

— Интересное предложение... Но — преждевременное. А как вы думаете, товарищ Хрюкскене?

Белокурая Хрюкскене поправила мощную грудь.

— Я с вами совершенно согласна! Блок Прибалтики предлагает соблазнить клиента... э-э, агента.

— Попытка — не пытка, — Артист мягко

улыбнулся.— Мы высоко ценим ваши прелести, товарищ Хрюксене... Но, по нашим сведениям, у товарища агента КГБ здесь появилась большая и чистая любовь. Так я говорю, Лаврентий?

Усатый Цуладзе что-то ответил ему по-грузински. Артист тоже бросил ему несколько грузинских слов. А затем сообщил всем:

— Товарищ Цуладзе говорит: если трудно соблазнить и если рано убить, значит, нужно купить! По-моему, очень правильно говорит товарищ Цуладзе!

В храме Троице-Сергиевой лавры шла служба. Среди прихожан советские и американские разведчики в штатском тоже озирали неземную красоту, слушали торжественное пение и осеяли себя крестным знаменем.

Генерал и Шеф стояли перед иконой с темным ликом и крестясь тихонько спорили:

— Это он!

— А я говорю: не он!

— Нет, он!

— А вот и не он!

Генерал обратился к молящейся старушке, указывая на икону.

— Скажите, бабушка, это Николай-угодник?

— Окстись, сынок! Это святая Мария Магдалина!

Генерал насмешливо глянул на Шефа. Тот вздохнул и привычно подставил свой лоб.

— Не здесь! — шепнул Генерал.

Они отошли в темный угол, и Генерал дал американцу первый шелобан.

А волшебный хор продолжал ангельское пение, а свечи сияли, а остальные разведчики крестились, и лица их были воодушевлены.

Генерал отвечивал шелобаны. Шеф печально считал.

— Шесть, семь, восемь...

К ним подошел молодой священник с кадилом, негромко сказал:

— Товарищ генерал, разрешите обратиться?

— А-а, капитан,— Генерал продолжал щелчки.— Как идет служба?

— Служу Советскому Союзу! Нынче окропили святой водичкой высшую комсомольскую школу да крестили секретаря райкома.

— Хорошо. Есть проблемы?

— Архиепископ не присваивает мне очередное звание.

— Значит не положено! — Генерал дал Шефу очередной шелобан.

— Чего не положено! — обиженно окал батюшка.— Вон Семенову мулла в мечети уж через год майора дал!

— Ислам это есть тяжелый участок работа,— заметил Шеф.

— А здесь легкий? Не-а, я лучше уйду в синагогу!

Рука Генерала в очередной раз зависла надо лбом Шефа, но при этих словах он развернулся и врезал увесистый шелобан батюшке.

И гулко ударил колокол...

Федя с тележкой для покупок шел по супермаркету, сияющему неоновым огнем и изобилием продуктов: десятки сортов колбас и сыров, розовые бока окороков и ветчины, красная, белая и еще черт знает какая рыба, пирамиды апельсинов, связки бананов, гроздья винограда и неисчислимые батареи винных бутылок.

Внимание Феде привлек знакомый голос:

— Это мафия! Я требую жалобную книгу!

Федя усмехнулся и пошел на голос — в небольшую дверь, над которой была надпись: «Внимание вновь прибывших эмигрантов из СССР! Только у нас ностальгические товары для постепенной адаптации к американской жизни».

Все, что было за дверью, представляло разительный контраст с тем, что находилось перед ней: задрипанное помещение, продавщица в грязном халате, конторские счета и весы с гирями, а на полках — сырки «Волна», вареная колбаса в целлофане, банки килек в томате.

Посреди всего этого убожества митинговал дядя Миша с авоськой в руке.

— Я вам напишу! Я вам напишу в жалобную книгу!

— Пиши, пиши, грамотный,— хамски отрезала продавщица.

— Чего шумим, дядя Миша? — спросил вошедший Федя.

Тот очень ему обрадовался.

— Вы будете свидетель! Это мафия! Вы думаете, здесь настоящие отечественные товары? Не-ет, я пятнадцать лет отовариваюсь, раньше — да, а теперь?.. Они пишут «Волна», но записывают туда французский «Камамбер»! Вчера я открыл банку килек — и что вы думаете? Там сплошной лосось! А колбаса? Написано «Молодежная»! Ха-ха! Это же чистой воды телятина! Где крахмал, где туалетная бумага, где хоть какой-нибудь наполнитель? Нет, вы посмотрите, вы сами посмотрите...

Дядя Миша переломил палку колбасы и осекся — на колбасном изломе белел клочок бумаги.

— Ну вот, товар качественный! — засмеялся Федя.— А вы говорите: мафия, мафия...

Дядя Миша растерянно выковырял бумажку из колбасы и растерялся еще больше:

— Вы не поверите, но это — вам...

Федя взял бумажку. На ней было написано: «Агенту КГБ лично».

Потом он звонил из автомата.

— Ключуло, Мэри, ключуло! Я говорил: они сами найдут меня! Встреча сегодня в Лас-Вегасе, казино «Золотой Дюк». Я вылетаю, привет!

Дома Федя собирал кейс: самое необходимое — зубная щетка, паста, мыло, пистолет.

Как обычно без звонка и стука, в комнате возникла Мэри с большим кофром. И без предисловия сказала:

— Наденьте это!

Она открыла кофр: там лежал черный фрак с белой манишкой.

— А-а,— догадался Федя,— вечерняя форма одежды для казино?

Он взял кофр, ушел в спальню...

...и вновь появился — уже во фраке, манишке и бабочке.

— Ну как? — ослепительно улыбнулся Федя.

— Посмотрим,— деловито сказала Мэри.

И, выхватив револьвер, всадила ему в грудь всю обойму. Выстрелы отбрасывали Федю, он летел, ломая стулья, сбивая вазы, пока не грохнулся в углу.

Мэри подошла к Феде, ошупала его манишку, поправила бабочку.

— Теперь я спокойна. Бронефрак японской фирмы «Ясукинсан» абсолютно надежен!

Федя спросил, еле ворочая языком:

— А если бы... он оказался... бракованным?

— Это была бы трагедия,— вздохнула Мэри.— Для фирмы. Мы бы навсегда отказались от ее услуг!

Мэри небрежно хлопнула Федю по щеке. Ее жест имел неожиданное последствие: только что чуть ли не умиравший Федя резво вскочил и попытался обнять Мэри. Она оттолкнула его, схватилась за пистолет:

— Я вас предупреждала!

— Но в этом костюме я чувствую себя в полной безопасности!

Он снова попытался ее обнять. Мэри сорвала со стены картину и надела ее на голову Феде.

А потом Федя, в элегантном бронефраке, вел сияющую лаком машину по скоростному шоссе, по обе стороны которого простиралась пустыня.

На горизонте появилось какое-то сияние, затем из него, как мираж, возник залитый огнями город-мечта ловцов удачи — всемирно известный Лас-Вегас.

Федя катил по нарядным улицам, сияющим блеском реклам и названий бесчисленных казино и отелей. Несколько поворотов — и вот уже манящая неонов вывеска «Золотой Дюк».

Федя подъехал к стоянке автомобилей. Служитель в униформе распахнул дверцу

машины, приветливо улыбнулся.

— Добрый вечер, господин Соколов! Вас ждут у первого входа.

Федя отдал ему ключи от машины и направился в казино.

А служитель достал из кармана переговорник и что-то сообщил.

У входа Федю встретила блондинка с бесконечно длинными ногами под беспредельно короткой юбочкой. В руках у нее был поднос с напитками.

— Угощайтесь, господин Соколов! И прошу — в конце зала кабинет номер семь.

Федя взял с ее подноса бокал и, потягивая коктейль через соломинку, направился в главный зал.

А девушка склонилась к микрофончику на своей бретельке и что-то сказала.

В холле Федя полюбовался еще одним островком Одессы — ансамбль в соломенных канотье пел одесские песни.

Затем Федя вошел в зал и остановился, озирая грандиозную картину.

Множество ловцов удачи с безумным блеском в глазах пытались поймать свой шанс, лихорадочно дергая рукоятки «одноруких бандитов», и над залом стоял неумолчный звон «квотеров» — двадцатипятицентовых монет. Клиенты посольной сидели за столами рулеток или резались в карты — «баккара» и «блэк джек». А самая большая толпа собралась возле центрального «Колеса счастья», над которым горела цифра максимального выигрыша — миллион долларов. Но каждым своим оборотом колесо перемалывало в пыль очередную мечту о прозрачном миллионе. Искателям счастья оставалось лишь запивать печаль коктейлями, которые разносили девушки в юбочках чуть пониже и с декольте чуть повыше пупка.

Федя, тоже попивая на ходу коктейль, шел через зал. Навстречу двое дюжих полисменов вели всклокоченного, истерично хохотавшего мужчину. В руке у него была оторванная рукоятка автомата, которую он продолжал дергать и сам себе кричал: «Дзины! Дзины! Дзинь-дзинь!»

Федя усмехнулся, но тоже как-то невольное нашарил в кармане монету и опустил в автомат. Тот звякнул и проглотил «квотер». Федя пошел дальше... но остановился, опять достал монетку, поднес ее к прорези автомата... На плечо Феде легла рука.

— Главное в игре — вовремя остановиться!

Федя обернулся. Позади него стояла Мэри.

— О, а вы здесь зачем? Даете советы начинающим игрокам?

— Нет, я здесь отвечаю за вашу безопасность!

Федя вдруг поманил ее пальцем. Мэри доверчиво приблизилась, и он зашептал ей на ухо быстро и жарко:

— Мэри... Маруся! Не надо лгать ни мне,

ни себе! Вы просто не можете без меня ни секунды, вы влюблены в меня, как кошка!

Мэри гневно открыла рот для достойного ответа, но он приложил палец к ее губам.

— Ни слова о любви!

И, подмигнув ей, быстро пошел через зал. Мэри яростно глядела ему вслед. Но вдруг уловила устремленный на нее глаз какого-то бородатого карлика. Она профессионально сменила яростное выражение на маску скушающей дамы, достала из сумочки «квотер», опустила его в автомат и дернула ручку — автомат ответил пустым звоном.

Мэри достала вторую монетку и краем глаза увидела, как Федя в конце зала вошел в дверь под номером «7».

В небольшом богато обставленном кабинете за карточным столом сидели знакомые нам по штабу мафии усатый красавец Цуладзе и еще двое усачей. Возле игрового стола был сервировочный столик со множеством напитков.

— Дорогой! — Цуладзе, распахнув объятия, поспешил навстречу Феде. — Проходи, дорогой, давно ждем, дорогой, присаживайся!

Федя уклонился от его объятий, но сел к столу.

Цуладзе подкатил сервировочный столик, наполнил бокалы.

— Угощайся, дорогой! Этот маленький бокал...

— Но с большим чувством! — перебил Федя. — Для этого вы меня сюда и вызвали?

— Зачем вызвали, дорогой? Пригласили! Посидеть, поговорить, немножко поиграть... Очень хорошая игра — карты!

Цуладзе взял колоду и устроил фейерверк фокусника: карты в его руках рассыпались лентой, свернулись кольцом, скользнули гибкой змейкой.

— Талант! — вежливо оценил Федя.

— Вай ме, игра зависит не от таланта, а исключительно от везения. — Цуладзе прищурился. — И у меня такое ощущение, что тебе, дорогой, сегодня повезет. Тысяч, наверно, на сто повезет!

— А может, сто пятьдесят?

Цуладзе обрадовался началу торга и заверил:

— Очень может быть, повезет даже тысяч на двести... если ты уедешь домой. К маме, дорогой.

— Это все?

— Почему все? Может быть, повезет даже на триста тысяч!

— Ясно. Но переговоры я буду вести только с Артистом.

— Каким артистом? Что за артист, дорогой?

— Не валяйте дурака! Я хочу видеть Артиста. Лично!

Федя встал. Цуладзе придержал его за плечо.

— Не горячись, дорогой. Все хотят видеть его лично. Но никто еще не видел. — Цуладзе широко улыбнулся. — Ну, триста тысяч и билет на самолет? Да, дорогой?

— Нет, дорогой, — улыбнулся в ответ Федя. — Я не могу уехать, не попрощавшись с Артистом. Невежливо, понимаешь, дорогой?

Он направился к выходу из кабинета. Но два усача преградили ему путь. А Цуладзе, погасив улыбку, сказал:

— Из нашего казино так просто не уходят!

— Из вашего? — улыбнулся Федя. — Было ваше — станет наше!

Он вернулся к столу, взял колоду карт и показал фокуснику Цуладзе свой класс: карты в его руках не только собирались лентой, змейкой и кольцами, но и вовсе летали по воздуху, как живые, выделявая фигуры высшего пилотажа. Усачи следили за этим волшебством, приоткрыв рты, в конце полета карты сами оказались у них в руках — по шесть у каждого. Усачи захлопнули рты. А суперагент спокойно отстранил их от двери, одернул фрак, поправил бабочку и вышел из кабинета в зал.

Мэри у автомата боковым зрением засекла выход Феде и опустила очередной «квотер». Автомат его проглотил без всякой отдачи. Мэри опять достала монету.

Федя же с гораздо большим успехом прошелся вдоль ряда автоматов: он небрежно опускал по монетке и каждый автомат наваливал полное корыто «квотеров». Униформисты пересыпали их на тележку и повезли за Федей.

А он направился к столам игроков в «блэкджек». Здесь Федя больше не демонстрировал манипуляции фокусника, а просто получал карты, бросал их, даже не заглядывая, и пересаживался к следующему столику. Униформистам оставалось лишь собирать за ним фишки-чипы на вторую тележку.

Возле рулеток Федя не стал и присаживаться, а подобно гроссмейстеру, дающему сеанс одновременной игры, шел вдоль рулеток в одну сторону, делая ставки на «красное», «черное» или «зеро», а в обратную сторону шли униформисты — собиратели выигрыша.

За Федей следовали уже три тележки, полные монет и чипов, а также толпа болельщиков — клиенты казино, бросившие все игры.

Только один человек продолжал свою игру: Мэри, ничего не видя и не слыша, как лунатик, все бросала и бросала монеты в автомат. Перед бросками она предпринимала различные мистические усилия: шептала заклинания, истово крестилась, вертелась на одной ножке... Но ненасытная утроба погло-

шала все, не выдавая взамен ничего.

А в дальнем углу зала пребывали в полубморочном состоянии трое усачей. Цуладзе хрипел в радиотелефон:

— Катастрофа! Он выиграл все — автоматы, карты, рулетки... Он уже идет к «Колесу счастья»! Батоно Артист, что делать?

— Ну если даже «Колесо счастья»... — голос Артиста в телефоне стал жестким. — Тогда вы знаете, что делать!

Усачи переглянулись и достали из карманов пистолеты.

А Федя уже стоял у сияющего огнями «Колеса счастья». Болельщики разом зачихали.

Усачи медленно поднимали пистолеты.

Униформист запустил колесо. Оно начало плавное вращение. Все, затаив дыхание, следили за ним.

Усачи поднимали пистолеты все выше и выше.

Суперагент сосредоточился, уставился пронзительным взором экстрасенса на вращающееся колесо. Оно подплыло к нужной цифре... Переваляло за нее... Толпа ахнула. Федя еще больше напрягся. Колесо качнулось назад... Толпа снова ахнула. Федины глаза чуть не вылезли из орбит. Колесо чуть подалось назад и застыло.

Усачи подняли пистолеты к своим вискам и нажали курки.

Но три выстрела не были услышаны в оглушительном звоне колеса, реве толпы и громе музыки, извещавших, что главный приз взят.

Федя спокойной походкой человека, не зря прожившего свой день, направился к Мэри, которая, все так же ничего не видя и не слыша, бросала «квотеры» в автомат.

— Дорогая, — светским тоном напомнил он ее же слова: — Главное в игре — вовремя остановиться!

— Сейчас, сейчас, — твердила Мэри с безумным пожарчиком в очах. — Последний раз... самый последний...

И бросила новый «квотер». Со старым результатом. По щеке Мэри покатила одинокая слеза.

Суперагент покачал головой и сказал автомату:

— Слушай, бандит, у тебя совесть есть?

Автомат виновато помигал лампочками и со страшным звоном высыпал в корыто все награбленное.

Свидетели происходящего разразились новыми криками восторга.

Перед Федей склонился управляющий казино:

— Как прикажете распорядиться? Чек? Наличные?

— Нет, приобретите мне одноразовые шприцы.

— На всю... сумму? — пролепетал управляющий.

— На всю. И отправьте в Одессу.

Федя галантно взял Мэри под руку и повел ее сквозь коридор аплодирующих зрителей. Она было дернулась, но сдержалась под взглядами публики. И они чинно проследовали к выходу из зала.

За дверью Мэри высвободила руку и сказала:

— Меня учили признавать свои ошибки, и я признаю: я вас недооценила.

— Никогда не поздно оценить! — Федя приобнял Мэри.

Но она вырвалась и сухо уточнила:

— Я недооценила вас как профессионала. Вы отлично провели эту игру.

— Да что я, — скромно сказал Федя. — Видели бы вы, как полковник Петренко дает сеанс одновременной игры в тюремное очко. На двадцати четырех нарах!

Арбат жил своей новой вольной жизнью. Художники торговали картинами, поэты зазывали стихи, музыканты играли на всевозможных инструментах, шаржисты малевали моментальные шаржи, умельцы расхваливали матрешек, ложки, расписные подносы, добровольцы с глазами фанатиков, позванивая монетами в кружках, собирали пожертвования на благотворительные фонды.

Советские и американские разведчики стояли посреди толпы. Генерал пояснял:

— Наш знаменитый Арбат — остров свободы творчества и предпринимательства. Здесь каждый найдет что угодно для души...

И верно, оба Обжоры приножились к ароматам шашлыков, которые жарил обросший мужик в белом, но грязном халате; Весельчаки хихикали, глядя на шаржи политических деятелей; Шеф с интересом уставился на цыганистого парня, который молниеносно манипулировал наперстками на картонке в окружении жаждущих сорвать крупный куш; и только оба Нервных тревожно озирались вокруг, не выпуская рук из карманов.

— Друзья, — продолжил Генерал, — вы можете приобрести сувениры. Но учтите, эти... работники искусств... предпочитают доллары. — Он спросил у Адъютанта: — Какой нынче курс на черном рынке?

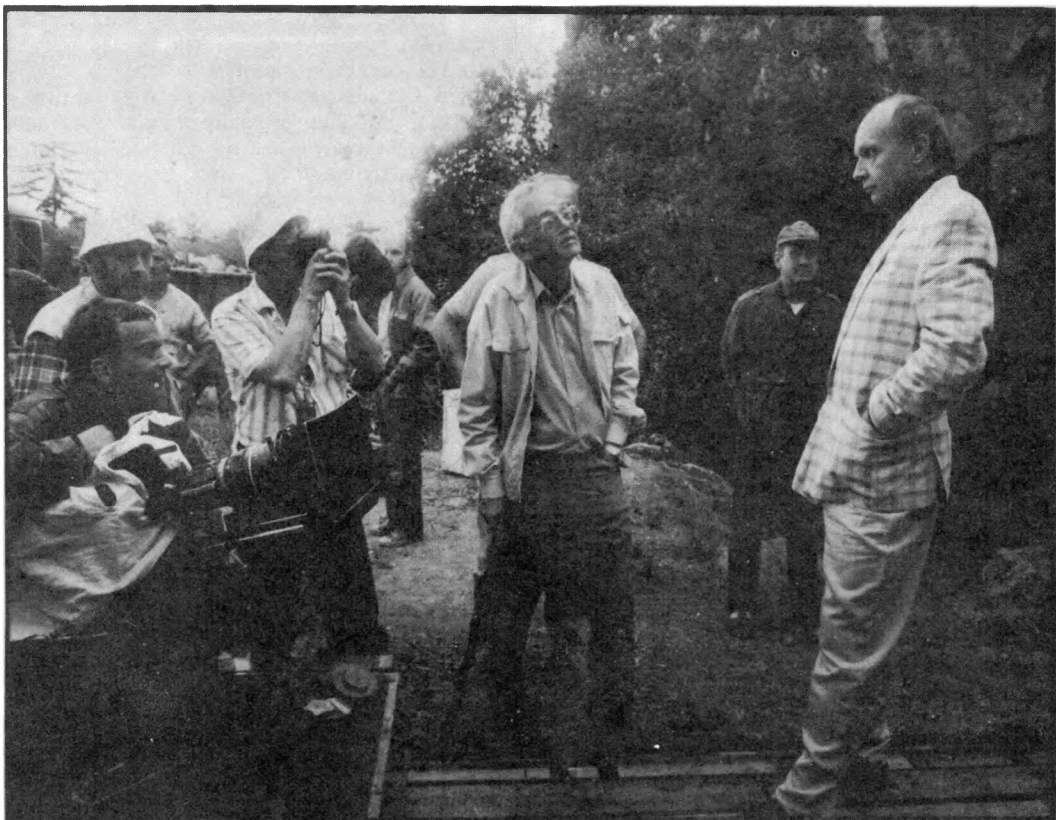
— Один к ста двадцати, — доложил Адъютант.

— Ну вот, — объяснил Генерал, — за один рубль дают сто двадцать долларов.

Адъютант поперхнулся, но не решился поправить начальника.

— Прошу, друзья, у вас есть полчаса...

Обжоры с ходу рванули к шашлыкам. Весельчаки уселись перед шаржистом, готовые позировать. Нервные стали спиной к

Рабочий момент. Оператор В. Алисов, реж.-пост. Л. Гайдай, дядя Миша — А. Мягков

спине, заняв круговую оборону.

— А мы с вами, Джек...— Генерал обернулся.— Джек! Где вы?

Генерал и Адъютант завертели головами и увидели: Шеф — уже в трусах, майке и шляпе — сидел на корточках перед цыганистым наперсточником, возле которого были сложены пиджак, брюки и галстук Шефа.

Генерал с Адъютантом рванули туда. Наперсточник совершил очередную манипуляцию наперстками. Американец заметался глазами и наконец указал:

— Здесь!

Парень поднял наперсток, шарика там не было.

Шеф сорвал с головы шляпу и бросил ее на остальную свою одежду.

— Теперь давай на майка!

Но дальнейший стриптиз был прерван появлением Генерала с Адъютантом.

— Джек! — Генерал подхватил Шефа под мышки.— Вы увлеклись, пойдёмте, пойдёмте отсюда...

— Нет! Я должен поймать чертов шарик! — вырывался Шеф.

— Какой шарик! Это все липа, жульничество...

— Че там жульничество! — оскорбленно

забузил наперсточник.— Дрейфишь сыграть — так и скажи!

Генерал оставил Шефа, подошел вплотную к наперсточнику.

— Пре-кра-тить! Лейтенант Цыганенок! Вернуть нашему гостю проигранное!

«Наперсточник» мгновенно видоизменился, козырнул:

— Есть, товарищ генерал!

Он вежливо подал обалдевшему от этой метаморфозы американцу его одежду. Тот стал натягивать брюки.

— Разрешите идти? — снова козырнул наперсточник.

— Лейтенант Цыганенок! — нахмурился Генерал.

Наперсточник помялся, достал из кармана пачку долларов, вернул их американцу и четко развернулся, чтобы уйти.

— Лейтенант Цыганенок! — еще больше нахмурился Генерал.

Парень снова помялся, вздохнул, достал из кармана револьвер и с большим сожалением вернул его американцу.

Позади них раздался крик юноши, размахивающего газетами:

— «Свободная пресса»! Последние новости! Суперагент КГБ Федор Соколов нанес

первый удар русской мафии в Америке! Банкротство казино и три трупа мафиози!

— О! — воскликнул Шеф. — Как сказать русский пословиц, ваш прострел везде поспел! Примите мои поздравления!

Генерал кисло пожал руку американцу. И процедил Адьютанту:

— Почему желтая пресса узнает все раньше нас?

— Рыночная экономика, — объяснил Адьютант. — Кто платит больше, тот узнаёт раньше!

Генерал только крикнул и сменил тему:

— Сокол, Орлов!.. Э-э, то есть орел, Соколов! Но это пока не главное. Главное — Артист!

Артист — на этот раз в образе лысого Никиты Хрущева — стучал ботинком по трибуне в штабе мафии, где его слушали одетые теперь в костюмы шестидесятых годов дети разных народов, но уже без Цуладзе и двух усачей.

— Я им покажу кузькину мать! — орал Артист. — Я их закопаю, всех закопаю в могилу!

— Уже троих закопалы, — мрачно сообщил Шкаф.

— Жалко Цуладзе! — рявкнул Артист. — Мы потеряли казино! И это должна быть наша последняя потеря! Какие предложения?

— Я предлагаю сдать! — вскопился носатенький Кац.

Шкаф придавил его за плечо на место.

— Та яке там сдать? Артист, разрешите, я его подорву, як склад боеприпасов!

— Рано, рано... Кто еще что?

— Уважаемые, — Хабибулин почесал лысину под тубетейкой. — Вспомните, что в нашей... бывшей... советской стране главный грех?

— Пьянка! — вспомнил красномордый мужик.

— Взятка! — возразил тощий с глазами-буравчиками.

— Абстракционизм! — брякнул Артист-Хрущев.

— Нет, уважаемый Иванов, пьянку простят. Нет, уважаемый Иваненок, взятку забудут. Нет, глубокоуважаемый Артист, абстракционист покается. А главный советский грех — это аморалка.

— Ага-ага, — обрадовался Артист. — А конкретно?

— Конкретно пригласим уважаемого агента КГБ в «Ласковый кайф». Кокаин-героин, девочки, фотографии в газетах — и уважаемый агент-шмагент лопнул, как спелая дыня!

— Да не пойдет он в твой притон! — усомнился молдаванин в папахе.

— А это, господин Кодряну, я беру на себя! — белокурая Хрюкскене взбила, как подушку, свой пышный бюст.

— Я поняла, вы посланы богом! — пламенно сообщила Феде в его квартире Хрюкскене, преображенная строгим костюмом и шляпкой с вуалью.

— Я послан не богом, а Комитетом государственной безопасности! — уточнил Федя.

— Это одно и то же! У вас свои счета с мафией, у меня свои. Чем я могу вам помочь?

— Выведите меня на Артиста.

— О-о, Артист! — Хрюкскене заговорила с волнующим придыханием. — Негодяй! Он лишил меня невинности в тринадцать лет.. Нет, в двенадцать! — Она придвинулась к Феде. — Это было в парке, сияла луна...

— Не надо подробностей, — отодвинулся Федя.

— Надо! — снова придвинулась она. — Сияла луна, он сорвал мои одежды, бросил на клумбу роз, вот так...

Она попыталась откинуться спиной на руки Феде. Но он удержал ее в вертикальном положении.

— Хватит! Дальнейшее я представляю...

— Нет, вы не представляете! Вы даже не можете себе представить, как он сорвал... как бросил... как лишил меня невинности... Ах, как он меня ее лишал! О-о!

Говоря все это, она наступала на Федю, а он пятился от нее.

— Но, говорят, никто не видел его истинного лица...

— Я видела! Светила луна, он склонился надо мной, обнаженной, и начал меня лишать...

Федя, отступая от нее, уперся спиной в стену и зорал:

— Когда и где?

— Ночью... В парке... — простонала она.

— Нет! Когда и где я увижу Артиста?

— В полночь. Клуб «Ласковый кайф». Он приходит туда в поисках новых жертв... двенадцати... нет, даже одиннадцатилетних...

Опасаясь всплеска новых воспоминаний, Федя подтолкнул ее к выходу.

— Я буду в полночь! — И захлопнул за ней дверь.

Он утер взмокший лоб. А из спальни вылетела Мэри.

— Лживая дрянь! Вы знаете, на что она вас провоцирует?

— Догадываюсь, — тяжело вздохнул Федя.

— Но вы не можете пойти на это!

— Могу, — еще тяжелее вздохнул Федя. — Работа у нас такая.

— Нет, я пойду туда вместо вас!

Федя задумчиво поглядел на Мэри и снова вздохнул.

— Боюсь, в этом деле вы меня не замените.

В небольшой комнате возлежал на подушках лысый толстяк Хабибулин в распахнутом

халате. Со всех сторон к нему прильнули несколько красоток тоже в легких халатиках. Одна страстно обхватила его за шею, другая нежно гладила его лысину, третья поглаживала голый живот... Хабибулин жмурился, как мартовский кот на солнышке.

Но вдруг отстранил от себя красоток и спросил:

— Ну как это выглядит, уважаемый?

Всю эту сцену ловил в объектив фотоаппарата на треноге фотограф под черным покрывалом. На вопрос Хабибулина он показал из-под покрывала большой палец: все о'кей!

— Хорошо, уважаемый, будьте готовы, — Хабибулин обратился к красоткам. — А вы, уважаемые, больше страсти и, я бы даже сказал, секса-шимекса. Как только уважаемого агента КГБ приносят, совершенно бесчувственного, вы бросаетесь к нему...

— Да ясно, ясно, — сказала одна из девушек.

— Нет, не ясно, — строго заметил Хабибулин. — Давайте еще прорепетируем. — И добавил: — В рабочей форме!

Он вновь улегся на подушки, скомандовал: — Его принесли! Ну!

Красотки сбросили халатики и — голенькие — с визгом бросились на Хабибулина.

А тем временем Хрюкскене — на этот раз в сверкающем платье до пят, с разрезами до бедра — вела Федю через окутанные дымом каморки, где молодые и старые люди, одетые вполне прилично или уже опустившиеся, лежа на подушках или просто на полу, курили марихуану, нюхали кокаин, кололи шприцами героин, а завершала эту мрачную анфиладу курильня опиума, который потягивали через кальяны из стеклянных сосудов с адскими вулканчиками красноватой жидкости.

— А это мой рабочий кабинет, — наконец распахнула Хрюкскене перед Федей дверь.

Неизвестно, в чем заключалась ее работа, но рабочий кабинет представлял собой уютнейший будуар с широкой тахтой, большим шкафом и пылающим в углу камином.

— Здесь мы устроим Артисту ловушку, — сказала она. — И вы отомстите за мою поруганную честь, за то, что он лишил меня невинности, о-о, как он меня ее лишал...

Она взволнованно надвинулась на Федю пышной грудью. Он остановил ее резким криком:

— Как будем действовать?

— Я предлагаю так, — опомнилась она. — Вы будете ждать Артиста... ну, например, за портьерой. А пока давайте выпьем.

Она открыла бар с напитками.

Федя подошел к двери, заглянул за портьеру... там стояла Мэри. Он опешил. Она предостерегающе приложила палец к губам. Он опустил портьеру.

— Нет, я поищу укрытие понадежней.

— Пожалуйста, пожалуйста, — Хрюкскене доставала бутылку.

Федя огляделся, пошел к ванной, открыл дверь... за дверью стояла Мэри. И опять прикладывала палец к губам. Федя захлопнул дверь ванной.

Хрюкскене наливала вино в два бокала. Федя повертел головой и не нашел никакого укрытия, кроме большого шкафа. Уже с некоторой опаской он приоткрыл дверцу — в шкафу Мэри не было. Федя хотел закрыть его, но раздался вскрик Хрюкскене:

— Кажется, он идет!

Федя нырнул в шкаф, захлопнул за собой дверцу.

А Хрюкскене достала из декольте таблетку, бросила ее в один из бокалов, стала размешивать.

Федя в щелочку шкафа заметил это, но лишь усмехнулся, повернулся, устраиваясь поудобней... и увидел рядом Мэри.

— Та-ак... Вы и здесь?!

— Я отвечаю за вашу безопасность, — привычно объяснила Мэри.

Таблетка растворилась в бокале.

— Ложная тревога! — крикнула Хрюкскене. — Выходите!

Федя не тронулся с места.

— Слышите, выходите! — шепнула Мэри.

— Только один поцелуй! — нахально попросил Федя.

— С ума сошли? Выходите! Или вы сорвете операцию!

— Один поцелуй. Или вы сорвете операцию!

Мэри яростно чмокнула его в щеку и еще яростней сплюнула.

Федя вышел из шкафа, прикрыв за собой дверцу.

Хрюкскене поджидала его с двумя бокалами в руках.

— У нас есть несколько минут. Выпьем за нашу победу!

Федя взял бокал, поднес его к губам.

Хрюкскене поднесла к губам свой, напряженно следя за Федей.

— Нет! — опустил он бокал. — За победу я пью только после победы.

— Но победа уже близка! — раздосадованная Хрюкскене выпила свой бокал.

— А что вы будете делать после победы? — спросил Федя.

— О, тогда я стану независимой и суверенной! Я вернусь на советскую родину, я поеду на тот маленький хутор, где я родилась, я выйду в то широкое поле, где меня лишили невинности в двенадцать лет... Боже, какое хмельное это вино!

Хрюкскене взмахнула платочком и как бы ненароком уронила его на пол. Федя склонился, чтобы его поднять, а она выхватила из-за подвязки чулка шприц и нанесла ему укол в ягодицу. Но что-то помешало войти шприцу

в тело. Она надавила чуть сильнее, ничего не понимая, но Федя понял все и обернулся к ней с поднятым платочком и с улыбкой на устах. Она еле успела спрятать руку со шприцем за спиной.

— Может быть, — предложил Федя, — пока нет Артиста, покурим?

И достал из заднего кармана брюк металлический портсигар.

— Спасибо... Не курю, — бормотала она, держа шприц за спиной.

— Тогда потанцуем!

Не дожидаясь ее согласия, он включил магнитофон. Раздались пламенные звуки «Ламбады», и они начали огненный танец, вертясь вокруг друг друга. При каждом сближении она пыталась достать его сзади шприцем, но он ловким вывертом удалялся, потом вновь приближался, и она повторяла попытку, а он вновь ускользал и все теснил, теснил ее в танце к стене, пока наконец последним страстным рычком она не уперлась спиной в стену и шприц в ее руке не вонзился в ее же тело.

Хрюкскене бесчувственно сползла по стене на пол.

— Что с ней? — выскочила из шкафа Мэри.

— За что боролась, на то и напоролась! — отвечал Федя.

Мэри склонилась над Хрюкскене, увидела торчащий шприц.

— О-о! — вздрогнула Мэри. — Вам угрожала большая опасность! У меня прямо в горле пересохло...

Она схватила бокал — тот самый, со снотворным, что был приготовлен для Федеи.

— Не пейте! — крикнул он.

Но поздно — Мэри выпила и рухнула рядом с Хрюкскене.

За дверь в соседнюю комнату послышались голоса и шаги. Федя утащил Мэри в шкаф.

В кабинет вошел Хабибулин с двумя вооруженными гангстерами.

— Ну, давайте этого агента-шмагента... — Хабибулин осекся, увидев Хрюкскене со шприцем. — Фу, наркоманка! Надо было колоть его, уважаемая, а не себя! — И приказал гангстерам: — Перекрыть входы и выходы! Найти живого или мертвого!

Гангстеры выбежали из кабинета. Хабибулин вернулся в комнату к девушкам.

Федя в шкафу подумал, достал из карманов дымовые шашки, бросил их в камин и закричал:

— Пожар! Спасайтесь! Пожар!

Дым из каминки поволил в соседнюю комнату, распространился по всему притону, и началась паника. Наркоманы в каморках, бросая шприцы и кальяны, давя друг друга, устремились к выходу. Туда же бежали

гангстеры. Хабибулин, отталкивая обнаженных девиц, пытался вылезти в окно, а девицы стаскивали его за ноги, чтобы вылезти самим.

Дым уже валил на улицу. К притону мчались с воем пожарные и полицейские машины с мигалками.

Федя вынес спящую Мэри в коридор, сунул ей под нос какой-то флакон, она с трудом открыла глаза, услышала крики, загаворила, как сомнамбула:

— Что?.. Где?.. Пожар?.. Инструкция номер семь... В случае пожара вынести опекаемого агента КГБ на руках...

— Это меня устраивает! — усмехнулся Федя.

— Или... — бормотала Мэри, — или...

— Или — что? — поторопил Федя.

— Или... — Она наконец вспомнила: — Или ликвидировать очаг возгорания.

Мэри увидела огнетушитель, вскочила, сорвала его со стены, ударила им о пол и повела вокруг пенной струей.

— Прекратите...

Федя не договорил, потому что действующая еще в полусне Мэри окутала его с ног до головы облаком пены.

Фото обнаженных красоток, курильщиков опиума и прочих клиентов «Ласкового кайфа» были на странице газеты в руках Артиста — на этот раз в образе немощного Брежнева, поддерживаемого в вертикальном положении Шкафом. Грудь его была в иконостасе орденов. Ряды штаба мафии поредел, но зато каждый был тоже увешан орденами и медалями.

— «Агент КГБ сдал американской полиции притон русской мафии» — прочитал газету Артист и пожевал губами. — Что ж это такое, дорогие товарищи?

— Да-а, дела, — вздохнул Иванов. — Хабибулин... Хрюкскене...

— Хрюк... Хрюк... — беспомощно забубнил Артист-Брежнев, пока Шкаф не подsunул ему бумажку, и он прочел: — Хрюкскене и Хабибулина наградить посмертно. — Он на миг оторвался от бумажки. — И меня, кстати, тоже... — Он снова вернулся к бумажке. — Мы потеряли «Ласковый кайф» — надежду и опору нашего развитого капитализма. Терпение лопнуло, нам пора...

— Сдаться! — обрадовался Кац.

— Да, сдаться, — согласился Артист, но Шкаф подsunул ему другую бумажку, и он прочел: — Нет, есть другое предложение: не сдаваться! Через три дня прибывает дорогой шейх, и никто не должен помешать нашей операции. Раз агента КГБ не удалось ни купить, ни дискредитировать, есть предложение уничтожить его физически. Одобрительные аплодисменты, возгласы с мест: «Давно пора!»

Мафия послушно заплодировала, закричала:

— Давно пора! Кончать его! Кончать, и все дела!

Шкаф подсунил Артисту бумажку, и тот прочел:

— Да, кончать пора, но не так просто. Не забывайте, что у КГБ длинные руки. И потому все надо сделать незаметно.

— Та усе ясно,— сказал Шкаф,— несчастный случай!

— Действуйте, товарищ Шкаф,— прочитал по бумажке Артист.— Желаю удачи в вашем благородном деле! — Он пожал Шкафу руку и дочитал: — Благодарю за внимание. Бурные аплодисменты, переходящие в овацию.

Мафия заплодировала. Артист-Брежнев обнял Шкафа и впился в его губы таким поцелуем, что у того глаза полезли на лоб.

В ресторане «Ланжерон» посетители аплодировали Феде, который раскланивался, стоя за своим столиком. Рядом покачивался с рюмкой в руке пьяненький дядя Миша и кричал:

— Это мой друг! Слышите все: это мой лучший друг!

И лез к Феде целоваться.

А за одним из столиков спорили двое: — Илья Ильич, что вы хлопчете? Вы же всегда были против КГБ.

— Да, я всегда против! Там я против КГБ, а здесь я против ЦРУ! — И он закричал Феде: — Да здравствует КГБ — светлое будущее всего человечества!

Барабанщик на эстраде сказал:

— А сейчас к нашим общим поздравлениям агенту КГБ по случаю очередной победы над русской мафией присоединяется несравненная Маша Полонская. Песня «Тайный агент моей души!»

Оркестр заиграл вступление. Федя повернулся к эстраде...

...и мы увидели, что кто-то неизвестный ловит его лицо в оптический прицел.

Маша-Мэри явилась и запела — как всегда прекрасно. Зал слушал по-разному: кто взволнованно, кто выпивая и закусывая при этом.

Дядя Миша отчаянно боролся вилкой с ускользающим по тарелке соленым грибочком. Пока что борьба шла не в пользу дяди Миши.

Федя не отрывал глаз от Мэри...

...а его лицо вновь возникло в перекрестье неизвестного оптического прицела.

К Феде с горящим взглядом и прижатой к груди открытой пробиралась недавняя именнинница — толстушка Софочка. Она шла, как ледакол, раздвигая своими мощными формами столики. Софочка протянула Феде открытку для автографа — это была его фотография. Федя изменил фломастером

свою внешность: пририсовал закрученные усы, круглые очки и большие уши. И лишь затем поставил размашистую подпись...

...и неведомый стрелок взял в прицел это фото Феде, а затем смертельный кружок переместился в лоб его оригинала.

Дядя Миша настиг грибок вилкой, но от нажима грибок взлетел и упорхнул в декольте солидной дамы за соседним столиком. Дама взвизгнула, дядя Миша встал и упорно устремился вилкой в направлении дамской груди, но Федя, ухватив дядю Мишу за пиджак, усадил его обратно.

Дама, стараясь незаметно достать грибок, пошарила в своем декольте и вытащила оттуда... котлету по-киевски с бумажной розочкой на косточке.

А Мэри продолжала очаровывать зал своей песней.

Дядя Миша игриво ткнул Феде в бок.

— Какая женщина! Я вижу, вы нашли свою любовь!

— У разведчика не может быть любви,— сурово сообщил Федя.

— Ах, любовь — не любовь, лишь бы жена хорошая!

— У разведчика не может быть жены.

— Кто вам сказал этих глупостей?

— Полковник Петренко. Он никогда не женился. Сколько об этом ни просили его дети!

Прицел неизвестного стрелка подобрался к центру лба Феде. Но тут, желая опровергнуть полковника Петренко, дядя Миша возбужденно вскочил и перекрыл Феде собой. Раздался еле слышный за музыкой и песней Мэри легкий хлопок — и дядя Миша рухнул.

Федя, выхватив пистолет, тоже сноровисто упал для безопасности под стол, быстро огляделся, безполезно к труп дяди Миши, перевернул его — во лбу трупа торчала короткая стрела на резиновой присоске.

Федя оторвал стрелу. Дядя Миша открыл глаза и протонал:

— Ай, таки сегодня не разбавили водку... Мне так ударило в голову!

Федя снял оперение стрелы. На бумажке была надпись: «Агенту КГБ лично».

Светило солнце, весело бежала горная дорога под колесами открытого автомобиля, из приемника которого лилась все та же ресторанная песня Мэри, а за рулем сидел Федя — в отличном настроении, вертя одной рукой баранку, а другой отправляя в рот спелые вишни из пакета на сиденье.

Несколько поворотов — и на обочине возникла длинноногая девица в коротеньких шортах с рюкзачком за спиной и поднятым пальцем руки. Феде она явно приглянулась, он начал сбавлять ход машины... но песня Мэри в приемнике оборвалась,

и прозвучал ее голос:

— Ваша остановка на сотой миле!

Федя вздохнул, снова дал газ и развел руками, пронесаясь мимо девицы. В приемнике вновь зазвучала песня Мэри.

А на передней панели машины знакомой резиновой присоской была прижата записка: «Артист согласен на встречу завтра в шесть вечера на пирсе у сотой мили дороги А-7».

Федя прочел записку, глянул вперед — приближался указатель с цифрой «50». Федя стрельнул в него косточкой из вишни, попал точно в центр нуля и довольно улыбнулся.

В этот момент его машина появилась в окулярах бинокля Шкафа. Он стоял на вершине нависшей над дорогой скалы. Рядом со Шкафом стояли у огромного камня Кац и Кодряну.

— Ну, хлопцы! — скомандовал Шкаф.

И все трое налегли плечами на камень.

А Федя, ни о чем не подозревая, приближался к месту своей гибели. На обочине торчал рекламный щит «Мальборо» — ковбой с сигаретой. Федя и в него пульнул вишневою косточкой, прицельно «сбив» пепел с сигареты.

Шкаф, Кац и Кодряну, пыхтя, закатывали камень на гребень скалы.

Машина Феди была уже в нескольких десятках метров.

Камень смертельно колебался на самом гребне.

Федя взял очередную вишню, но не увидел на дороге никакой мишени и просто стрельнул косточкой в белый свет, как в копеечку.

Косточка взлетела вверх, звонко тюкнула в колеблющийся на гребне камень, и этой капли оказалось достаточно, чтобы решить смертельное колебание в пользу Феди: камень покотился назад.

Шкаф, Кац и Кодряну бросились наутек. Камень следовал за ними. Они неслись, как ополумевшие зайцы. Камень их настигал.

Шкаф спрятался за могучий дуб. А Кац и Кодряну сообразили: бросились от дуба в разные стороны. Но и камень оказался не дурак — налетев на дуб, он раскололся на две меньшие, но все равно внушительные глыбы; одна настигла Кодряну, другая Каца... и обе понеслись дальше, оставив на земле два плоских силуэта бывших мафиози.

При виде этой ужасной картины Шкаф взвыл и сокрушенно треснулся головой о дуб. На дубе вскопчила шишка.

А Федя бесечно катил по дороге дальше, уплетая остатки вишен.

На скале возле Шкафа приземлился вертолет. Шкаф залез в кабину, схватил радио-

телефон:

— Артист! Я извиняюсь, но первый вариант лопнул! Есть жертвы — Кодряну, Кац...

— К черту Каца! — рывкнул голос в телефоне.— Переходи ко второму варианту!

— Слухаюсь!

Шкаф кивнул пилоту, и вертолет взмыл вверх.

Внизу по дороге весело бежала машина Феди.

— Ну, Иванов,— сказал Шкаф в радиотелефон,— действуй!

Его команду принял Иванов в кабине огромного рефрижератора, стоявшего на обочине.

— Сделаем, Шкаф! — пообещал он в свой телефон.

И завел мотор рефрижератора. Когда появилась Федина машина, Иванов пропустил ее, затем выехал на дорогу и пристроился в хвост Феде.

Так они и шли один за другим по узкой дороге.

Шкаф из вертолета сверху вел наблюдение.

Впереди показался горный тоннель.

Иванов погудел клаксоном. Федя увидел в зеркальце наседавший сзади рефрижератор и прибавил скорость.

Обе машины шли к тоннелю.

А Шкаф из вертолета командовал по телефону:

— Иваненок, давай!

Иваненок сидел в трейлере по другую сторону тоннеля. Он включил мотор и тронул свою махину.

С другой стороны к тоннелю неслись машины Феди и Иванова.

Иваненок въехал в тоннель и включил фары.

Федя и Иванов тоже включили фары, готовясь въехать в тоннель.

Шкаф заорал в радиотелефон:

— Ну, хлопцы, у лепешку его, у смятку!

Тоннель приближался. Федя уже видел его проем в скале, ограждающие знаки слева от него и легкое строение придорожного туалета — справа.

Иваненок с противоположной стороны газанул по тоннелю.

Иванов в рефрижераторе снова погудел. Федя пожал плечами, но прибавил скорость.

Темный провал в скале стремительно нагнулся, закрыл весь экран. Раздался жуткий грохот, звон, гул. Из тоннеля повалил дым и вылетели испуганные птицы.

Потом все стихло. Из туалета справа от тоннеля спокойно вышел Федя, оправляя одежду. Он пошел к своей машине на обочине... и увидел, как из тоннеля одиноко выкатилось большое колесо, потом звонко проскакал металлический обод, а затем вы-

ехал непонятно на чем Иваненок. Он сидел в кресле, пристегнутый ремнем, в руках у него была одна баранка, которую он безумно крутил, а в зубах — моторчик стеклоочистителя, и работающие от него «дворники» начищали чумазую физиономию Иваненка.

Шкаф с высоты увидел эту картину и в ярости так топнул ногой, что проломил пол, и нога его торчала из летящего вертолета.

В радиотелефоне раздался нетерпеливый голос Артиста:

— Ну что, сработали?

— Не-е! — простонал Шкаф. — Сорвалось! Знову есть жертвы...

— Следующей жертвой будешь ты! — проорчал Артист.

— Та ни, клянусь! Жертва будет он, агент проклятый! Перехожу к моему личному варианту!

Солнце уже садилось в океан, когда Федя притормозил возле указателя сотой мили, увидел внизу небольшую бухту и одинокий пирс, уходящий в волны, — все, как было указано в записке. Федя свернул с дороги на проселок и покатил к бухте.

Он заехал на пирс, вышел из машины, посмотрел на часы. Было без пяти шесть.

А из кустов обрыва над бухтой медленно поднимался Шкаф. На плече его была установка для запуска ракеты «Стингер».

Федя снова глянул на часы — стрелка продвинулась на две минуты.

Шкаф заряжал «Стингер» ракетой.

Федя опять глянул на часы — прошла еще одна минута.

Шкаф, щуря пылающий жаждой мести глаз, устанавливал прицел.

Федя уселся на пирсе, свесив ноги вниз. Еще раз глянул на часы — до шести оставалась минута.

Шкаф нажал кнопку пуска. Ракета со смертным воем понеслась к пирсу.

Чьи-то руки, высунувшись из воды, рванули сидящего на пирсе Федю за ноги вниз.

Ракета ударила в Федину машину, взлетел фонтан огня, пирс рухнул.

Шкаф на обрыве удовлетворенно дунул в несуществующее дуло «Стингера».

Огонь, дым, пепел, обломки машины и пирса оседали в океан. А из его волн появились Федя и Мэри.

— Зачем... вы это... сделали? — отплевывал воду Федя.

— Я отвечаю за вашу безопасность! — напомнила Мэри.

— Мерси, но я не умею плавать!

И Федя камнем пошел на дно. Мэри нырнула за ним.

А Шкаф при виде всего этого изумлен-

но застыл, потом с ревом переломил стальной «Стингер» о колено и решительно выхватил из-за пояса мясницкий топор.

Мэри в купальнике пыталась привести в чувство расprostертого на спине Федю. Он безжизненно трепыхался в ее руках. Мэри оставалось лишь одно — искусственное дыхание по методу «изо рта в рот». Она, как положено, накрыла рот Феде носовым платком, набрала полные легкие воздуха, склонилась над Федей, потянулась губами к платку... но в последний миг Федя одной рукой сдернул платок со своих губ, а другой привлек ее к себе.

Мэри отпрянула и выдала ему град пощечин обеими ладонями.

Из океана уже торчал только краешек садящегося солнца. В наступавших сумерках Шкаф с топором полз к берегу через кустарник.

Выглянув из последнего куста, он увидел Мэри и Федю, но до них было песчаное пространство, которое следовало как-то преодолеть. У куста лежала вверх дном рыбацкая лодка. Шкаф нырнул под нее... и лодка поползла по песку.

Мэри выключила портативный передатчик и сообщила:

— Вертолет будет через полчаса.

Федя лежал на берегу, а вокруг были раскиданы его брюки, сорочка, носки, туфли.

— За полчаса моя одежда не высохнет. Не будем спешить...

— Слешить надо! — Мэри оглядела в бинокль окрестности. — Они могут повторить попытку убить вас, смертельно ранить...

— А-а,— отмахнулся Федя,— у полковника Петренко семь смертельных ранений. И все — в голову!

Лодка ползла по песку, приближаясь к Феде и Мэри.

Федя резко вскочил.

— Мэри! Я чувствую, моей жизни угрожает опасность!

— Ну? — прищурилась Мэри. — Что вы еще придумали?

— Если я не съем бутерброд, я умру!

— Стыдитесь, агент КГБ!

— А что? Полковник Петренко утверждает: у чекиста должна быть холодная голова, горячее сердце, чистые руки и полный желудок!

Лодка подползла так близко, что Мэри увидела ее.

— Да, надо же развести костер для посадки вертолета. Встаньте, помогите мне поджечь эту лодку!

Услышав такое, Шкаф под лодкой выпучил глаза.

Федя нехотя поднялся и пошел за Мэри. Они перевернули лодку. Шкафа под ней не было. Только лежал топор.

— О, и топор есть,— сказал Федя,— сейчас мы ее порубим...

— И принесите одежду, пусть сохнет у костра.

Федя отправился за своей одеждой. Мэри снова бдительно повела биноклем вокруг.

Из песка высунулась рука Шкафа, потянулась за топором.

Мэри опустила бинокль — рука нырнула в песок.

Вернулся Федя, взял топор, отрубил доски от лодки, положил прямо на то место, откуда высовывалась рука Шкафа, и Мэри чиркнула спичкой...

Костер весело пылал в темноте, окутавшей бухту. На палках сушилась одежда. Федя и Мэри глядели на пламя. Он вдруг спросил:

— А откуда вы так хорошо знаете наш язык, наши песни?

— Я же из Одессы,— улыbnулась Мэри.

— Ну да, по легенде, но...

— Но и по жизни тоже. Я родилась в Одессе.

— Потрясающе! Я — на улице Бебеля. А вы?

— На другой улице. И совсем в другой Одессе. Есть и в Америке маленький городок Одесса...

— Ну-у,— огорчился Федя.

— Что ну? Этот городок основали в прошлом веке бывшие одесситы. И бабушка, укладывая меня спать, всегда пела...

Мэри негромко завела песню. Федя завороженно слушал ее нежный голос. И сам не заметил, как тихонько подхватил песню. Их дуэт звучал светло и чисто. Светили звезды, горел костер.

Но Федя невольно испортил песню — обнял Мэри за плечо. Она умокла, высвободилась. Настала неловкая пауза. Федя подбросил хворост в костер, сказал бодро:

— Я люблю смотреть на огонь. В этом есть что-то первобытное!

— Да,— задумчиво согласилась Мэри,— вот так когда-то сидели у костров наши предки, глядели на огонь, пели песни...

— Нет, они жарили на огне добытого мамонта!

— Возможно,— Мэри потянула носом.— Что такое? Пахнет шашлыком...

Раздался дикий рев, земля под костром разверзлась, оттуда выскочила огненная фигура, живой факел бросился в океан и горящей воющей торпедой понесся к горизонту.

Артист — на этот раз в образе Михаила Горбачева — не спеша выпил традиционный чай с молоком, поправил тонкие очки и продолжил речь.

— Некоторые нам подбрасывают, что не-

удача с уничтожением агента КГБ означает полный развал нашей организации. Я не могу с этим согласиться, никак не могу...

Не надо паниковать. Надо подработать, найти консенсус, и тогда у нас пойдут подвижки, обязательно пойдут! Вы меня понимаете, товарищи? Давайте обменяемся...

В штабе мафии его слушал один Шкаф. Сильно изменившийся — волосы сторели до бильярдной лысины, левое ухо совершенно черное.

— Так шо там обмениваться! — вскочил он.— Та дайте мне последний шанс — я этого агента у гроб, у могилу, у преисподнюю...

— Не будем спешить, товарищ Шкаф. У нас, как вы знаете, есть более судьбоносная задача. Завтра прилетает господин шейх. Пора начать операцию. И вот если тут вы, не дай бог, окажетесь не на высоте... ну, тогда придется принять к вам чрезвычайные меры! Вы меня понимаете?

— Та чога ж не понять,— вздохнул Шкаф.— За шейха не беспокойтесь — усе будет о'кей!

Он пошел к выходу. Но Артист его окликнул.

— Послушайте, а чего вы такой... черноухий?

— Та разве ж у наших жлобов хоть кусочек шкуры выпросишь? Пришлось узять у одного негра ухо для пересадки.

— Ну вот,— обрадовался Артист-Горбачев,— вот вам и пример добрых межнациональных отношений!

Советские и американские разведчики шли по коридору с ковровой дорожкой, бюстом Ленина и с табличками на дверях: «инструктор», «завотделом», «секретарь».

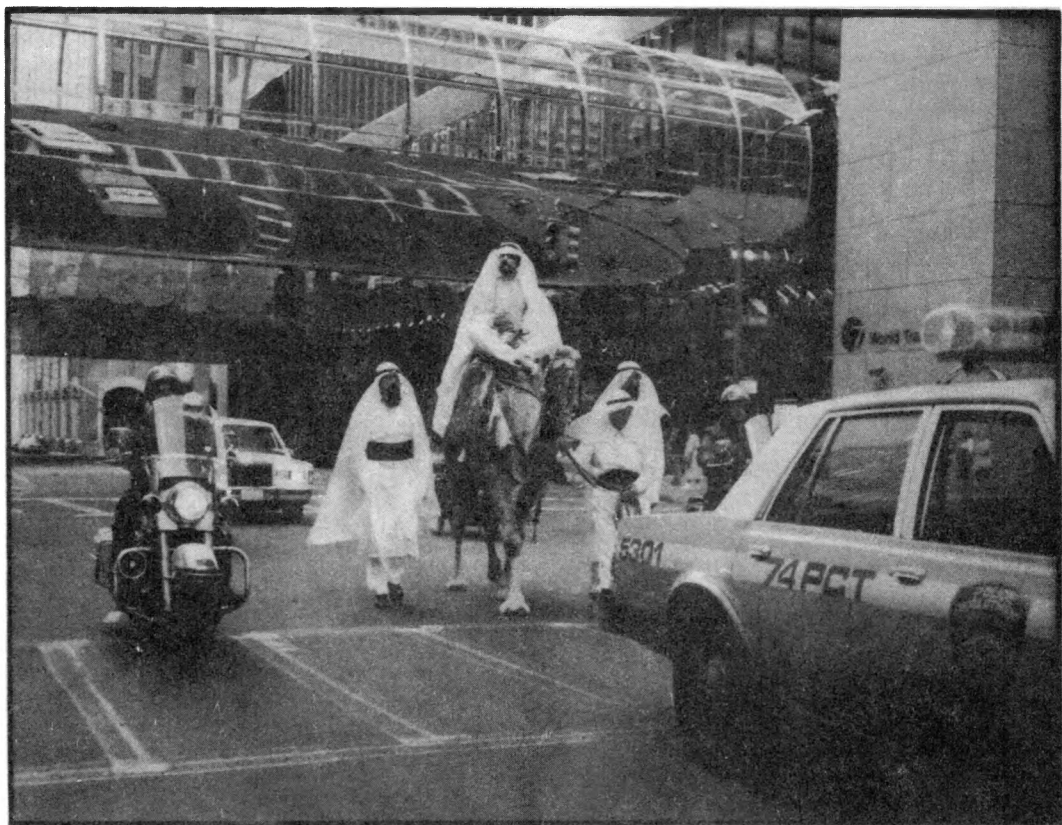
— Следуя принципам социальной справедливости,— рассказывал Генерал,— наша партия отдает свое имущество народу. Спецполиклиники — инвалидам, спецсанатории — афганцам, спецдачи — детям, спецстоловые — многодетным семьям, ну и спецкладбища — естественно, ветеранам войны и труда... А здешний обком выступил с интересной инициативой: отдал свое здание под тюрьму строгого режима. Для коррумпированного партийного аппарата. Получилось удобно: был кабинет — стала камера.

И мы увидели на дверях тюремные глазки. Генерал приоткрыл глазок под табличкой «Первый секретарь», Шеф заглянул туда.

За столом буквой «Т» с несколькими телефонами под портретом Маркса сидел человек в полосатой робе арестанта и нервно набирал телефонный номер.

— Ну вот,— подытожил Генерал,— очень удобно: каждый сидит на своем месте!

— Да,— кивнул Шеф,— как сказать рус-

Шейх на улицах Нью-Йорка

ский пословиц, не место красит человека, а человек красит яйца!

К Генералу подбежал Адъютант.

— Агент Соколов просит разрешение на срочную операцию!

— Аппендицит? — посочувствовал Генерал.

— Нет, операция «Шейх». — Адъютант показал американскую газету, прочел: — «В Нью-Йорк пролетом на отдых на Ямайку прибывает один из самых богатых людей мира шейх Абу-Табу-Рет со своим любимым гаремом». До встречи в верхах всего два дня. Наш агент просит разрешить срочную операцию — один на один.

— Сокол Орлов!.. Э-э, орел Соколов! — Генерал подмигнул Шефу. — Слышал? Один на один с гаремом!

— Извините, с шейхом, — корректно уточнил Адъютант.

Из кабинета-камеры «первого секретаря» донесся крик. Генерал заглянул в глазок. Мужчина в арестантской робе шумел по телефону:

— И учти, если до обеда не починишь мне парашу, положишь партбилет!

Личный самолет шейха — а это было видно уже по тому, что фюзеляж лайнера, как голову истинного араба, украшала белая накидка с черным обручем — приземлился в аэропорту Нью-Йорка.

На трапе появился шейх — в такой же накидке с обручем, чернобородый, с черной пиратской повязкой на правом глазу. Рукой, каждый палец которой был унизан десятком перстней, он помахал корреспондентам с фото- и телекамерами. Хорошенькая стюардесса поклонилась ему на прощанье. Он сверкнул единственным глазом, ущипнул ее за бочок, сорвал с пальца перстень, надел на палец девушки, сказал, не допуская возражений:

— Встретимся завтра!

И спустился по трапу, ослепляя улыбкой объективы.

За ним озабоченно сбежал секретарь — гибкий, женоподобный — и поспешил в хвост самолета, где из люка по сходням спускался белый верблюд. Секретарь подвел его к шейху, и тот стал кормить своего любимца колючками с серебряного подноса, который подал секретарь. Верблюд благодарно кивал и облизывал руки шейха к восторгу

щелкающих камерами корреспондентов.

А секретарь уже сопровождал выгруженный из самолета грузовой контейнер до разгрузочного окна и затем побежал в зал багажа, где из окна на транспортер выплывали, как чемоданы, наложницы гарема, укутанные с ног до головы в чадру, с багажными бирками на шеях.

Секретарь сверял бирку с талоном, сгружал наложниц с транспортера на тележки, пересчитывал их.

И вот уже по улицам Нью-Йорка двинулась процессия: впереди шейх на белом верблюде с автомобильным номером на куце хвосте, следом на мотоциклах телохранители — в чалмах, шароварах и с кривыми мечами за кушаками, затем автобус с гаремом под руководством секретаря, потом орда корреспондентов на своем транспорте, и замыкала процессию машина, в которой сидели Шкаф и еще парочка гориллоподобных гангстеров.

А в некотором отдалении ехали в «мерседесе» Федя и Мэри.

— Этот передатчик, — Мэри повесила на шею Феде медальон, — подает непрерывный сигнал. А мой приемник, — она коснулась браслета на своей руке, — запеленгует вас в любом месте. Если в двадцать четыре часа вас нет, я начинаю действовать самостоятельно.

— Вряд ли вам придется, — снисходительно усмехнулся Федя, — Главное, сейчас все сработает четко по моему плану.

— Это большой риск! — вырвалось у Мэри.

— Но это мой метод, — твердо ответил Федя. — «Ловля на живца».

Возле шикарного отеля «Хилтон» шейх спешился с верблюда, и служители повели его на автостоянку. Верблюд застыл горделиво посреди машин со своим собственным номером на хвосте.

Секретарь выпускал по одной наложнице из автобуса, пересчитывал их, отправляя в отель.

Шейх в сопровождении телохранителей тоже проследовал в отель, увидел хорошенькую горничную, сорвал со своего пальца перстень, надел на ее палец, игриво ущипнул и заявил безапелляционно:

— Встретимся послезавтра!

Секретарь загонял наложниц в лифт — по одной, опять пересчитывая. Затем в лифт вошли телохранители.

Шейх направился туда же... но открылись двери лифта напротив, и восхищенному взору шейха предстала очаровательная Мэри в элегантной форме лифтера.

— О! — Шейх сорвал очередной перстень и метнулся к ней.

Из своего лифта к нему с воплями ревности и мольбы простерли руки наложницы, но он отмахнулся от них, надел перстень

на палец Мэри, страстно заявил:

— Встретимся сейчас!

И при этом даже не обратил внимания на скромно стоящего в глубине лифта Федю.

Мэри обещающе-призывно улыбнулась, нажала кнопку, и лифт с ней, шейхом и Федей пошел вверх.

Секретарь тоже поспешно нажал кнопку, и лифт с наложницами и телохранителями стал подниматься.

Вспыхивали указатели этажей: десятый... двадцатый... пятидесятый... сотый.

На сотом этаже первый лифт остановился. Из него вышел Федя — в одежде шейха, с его бородой и повязкой на глазу. А сам шейх — в одних расписных трусах — забился в угол под пистолетом в руке Мэри. Двери закрылись, лифт пошел вниз.

На этаж прибыл второй лифт, и лже-шейх Федя был окружен взволнованной толпой наложниц и телохранителей. Федя послал им успокаивающую улыбку, и секретарь начал распределять жильцов: шейха — в апартаменты, охрану — в соседнюю комнату, наложниц — в дальний конец коридора, куда секретарь и повел их, пересчитывая на ходу.

Все это наблюдал притаившийся за портьерой Шкаф.

Шейх лежал на тахте в Фединой комнате с залепленным пластырем ртом и связанными руками. Мэри развязала его, содрала пластырь со рта, и он немедленно заорал:

— О, красавица! Еще никто не похищал меня ради любви! У-у, я сгораю от страсти! Приди ко мне!

Мэри пришлось небожно уложить темпераментного на тахту.

— Извините, ваше высочество... или ваше величество?

— Зови меня просто: Аль-Рахат-эль-Лукум-ибн-Древе-Сина-Абу-Табу-Рет!

Мэри пошевелила губами, пытаясь повторить, но махнула рукой.

— В общем так, Табурет! Мы похитили вас, чтобы вас не похитили другие. И не потребовали выкуп — миллиард долларов.

Шейх изумленно присвистнул и сказал:

— Твою мать!

— Вы говорите по-русски? — насторожилась Мэри.

— После Оксфорда я учился в Одессе. В кораблестроительном.

— Кораблестроительном... Зачем?

— Верблюды — корабли пустыни! — гордо напомнил шейх и заговорил со знакомым акцентом: — И я вам скажу, как родной: Оксфорд — это фуфло, дженгльмены вонючие, а вот Одесса... о-о, Одесса-мама!

— Ну, мы договоримся, — обрадовалась Мэри и тронула повязку на его глазу. —

Кадр из фильма

Это ранение в битве за независимость вашей страны?

— Нет, это я лечил ячмень в одесском институте Филатова.

Шейх заметил накрытый стол с напитками, оживился:

— И даже одним глазом я вижу, что мы можем выпить за Одессу.

— Да, конечно, но... разве вам можно, по Корану?

— Нет, Коран запрещает пить вино и есть свинину. Но Аллах мне все простит, если я напьюсь как свинья!

Шейх захохотал собственной шутке, налил стакан водки, хлопнул его и сразу захмелел.

— Ах, Одесса! Приморский бульвар, девушки с Ланжерона... Я вам скажу, как родной: я бы остался в Одессе на всю жизнь! Если бы горсовет обеспечил жилплощадью мой гарем...

Феда восседал на подушках в роскошных апартаментах. Рядом почтительно застыл секретарь. Вереница лакеев пронесла перед Федей серебряные блюда с обильными яствами — мясо, рыба, зелень, фрукты. Каждое

блюдо показывали Феде, тот кивал и уже было хватался за вилку и нож, но блюдо уносили и показывали следующее, он опять радостно кивал, глотая слюнки, но и это блюдо сменялось очередным, пока весь парад съестного не закончился.

— В чем дело? — нахмурился Федя.

— А в чем? — заволновался секретарь.— Вы, как обычно, одобрили меню для ужина гарема.

— Что? Гарема? Вернуть!

— Назад! Все назад! — закричал перепуганный секретарь.

Лакеи поспешной вереницей проследовали в обратном порядке, но на серебряных подносах остались лишь мясные кости, рыбы скелеты да огрызки фруктов.

— О, солнцезной! Что-нибудь не так? — дрожал секретарь.

— Так, так... — Федя только махнул рукой.

— О, луноликий! А на ночь вы, как обычно, желаете ваш любимый орех «хухры-мухры»?

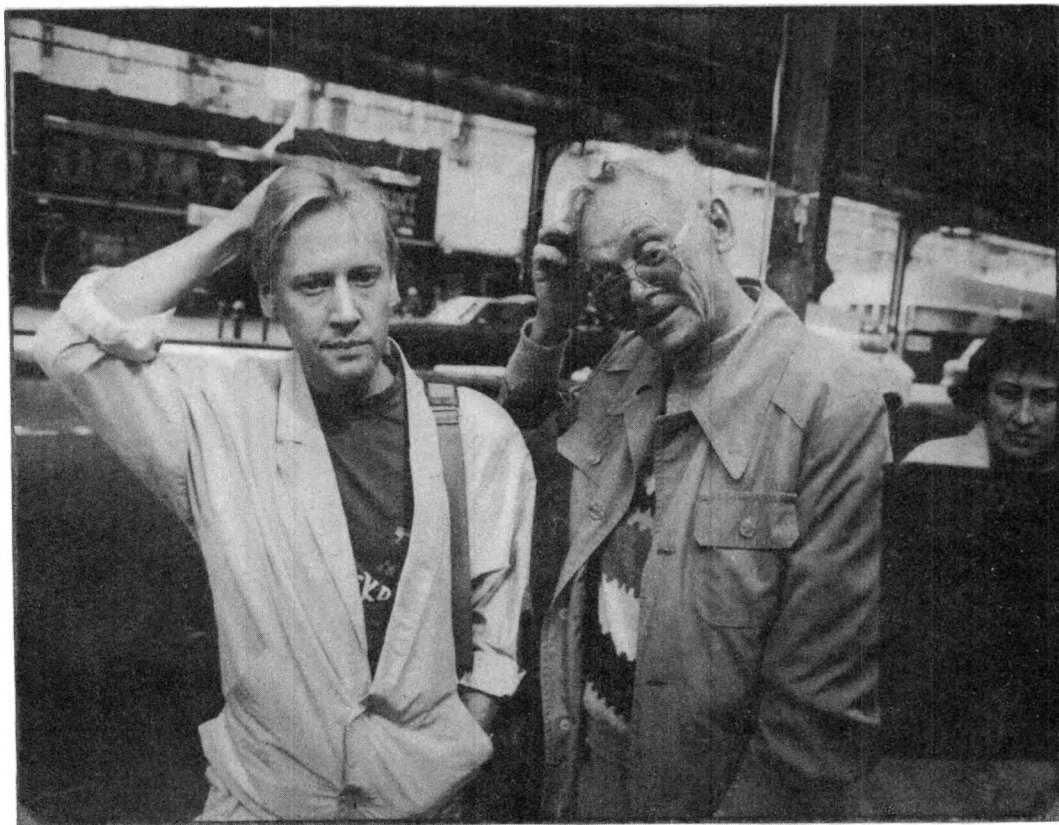
— Да, желаю орех! — обрадовался Федя.

— Малый или большой?

— Самый большой!

Секретарь удалился и вернулся с подносом, на котором было нечто большое, орехо-

Актер Д. Харатьян, реж.-пост. Л. Гайдай

образное, завернутое в золотую фольгу, и вновь удалился.

Федя набросился на орех с вилкой и ножом, но оба прибора сломались о твердую ореховую скорлупу. Федя в отчаянии попытался укунуть орех, но поплатился за это зубом.

Вновь появился секретарь — с новым подносом и новым орехом, точнее, крохотным орешком.

— О, верблюдообразный! Большой орех «хухры-мухры» подан!

Секретарь взял огромный орех, оказавшийся просто камнем в позолоте, торжественно тюкнул им по малому орешку, расколол, очистил от кожуры и ловко забросил ядрышко в распахнутый от удивления рот Феде. Федя все автоматически сжевал. Секретарь смахнул с его бороды крошки.

— Надеюсь, вы славно насытились?

— Насытился,— буркнул Федя.— Славно.

Секретарь вновь исчез и вернулся с бутылкой вина в серебряном ведерке. Для начала он показал Феде этикетку. Тот оживленно кивнул — не поел, так хоть выпить. Секретарь плеснул вина в бокал, Федя осушил его залпом и снова нетерпеливо кивнул. Но вместо того, чтобы теперь наполнить бокал до краев, секретарь махнул

рукой, появился лакей с сотней таких же бутылок на тележке и в сопровождении секретаря покатил их в заднюю дверь апартаментов.

Федя ошалело посидел, потом побежал за ними.

В ванной комнате секретарь и лакей выливали вино из бутылок в мраморную ванну.

— Вы что?! — не сдержал крик Федя.

— О, пустынеподобный! — замер от ужаса секретарь.— Разве сегодня не среда?

— Ну, среда...

— Уф! — выдохнул секретарь.— Значит, все верно: по средам — ванна из французского бордо, а в четверг — советское шампанское.

— Все! Уходите! — приказал Федя.— Приму ванну — и спать!

— Как? Разве вы не назначите на ночь любимую жену?

— Сегодня я доверяю выбор тебе,— выкрутился Федя.

Секретарь взял серебряную папку со списком гарема.

Зухра?.. Нет, вас огорчила ее холодность... Саида?.. Нет, вас утомила ее пламенность. А Гульчохра...

Шкаф — М. Кокшенов

— Давай, давай Гульчохру! — Феде надоела эта волынка.

— Осмелюсь напомнить, — потупился секретарь, — Гульчохра в декретном отпуске. Вот, может быть, сладкогрудая Фатима...

— Да, Фатиму — и спать!

— Как? — вновь изумился секретарь. — Разве перед сном вы не пожелаете доброй ночи вашему обожаемому верблюду?

Феда и секретарь вышли на стоянку перед отелем, где среди машин возвышался белый верблюд. Секретарь подал серебряный поднос с колючкой. Феда предложил ее верблюду, но тот презрительно покачал головой и смачно плюнул в лицо лжешейху.

Секретарь вскрикнул и начал оседать, теряя сознание. Феда подхватил его, утешил:

— Ничего, ничего, это у него акклиматизация...

В роскошную спальню сквозь стеклянную крышу последнего этажа гостиницы светили

звезды. Посреди спальни стояла кровать под балдахином. Секретарь поклонился Феде.

— Осмелюсь пожелать приятных сновидений!

И удалился. А Феда — голодный, оплеванный, злой — наконец с облегчением рухнул спиной на кровать и... с воплем вскочил, сорвал покрывало — под ним лежала решетка, утыканная гвоздями.

На крик Феде опять примчался секретарь.

— Что?! Что... это? — гневно указал Феда на гвозди.

Секретарь упал на колени.

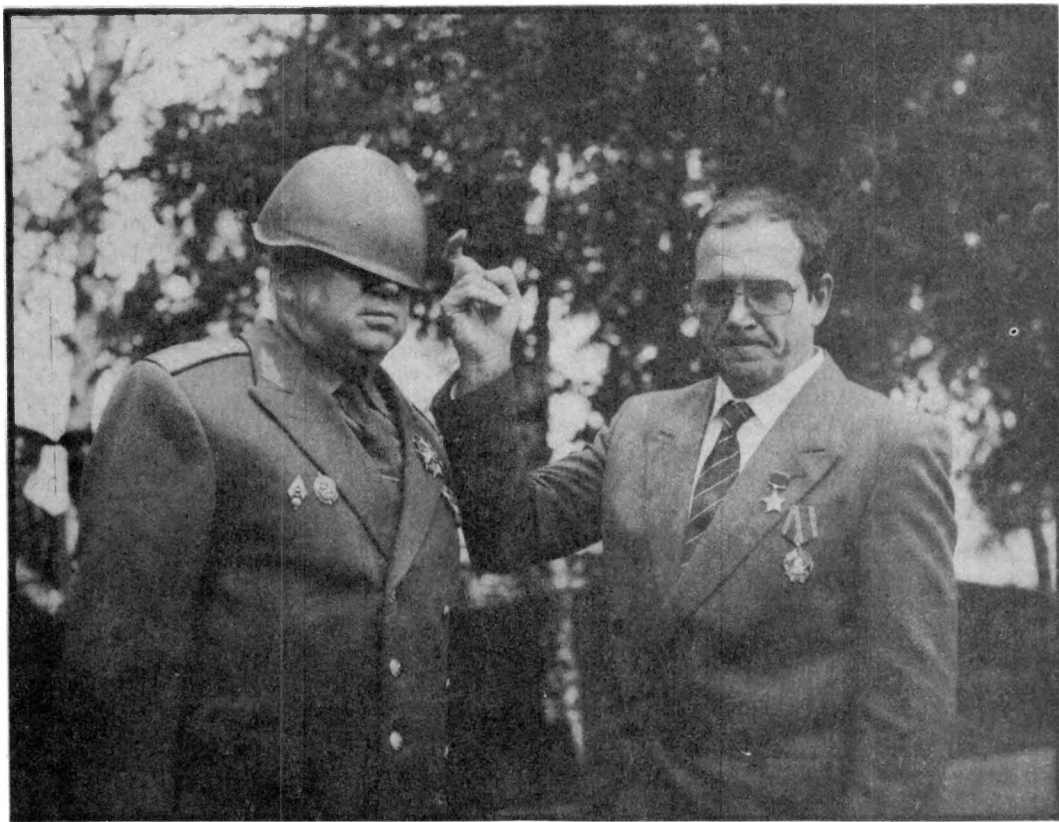
— О великий шейх и величайший йог! Прикажи отрубить головы ленивцам, недостаточно наточившим острия твоего любимого ложа...

— Не надо! — прервал Феда. — Сегодня я добрый, прощаю.

Секретарь, пятясь, удалился. Феда вышвырнул из постели решетку и без сил откинулся на уже мягком ложе.

Но не было ему покоя: зазвучала чарующая музыка, и впорхнула грациозная девушка в парандже, шальварах, с голым животом.

— А-а, Фатима... — уныло вспомнил Феда.

Генерал КГБ — Ю. Вольнцев, Шеф ЦРУ — Э. Виторган

Фатима начала волнующий танец. Но Федю это явно не волновало. Он сонно следил за порханием стройных ножек, движениями гибких плеч, конвульсиями живота. Однако Фатима упорно приближалась, надвигалась, касалась его лица взлетающими шелками. Он вяло похлопал ее по бедру.

— Молодец, Фатима, хорошо, иди... — Но рука его, ощутив живую плоть ее бедра, задержалась. — Хотя нет, погоди... — Рука опустилась пониже. — Погоди, Фатима... о, какая у тебя... Фатима!

Он вскочил, она отпрянула и завела древний, как мир, танец-игру: то приближаясь, то удаляясь, то призывно маня, то лукаво ускользая. Федя возбужденно метался за ней, пытаясь поймать неуловимую, потом и сам включился в танец — нечто на манер лезгинки с припаданием на одно колено и выкриками «асса». Однако вожденная цель все не давалась ему в руки.

Он схватил бокалы, побежал в санузел, зачерпнул из ванны французского бордо и вернулся в спальню.

— Сейчас, Фатима, сейчас мы с тобой таянем по-нашему... по-арабскому...

Он протянул ей бокал, но она выплесну-

ла бордо ему в лицо. Только этого не хватало бедному Феде!

— Ты чего, Фатима, обалдела?!

Фатима сбросила паранджу, он увидел... лицо Маши-Мэри.

— Ма... Мэ... Зачем вы здесь?

— Чтобы вы опомнились! — Она поиграла голым животом. — Именно это вы называете «ловлей на живца»?

— Прекратите! — Федя перешел в наступление. — Где шейх?

— Где надо. И между прочим, ведет себя приличнее вас.

— Черт побери, но я должен соблюдать достоверность!

— Ну, это вам удастся блестяще! — Она зашептала с придыханием: — О, Фатима! Фатима!

Федя вдруг опрокинул ее в постель.

— Вы с ума... Негодяй! — отбивалась она. — Пустите!

— Тихо! — придавил он ее. — Похищение!

И верно, заслонив звездное небо, над стеклянной крышей спальни завис вертолет. Шкаф сбросил тяжелый стальной крюк, который с грохотом проломил стекло, подцепил за балдахин кровать «шейха» и поволок ее через стеклянный пролом в небо.

Мэри в последний момент успела скатиться с кровати на пол. И увидела в пролом, как Федя прощально улыбнулся ей. Он поправил на шее медальон, и браслет на руке Мэри засигналил: пи-пи-пи...

В спальню ворвались, привлеченные грохотом, секретарь, телохранители, наложницы. Мэри, набросив паранджу, смешалась с толпой женщин, а телохранители открыли бессмысленную пальбу вслед вертолету, который плавно уносил кровать под балдахином в небо Нью-Йорка.

Федя полюбовался панорамой города, включил ночник на спинке кровати и развернул вечернюю газету.

На первой ее странице уже был фантастически оперативный заголовок: «Русская мафия похитила арабского шейха! Выкуп — миллиард долларов!»

Шкаф с двумя гангстерами, подталкивая автоматами, ввели Федю в зал заседаний мафии.

— Сидайте, шейх,— любезно предложил Шкаф.

— Я буду жаловаться в ООН! — заявил Федя.

— Та ни, не треба жаловаться. Давай — мильярд — и свободен!

— Я буду вести переговоры только с вашим шейхом.

— Тю! Який у нас шейх? У нас — демократия!

— Ну, тогда с президентом, боссом, шефом... В общем, я желаю говорить с пастухом, а не с его безмозглым бараном.

— Це я баран? — оскорбился Шкаф. — Ни, це ты вонючий козел!

Шкаф дернул Федю за бороду... и борода осталась у него в руках. Федя выхватил бороду, приклеил ее обратно и заявил:

— Сам ты козел!

Шкаф-гупица ничего не понял, но расвирепел еще больше.

— А я кажу, шо козел — ты! — И снова оторвал бороду.

Федя как ни в чем не бывало опять приклеил ее.

— От козла слышу!

Шкаф опять рванул его за бороду... Но тут даже до этого болвана наконец дошло.

— Ах, ты?... Так це ж ты!

Он сорвал с Федя еще и чалму, и повязку с глаза.

— Попався, гад! — и схватил Федю за грудки. — А где шейх?

Закованный в цепи Федя висел на дыбе в камере пыток под прицелом автоматов гангстеров.

— Я последний раз спрашиваю, где

шейх,— сказал Шкаф.

— А я последний раз спрашиваю, где Артист,— ответил Федя.

Шкаф кивнул гангстерам, те повернули дыбу и опустили Федину голову в бадью с водой.

— Попей, попей водички, вона тобі развяжет язычок!

Голова Федя была в воде... и уровень ее быстро понижался. Несколько мгновений — и бадья опустела.

— Тю! — поразился Шкаф. — Ты шо — усе выпив?

Суперагент выпустил изо рта мощный фонтан, окатив Шкафа с головы до ног. Мокрый Шкаф разъярился.

— Ну, зараз я тебя поджарю, як кабана!

Он включил утюг, поставил его на голый живот Федя и сладострастно ждал его мучений. Но суперагент только улыбался.

— Шо такое? — забеспокоился Шкаф. — Не фурычит?

Он приложил утюг к своей щеке и завопил от боли — четкий след утюга запылал на его щеке.

— А-а-а! Ну, гад, ты у меня попляшешь!

Шкаф включил в сеть электроды, два гангстера приложили их к вискам Федя, а Шкаф реостатом повышал напряжение.

— Ну як, припекаеть? Больше не посмихаешься?

Да, суперагент уже не улыбался. Просто смотрел твердым взглядом. Шкаф растерялся.

— Та шо ж такое? Может, тока нема?

Он приставил электроды к собственной голове... и задержался, как паяц, заорал благим матом. Гангстеры еле оторвали его от электродов. Шкаф уставился на Федю с мистическим ужасом.

— Ты шо... стальной?!

— Да что я,— скромно отвечал суперагент. — Вот полковника Петренко враги посадили на кол... И ничего — с тех пор у него только выправка строже!

Федя лежал на каменном полу и, как положено погибающему, но не сдающемуся, нетромя напевал хорошую песню:

Дывьюсь я на небо, тай думку гадаю:
Чому я не сокил, чому не летаю...

Песню оборвал грохот засова железной двери.

— Эй, солист! — заглянул Шкаф. — Зараз тебе будет дуэт...

Он втокнул в камеру дядю Мишу и захлопнул дверь. Федя подхватил нового пленника — избитого, в крови.

— Мерзавцы! За что они вас?

— За шейха-а,— простонал дядя Миша.

— За какого... шейха? — даже не понял

Федя — Д. Харатьян, «Фанатка» — М. Полбенцева

поначалу Федя.

— А я знаю, за какого? — всхлипывал дядя Миша.— Нет, вы только подумайте: где я, где шейх... Но они говорят: ты на весь ресторан кричал, что вы с этим Федей друзья... Ай, зачем я кричал на свою голову! Или мы все-таки друзья?

— Друзья, конечно, друзья,— заверил Федя.

— Так они говорят: раз вы друзья и раз Федя знает, где шейх, значит, и ты должен знать!.. Но я ничего не знаю... А вы знаете?

— Да я-то знаю...

— Я вас умоляю! — дядя Миша пополз на коленях.— Скажите им, где этот паршивый шейх, иначе они растерзают вас!

— Я к этому готов,— твердо сказал Федя.

— Но они растерзают и меня! А я совершенно не готов!

— Ну, надеюсь, на вас у них не хватит подлости...

— И не надейтесь, они еще схватили Машу.

— Машу?! — впервые за все время попыток Федя дрогнул.

— Да-да, ее пытаются в соседней камере...

За стеной раздался душераздирающий женский крик.

— Изверги! — простонал дядя Миша.— Мучить нежную девочку!

Федя зажал ладонями уши. Но еще более леденящий крик прорвался через эту слабую защиту. Он не выдержал, затарабанил в дверь.

— Мерзавцы! Скоты! Откройте!

Шкаф распахнул дверь. Федя помедлил и сказал устало:

— Передай Артисту: я отдам ему шейха.

Шкаф расплылся в улыбке и доложил... дяде Мише:

— Артист! Федя передал, шо он отдаст вам шейха!

Настала немая сцена. Шкаф прикусил язык. Федя расхохотался. Маленький дядя Миша набросился на огромного Шкафа, заколотил по нему кулачками:

— Идиот! Дебил! Дегенерат!

— Артист, вы ведете себя, как босяк,— Федя сорвал с лица дяди Миши наклеенные «синяки» и «шрамы». — Зачем вам эта бутафория? Настоящему артисту идут естественные украшения!

Федя от души врезал дяде Мише, тот отлетел в угол, отчаянно завизжал, в камеру

ворвались вооруженные гангстеры.

Мэри в квартире Феди напряженно следила за стрелками настенных часов. Было без пяти двенадцать.

На тахте заворочался в хмельном сне шейх, сбросил на пол одеяло. Мэри заботливо укрыла его.

— Мама! — улыбнулся шейх во сне.

— Спи, спи, сынок, — усмехнулась Мэри.

Федя был снова прикован к стене под прицелом гангстерских автоматов. Артист холодно прищурился.

— Ну, вспомнил, где шейх?

— Да нет, что-то с памятью моей стало... дядя Миша... или как вас теперь называть — господин Артист?

— Да, я артист! — выкрикнул Артист и заговорил, все больше распаяясь: — Я приехал сюда не за паршивой колбасой и джинсами! Я приехал сюда за настоящим искусством! Что мне давали играть эти жалкие бездары в Одессе? «Кушать подано!» А здесь... О-о, здесь я создал свой театр! Мой талант творит королей и безумцев, гениев и негодяев...

— Последнее вам особенно удастся, — заметил Федя.

— Молчи, несчастный! — картинно завывал Артист. — Или ты сейчас умрешь! Как говорили древние: «Арс лонга, вита бревис!» Что означает: «Жизнь коротка, искусство вечно!»

— Браво, браво, — Федя позвенел кандалами. — Извините, что не аплодирую, — руки заняты, артист погорелого театра!

Артист оставил возвышенные завыванья и сказал деловито:

— Значит, так: чтобы освежить память насчет шейха, у тебя есть минут тридцать. Уложишься, Шкаф?

Шкаф — в фартуке каменщика — помещивал мастерком раствор в корыте.

— Та ни, — сказал он, — я его минут за двадцать замурую!

И положил к ногам Феди первый кирпич.

Мэри повернула браслет на своей руке — сигнал «пи-пи-пи-пи» был далеким, но ровным.

Настенные часы гулко забили — двенадцать раз.

От их ударов проснулся шейх и стал изумленным свидетелем того, как Мэри в несколько мгновений превратилась из очаровательной девушки в грозного суперагента ЦРУ.

Раз — и цветастое платьице сменилось черными кожаными брюками и курткой.

Шейх, не веря глазам своим, протер их

кулаками.

Два — и роскошные рыжие волосы были убраны под черный мотоциклетный шлем, а прекрасные очи скрылись за черными очками.

Шейх потянулся за водкой на столе.

Три — и повернулись барабаны двух револьверов, которые нырнули в две кобуры у пояса.

Шейх одним махом опрокинул водку в рот.

Четыре — и карманы куртки были набиты гранатами, а два автомата повисли на плечах короткими дулами вниз.

Шейх икнул, снова откинулся на тахту и захрапел.

Мэри глянула на спящего и пошла к окну. Но вдруг вернулась. На столе лежал одинокий патрон. Мэри повернула гильзу... патрон оказался губной помадой. Отдавая последнюю дань своему женскому естеству, супер-агент подкрасила губы, отшвырнула патрон-помаду, открыла окно, пронзительно свистнула и увидела с высоты тридцатого этажа, как далеко внизу на ее зов выкатился из-за угла и застыл под окном мощный мотоцикл.

Мэри вскочила на подоконник и сиганула вниз — точно в седло поджидавшего ее мотоцикла.

Федя был замурован уже по пояс.

Шкаф, как требовательный художник, отступил на шаг, оценивая свою работу, небрежно замахнул мастерком... и клякса раствора залепила глаз Артиста. Тот набросился на Шкафа с кулаками.

Мэри в черном костюме, черном шлеме, на черном мотоцикле сливалась с чернотой ночи. Браслет на ее руке давал ровный сигнал.

Она свернула налево — сигнал стал тише. Она развернулась направо — сигнал стал громче.

Впереди показался какой-то особняк за высокой оградой с воротами. Сигнал браслета резко усилился.

Мэри направила мотоцикл к воротам. На шум выскочили охранники, предупредительно выставили автоматы. Но Мэри не только не сбавила ход, а наоборот, врубила полную скорость, снесла своей могучей машиной ворота, разбросав охрану, пронеслась через клумбы по двору, взлетела на ступеньки, прошибла двери и ворвалась на мотоцикле в особняк.

Федя был замурован уже по горло.

Шкаф проверил отвесом вертикальность стенки, остался доволен результатом, весело раскрутил веревочку отвеса на пальце, с нее

Маша-Мэри — Келли Мак-Грил, Федя — Д. Харатьян

сорвалась гирька... и дала в глаз Артисту. Тот опять кинулся на Шкафа с кулаками.

Мэри, слившись, как кентавр, воедино со своим мотоциклом, брала штурмом особняк. Она взлетала по лестницам и скатывалась по ним, неслась по коридорам и анфиладам комнат, сшибая их двери, как карточный домик, увертывалась от выстрелов многочисленных бандитов и поражала их поодиночке и группами с помощью пистолетов, автоматов, гранат и колес мотоцикла, который не покидала ни на миг.

Над всем этим адским грохотом, стрельбой, криками, непрерывно зудел сигнал ее браслета, все усиливаясь и усиливаясь, ибо Мэри приближалась к цели.

Федя был уже замурован весь, осталось только окошко перед его лицом. Артист подошел вплотную.

— Ну, тридцать секунд: где шейх?

— Где, где... в Караганде!

Федя исхитрился и плюнул все в тот же многострадальный глаз Артиста. Тот снова

бросился с кулаками почему-то на Шкафа.

— Кончай! Кончай его, идиот!

Шкаф последним кирпичом навеки закрыл Федю. И отошел от стенки полюбоваться.

— Дюже добрая работа!

— Какая добрая? Смотри, болван!

Внизу из кирпичной стены торчали босые ступни Федя, и пальцы на них нахально шевелились.

Шкаф схватил мастерок и стал забрасывать его раствором.

Но тут распахнулась дверь, и в камеру ворвалась Мэри на своем верном мотоцикле. Она с ходу врзалась в свежую кладку, кирпичи рухнули, и за ними открылась стена, к которой был прикован Федя, а рядом — еще пяток скелетов, прикованных когда-то точно в такой же позе.

Мэри выстрелами пистолета сбивала Федяны оковы.

Артист и Шкаф, выйдя из начального столбняка, бросились к двери. На пороге Артист швырнул в камеру гранату, захлопнул дверь и задвинул снаружи засов.

Увидев катившуюся по полу гранату, Федя крикнул Мэри:

— Ложись!

Дядя Миша — А. Мягков, Шкаф — М. Кокшенов

— Не время, Феденька... — смущенно потупилась Мэри.

Он не стал ее переубеждать, а завалил вместе с мотоциклом, накрыл своим телом, поймал катившуюся гранату и швырнул ее в дверь. Грохнул взрыв, все заволочло огнем и дымом.

Артист и Шкаф выскочили из особняка, уселись в машину, из заднего окна которой торчал пулемет, и рванули через двор к воротам.

Из особняка вылетели вдвоем на мотоцикле Федя с Мэри и бросились вдогонку.

Погоня шла по улицам и переулкам города.

Артист вел машину, Шкаф строчил из пулемета.

Мэри головокружительно уводила мотоцикл от пулеметных очередей, а Федя из-за ее плеча вел ответный огонь.

А на неизвестно где находящемся наблюдательном пункте, защищенном накатом бревен и укрытом маскировочной сеткой, собрались разведчики обеих стран — в касках и плащ-накидках.

Оба Весельчака следили за ходом погони

в стереотрубу — один в правый окуляр, другой в левый — и залиvisto смеялись.

Оба Нервных стояли у двух входов траншеи на НП и тревожно озирались.

Оба Обжоры рубали ложками кашу — вдвоем из одного котелка.

В углу телефонист непрерывно долдонил в трубку:

— Сокол! Я — Орел! Сокол, ответьте Орлу!

А по траншее шли Генерал с Шефом и, как обычно, спорили.

— Я тебе говорю, Стюпа, у них любви! — твердил Шеф.

— Ну какая любовь, Джек? — возражал Генерал. — Я же знаю Федора, это достойный ученик полковника Петренко!

— А я знаю Мэри — это моя достойный ученик! Как сказать русский пословиц, яблочко от яблонька, а любовь не картошка!

К начальству подбежал Адьютант, доложил:

— Наши агенты вышли на оперативный простор и преследуют противника! Может быть, вызвать подкрепление?

Генерал поднес к глазам висевший на шее бинокль.

— Еще рано!

Погоня-перестрелка продолжалась уже за городом, по широкому полю, в конце которого виднелся лес.

Феда наконец удалось прострелить колеса, машина перевернулась, из-под нее выбрались Артист и Шкаф и скрылись в лесной чаще.

Феда и Мэри на мотоцикле тоже ворвались в лес, продирались сквозь кусты, сшибали деревья, вырулили на поляну... и отпрянули — на них шел танк!

За штурвалом сидел Артист, а Шкаф наводил пушку.

— Ух, зараз я их! — скалился он. — Зараз як бабахну!

— Не-ет, я их гусеничками, гусеничками! — шипел Артист.

Танк с жутким грохотом надвигался на Федею и Мэри.

А на наблюдательном пункте продолжался спор.

— Вот увидишь, Стёпа, у них большой любви! — говорил Шеф.

— Сказал слепой: увидим! — иронизировал Генерал.

Адъютант снова озабоченно поинтересовался:

— Может быть, вызвать подкрепление?

Генерал мельком глянул на ход сражения в бинокль.

— Еще рано!

Феда рванул Мэри с мотоцикла в кусты, достал из-за пазухи связку гранат, а из нагрудного кармана фотографию.

— Маша! Передай полковнику Петренко его портрет. И скажи: если я погибну, пусть считают меня коммунистом!

— А если погибнут они? — с надеждой указала Мэри на танк.

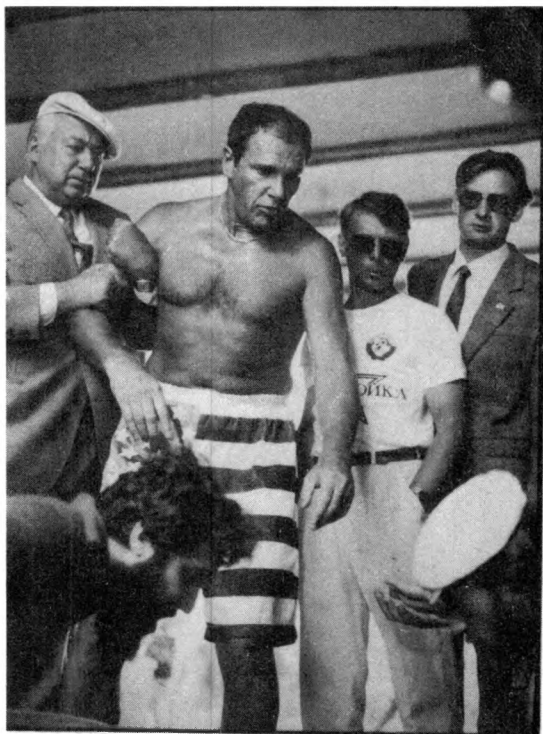
Феда на миг задумался и решил:

— Тогда пусть их считают коммунистами!

Со связкой гранат в зубах он пополз навстречу танку. Мэри зажмурилась. Прогремел взрыв. Мэри открыла глаза. Из горящего танка, отпихивая друг друга, выкарабкивались Артист и Шкаф. А в дыму покачивался контуженный, но живой Феда.

И снова продолжалась погоня, снова Феда и Мэри прорывались через кусты, сшибали деревья, перепрыгивали овраги...

Так они ворвались в какое-то мрачное ущелье, окруженное скалами, на которых росли лишь несколько деревьев и цвел алый кустарник. Бандитов здесь не было. Феда и Мэри повернули назад, но в узком проходе между скал на них оставались

Кадр из фильма

две мерзкие рожи в противогазах. А в руках у Артиста и Шкафа были химические бомбы с намалеванными черепами и костями.

— Вот тебе, Джек, и вся любви! — печально сказал Генерал Шефу.

— Может, все-таки вызвать подкрепление? — спросил Адъютант.

— Уже поздно! — вздохнул Генерал.

И разведчики обеих стран дружно натянули противогазы.

Артист и Шкаф швырнули бомбы. Взрыв — и желтое смертоносное облако начало заполнять каменный мешок. Спасения не было.

— Прощай, любимая! — сказал Феда.

— Прощай, любимый! — ответила Мэри.

И они слились в первом и последнем в их жизни поцелуе.

Гибельное облако укрыло героев желтым саваном.

На наблюдательном пункте все сняли каски, склонили головы.

Артист и Шкаф от избытка злодейских чувств обнялись и тоже пытались целоваться, но мешали хоботы противогазов.

Кадр из фильма

Желтое облако заполнило весь каменный мешок, зловеще клубилось и медленно уплывало вверх, вытягиваемое ветром.

Постепенно открывались голые почерневшие скалы, и алый кустарник, ставший черным, и листья деревьев, свернувшиеся и похулые.

А посреди этой картины всеобщей гибели стояли Федя и Мэри. Одежда на них сгорела до жалких лохмотьев, но они стояли, как и прежде, затаив дыхание в бесконечном поцелуе, сохранившем их жизнь.

Наконец они оторвались друг от друга, шумно выпустили из легких застоявшийся воздух и глубоко, счастливо вдохнули свежий.

— Ну, что я говорить! — воскликнул Шеф.— Любовь побеждает смерти!

— Да-а,— согласился Генерал.— Эта штука посильнее, чем Фауст у Гете.

Артист и Шкаф при виде жизнеутверждающей картины — невредимых и непобедимых Феди и Мэри — в ужасе рухнули на колени и вскинули руки вверх.

— Победа! — кричал Генерал.

— Виктория! — вторил ему Шеф.

— Сокол наш Орлов!.. Э-э, орел наш Соколов!

—А наша Мэри? Супервумен!

— Где награды?

— Да-да, принесите награды!

Появились два адъютанта с ящичками орденов и медалей СССР и США. И разведчики обеих стран начали их взаимно цеплять на грудь друг другу.

Генерал приколот Шефу звезду Героя.

— Служу Советскому Союзу! — козырнул американец.— Однако, Стюпа, это не есть все... У них — любовь, я выиграл, я хотеть получить мой выигрыш!

— Пожалуйста, Джек,— Генерал подставил Шефу свой лоб, но при этом надвинул до носа каску.

— Не-ет, Стюпа, так не пойдет,— засмеялся Шеф.

Он снял с Генерала каску и с наслаждением игрока, которому наконец удалось отыграться, сложил свои пальцы для шелобана, занес их надо лбом Генерала... но тот в последний миг увильнул в сторону и крикнул:

— Майор Камикадзе!

— Слушаю, товарищ генерал! — подскочил к нему Адъютант.

— Я убываю на доклад о проведенной операции к Председателю КГБ. Остаетесь здесь за меня,— сообщил Генерал Адъютанту и уже на ходу небрежно бросил Шефу: — Да, Джек, мой долг получите с майора Камикадзе...

Генерал улизнул по траншее, прежде чем изумленный Шеф опомнился. Адъютант покорно подставил ему свой лоб. Шеф вздохнул и начал — с двойной яростью и скоростью — отвечать ему шелобаны.

А потом все повторилось, как в начале нашей истории...

Над Кремлем реял серпасто-молоткастый советский стяг.

Над Белым домом развеялся звездно-полосатый флаг США.

В обеих сверхдержавах забегали люди в форме и в штатском, заняли места у пультов, компьютеров, телефонов и телетайпов...

Вспыхивали табло на русском и английском языках: «Горячая линия», «Сверхсекретно», «Готовность номер один»...

И наконец в двух президентских кабинетах по обе стороны океана одновременно зазвонили два телефона. И два помощника доложили каждый своему президенту:

— Горячая линия связи с Соединенными Штатами готова к приему.

— Хорошо,— ответил советский президент.

И мы увидели, что это был... Федор Соколов. Возмужавший, с легкой сединой на

висках.

— Горячая линия связи с Советским Союзом готова к приему!

— О'кей,— ответил... точнее, ответила американский президент.

Да, это была Мэри Робинсон. Повзрослевшая, но по-прежнему прекрасная.

Оба руководителя государств взяли трубки.

— Добрый вечер, госпожа президент! — сказал Федя.

— А у нас, господин президент, пока только доброе утро! — улыбнулась Мэри.

— Опять забыл! — спохватился Федя и пошутил: — Надеюсь, это единственное разногласие между нашими странами?

— Да, конечно,— согласилась Мэри.— После того как покончено с русской мафией, ничто не омрачает наши взаимоотношения.

— Итак, вы подтверждаете нашу встречу в верхах?

— Конечно. Завтра на Азорских островах.

— Ну что ж, до встречи, госпожа президент!

— До скорой встречи, господин президент!

Но оба не клали трубки. Настала пауза!

— Маша! — не выдержал Федя.— Я не дождусь завтра! Мне надо столько тебе сказать...

— А ты говори, Феденька! — взволнованно откликнулась Мэри.— Говори сейчас, нас ведь никто в мире не слышит...

— Конечно, не слышит, конечно, никто! — врезался в их разговор третий голос.— Говорите себе, воркуйте, как голубки, чтоб вы были здоровенькие!

— Кто это?! — воскликнули разом оба президента.

— Ай, вы меня не знаете! Это Рабинович из русской мафии. Да вы беседуйте, беседуйте... Ой, нет, я извиняюсь, но я вас отключаю — у меня по срочному Одесса!

В обоих кабинетах взамен соответствующих табло «На связи Кремль» и «На связи Белый дом» вспыхнул одинаковый текст: «На связи Рабинович».

И в трубках в руках застывших, как изваяния, Феде и Мэри послышалось короткое: ту-ту, ту-ту, ту-ту...

1991 г.

ЧИТАЙТЕ! ВЫПИСЫВАЙТЕ!

Новый ежеквартальный историко-теоретический журнал **«КИНОВЕДЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ»**

Его издают: Всесоюзный научно-исследовательский институт киноискусства, Центральный музей кино («Киноцентр»), Международная киношкола.

Это публикации, дискуссии, информация. Это современная киномысль и воскрешенная история, отечественная и зарубежная. Это поиски ответа на вопрос: как развивалось кино и будет ли у него второе столетие.

В журнале: Гоголь и киноязык; «несвоевременный» Панфилов; Андре Базен об эротике в кино; лицо и лик Греты Гарбо; Юрий Лотман о культуре, истории, языке и моде; Пырьев вчера и сегодня; алхимия и кино...

А также: ФЭКС и эксцентризм в культуре XX века; русская эмигрантская киномысль 20-х годов; публикации из архивов Кулешова, Эйзенштейна, Тиссэ... Размышления о кино: Кокто, Кракауэр, Беньямин, Якобсон, Леви-Стросс... По страницам творчества: Висконти, Сокуров, Бунюэль, Старевич, Коппола, Вендерс, Тарковский, Брессон, Параджанов...

И многое другое вы найдете в вышедших (их уже двенадцать) и готовящихся номерах журнала.

Чтобы подписаться на очередной годовой комплект журнала (№№ 13—16), нужно перевести на специальный банковский счет с пометкой «оплата за журнал» 12 рублей (с учетом почтовой рассылки). За предыдущие номера: 2—8—16 рублей, 9—12—10 рублей. При перечислении указать:

Международная киношкола. Р/с. 70013 в коммерческом банке «Оптимум». Кор. счет № 161311 в ГУ Госбанка РСФСР в г. Москве. МФО № 201791, почт. индекс 117049.

Перечислив деньги, следует направить в редакцию (103050, Москва, Дегтярный пер. 8, ВНИИК) уведомительное письмо, указав в нем Ваш адрес, перечисленную сумму и за какие номера журнала уплачено.

Телефон для справок: 209-23-80.

**Райнер Вернер
ФАССБИНДЕР**

ДВА СЦЕНАРИЯ

«Я хочу быть в кино тем же, кем был Шекспир в театре, Маркс — в политике, Фрейд — в философии; после них, как и до них, уже ничего подобного не произойдет».

Эти слова сказал человек, которому суждено было за свою сравнительно короткую жизнь сыграть значительную роль в современном немецком (западногерманском) кино, возродить его былую славу, став еще при жизни «флагманом» нового молодого кино ФРГ,— Райнер Вернер Фассбиндер. Режиссер, явивший собой тот редкий в искусстве пример, когда его приход в кино сразу же начался необыкновенным взрывом творческой энергии, сопровождавшей его вплоть до последнего дня: когда Фассбиндера нашли мертвым в квартире жарким днем 11 июня 1982 года, рядом с ним на полу лежал почти уже оконченный сценарий его следующего фильма «Роза Люксембург».

Известие о его смерти было подобно разорвавшейся бомбе, настолько это было неожиданно, что никто не хотел верить в эту страшную весть. Так случилось, что тот роковой день совпал с приездом в ФРГ американского президента Р. Рейгана, но важному политическому визиту было уделено в газетах лишь несколько строк, а все первые полосы пестрели сообщениями о смерти Фассбиндера, полными разных догадок, предположений об истинной причине смерти этого

«вундеркинда» немецкого кино: убийство? самоубийство? наркотики? Заключение врачей опровергло все домыслы: сердце. Но в одном все приходили к общему выводу: с уходом Фассбиндера из жизни «умерло» и молодое немецкое кино.

Оставленное Фассбиндером огромное кино- и литературное наследие намного убедительнее, чем при его жизни, доказывает, какое значение он имел для современного немецкого кино. В кино он избрал свой путь и следовал ему, работая иногда сразу в нескольких жанровых направлениях. Фассбиндер брался за темы, интересовавшие его лично, зная наперед, что это вряд ли вызовет ответный интерес у общественности и публики. «Все, что я снимаю, непосредственно связано со мной»,— пояснял режиссер.

А темы, действительно, были самые разнообразные: «Право кулака на свободу» (1974) — гомосексуализм и его эксплуатация; «Матушка Кюстерс отправляется на небо» (1975) — политическая безродность, обольщение и отсутствие человеческой солидарности; «Сатанинское зелье» (1975—1976) — иронически-язвительный гротеск, отразивший извращение, переходящее в фашистский культ художника потребительской культуры. Вслед за этим он снимает свою знаменитую «Китайскую рулетку» (1976), где изобразил своего рода миниатюрную модель современного западногерманского об-

щества, исследовав с присущим ему радикализмом, до мельчайших деталей, ненависть и отчуждение, ложь и эгоизм этого respectable общества.

Фассбиндера интересовали и литературные произведения. Его блестящая экранизация романа Теодора Фонтане «Эффи Брист» (1972—1974), где в истории судьбы одной женщины он сумел раскрыть историю целой эпохи, целого поколения, вызвала бурный восторг не только немецких зрителей, но и в мировом кино. Фассбиндера всегда интересовала «женская» тема. Так, задавшись целью рассмотреть как бы под микроскопом развитие западногерманского общества послевоенного периода, он создает свою знаменитую «женскую» трилогию: «Замужество Марии Браун» (1978), «Лола» (1981), «Тоска Вероники Фосс» (1981—1982), где точно воспроизводит реконструкцию «экономического чуда» эпохи Аденауэра.

В период 1976—1977 годов, в разгул терроризма в ФРГ, в этой тяжелой политической обстановке Фассбиндер и еще семь молодых режиссеров: А. Клюге, Э. Райтц, К. Руне, Ф. Шлендорфф, А. Брустелин, Б. Зинкель — отразили события осени 1977 года, сняв и объединив потом свои маленькие новеллы в один большой фильм под названием «Германия осенью». Это был первый политический кинодокумент, остро прореагировавший на обстановку в стране. Главной же идеей фильма было — показать нагнетание насилия в государстве, в котором завоевания демократии были поставлены под угрозу. Новелла Фассбиндера была признана лучшей. В ней он с какой-то яростной откровенностью показал свою реакцию на эти ошеломляющие события: запершись в своей квартире, сидя в полутьме, общаясь с внешним миром, слушая радио да разговаривая по телефону, Фассбиндер то вступает в какой-то бессмысленный спор со своей матерью, то в нем вдруг возникают какие-то болезненные противоречия под давлением событий, доходящие до невротического иступления.

Чуть позже в фильме «Третье поколение» (1978—1979) Фассбиндер раскрывает этот бунт молодых террористов, в политическом отношении настолько инфантильный и бессмысленный, что он-то и явился как раз утверждением того общества, которое они (террористы) задумали разрушить.

За то короткое время, что отвела ему судьба на творчество (а прожил он всего 36 лет), Фассбиндер успел снять 42 (!) фильма. О его работоспособности ходили легенды. Его называли вундеркиндом, мотором немецкого кино. Он действительно был неутомим в работе. Понятия «отдых» или «спокойствие» были ему незнакомы. Это и вос-

хищало и одновременно пугало его близких и друзей. Но еще в самом начале своей карьеры Фассбиндер объяснил это очень просто: «Я так представляю себе мою будущую профессию режиссера: стоять за камерой в окружении верных тебе друзей-соратников и очень быстро снимать хорошие и дешевые фильмы, желательно, в своей фирме, чтобы была возможность дальнейшей реализации моих идей».

Чувство свободы и независимости у него проявлялось уже в раннем возрасте, а детство Фассбиндера было настолько необычным, что оно не могло не наложить свой отпечаток на формирование его как человека с высоким душевным напряжением, это позднее и отразилось в его фильмах. Фассбиндер называл себя — «истинное дитя смятенного послевоенного времени». Он родился 31 мая 1946 года в семье врача и переводчицы. Его отец вел большую частную практику у себя на дому, и ребенком Райнер чаще общался с пациентами отца, нежели с самими родителями. Это воспитало в нем с детских лет большую самостоятельность.

Ни в одной обычной школе Райнер не уживался из-за своего характера, тогда мать отдала его в частный пансион Рудольфа Штайнера, чей девиз был: «Дети должны расти, как ранние цветы». Всю свою жизнь Фассбиндер с радостью вспоминал это время, и хотя Штайнер требовал от него многого, зато после занятий он делал, что хотел, и ходил в кино, когда хотел. Именно любовь к кино привела его в актерскую школу-студию Фридля Леонгарда, где он проучился два года: с апреля 1964 по май 1966 года. За это время Райнер снялся в нескольких ролях в нескольких телефильмах, а в 1966 году принял участие в конкурсе молодых драматургов, проводимом в Мюнхене Немецкой академией. Его сценарий «Только один ломоть хлеба, или Диалог об одном фильме» разделил третью премию еще с другим участником конкурса. Этот успех окончательно утвердил его в решении, но еще до этой премии в своей первой пьесе, написанной в 1965 году, «Капли на горячие камни», на вопрос его герою Францу, кем бы тот хотел стать, он ответил: «Все равно кем, лишь бы это было связано с искусством».

В 1962 году в западногерманском кино произошли значительные события, которые не могли пройти незамеченными для Фассбиндера. На VIII кинофестивале в Оберхаузене 26 молодых режиссеров зачитали манифест, в котором заявили о своем намерении создать новый, социально-критический кинематограф. Произошло это под сильным влиянием «новой волны» французского кино и «свободного» кино Англии.

Организаторами манифеста были Александр Клюге и Эдгар Райт. В эту группу входили и Вернер Херцог, Петер Фляйшман, Владо Крестль и другие. Позже многие отошли от этого манифеста по разным причинам, но начало было положено. Настоящий же поворот в кинопроизводстве ФРГ произошел значительно позднее, когда оберхаузенцы добились создания экономической платформы, независимой от коммерческого кино, создали свою авторскую теорию, соединив воедино художнические идеи с высшими принципами гражданина. Это позволило им перейти от короткометражного кино к полнометражному художественному фильму. Февраль 1965 года считается рождением нового молодого кино ФРГ. Первые же дебюты Клюге («Прощание со вчерашним»), Шлендорффа («Молодой Терлесс»), Штраубе («Хроника Анны Магдалины Бах») и других режиссеров принесли успех у зрителей и международные премии.

Фассбиндер по молодости лет не мог участвовать в подписании Оберхаузенского манифеста, но свои первые короткометражные фильмы он снял задолго до работы в театре. В автобиографии он указывает даты: ноябрь 1966 года — «Городской бродяга», февраль 1967 года — «Маленький хаос». И всякий раз он повторял: «Я пришел не из театра в кино, а из кино в театр». После своей удачи на конкурсе драматургов Фассбиндер в том же 1966 году пробует поступить в Берлинский театральный институт, но проваливается на вступительных экзаменах. Он отсылает два короткометражных фильма на фестиваль в Оберхаузен, но фильмы отклоняются как слабые, не отвечающие девизу фестиваля. Фассбиндер не сдается. В августе 1967 года он вступает в группу Акцион-театра, где учится режиссуре, сценарному делу, актерской профессии. Когда Акцион-театр распался, Фассбиндер создал с оставшимися ему верными актерами свой Антитеатр, став его лидером. Он много экспериментировал, ставя пьесы классиков, современных авторов и собственные пьесы. Так, например, первые свои драмы «Катцельмахер» и «Американский солдат» он строго разметил по времени как полторачасовые фильмы, а картины между актами смонтировал как кинокадры. Кто-то назвал его инсценировки «скречиванием театра и кино».

То, что сильнее всего волновало 20-летнего Фассбиндера, он выразил в своем короткометражном фильме «Маленький хаос», своеобразном «автопортрете с друзьями», где очень заметно влияние на него литературы и его наивное восхищение американским кино 30-х годов. Не только имитация жестов героев американских вестернов, но и желание самому сыграть роль

гангстера побуждает Фассбиндера ввести в фильм ограбление банка. В финале герои сидят в комнате и делят деньги. Каждому задается вопрос, что он сделает со своей долей. Франц (Фассбиндер) отвечает: «Я? Я пойду в кино».

Свой полнометражный фильм-дебют Фассбиндер назвал «Любовь холоднее смерти» и посвятил его Клоду Шабролю, Жану Марию Штраубе, Эрику Ромеру, Линию и Гунчо. В своем интервью на Западнберлинском кинофестивале, где в июне 1969 года фильм показывался в конкурсной программе, Фассбиндер пояснил: «Шаброль, как и я, показывая в фильмах падение морали и анализируя чувства, стремится к изменению общества. У Штраубе я учился стилистике кино. Фильм Эрика Ромера «Под знаком льва» меня глубоко потряс. А Линию (правильнее: Гринго) и Гунчо — это два героя из вестерна Дамиано Дамиани «Убей друга». Когда мы с Улли посмотрели этот фильм, то сразу решили снять свой фильм и назвать его «Холоднее смерти»». (Улли Ломмель, актер, исполнитель главной роли в фильме «Любовь холоднее смерти», постоянно снимавшийся у Фассбиндера.)

Другим толчком к созданию фильма послужили события в Европе в этот период. Майские студенческие волнения 1968 года, начавшиеся во Франции и прокатившиеся по многим странам Европы, вызванные бурными протестами французской молодежи против американской войны во Вьетнаме, докатились и до Западной Германии. В том же мае на Каннском кинофестивале несколько французских кинематографистов заявили о своей солидарности со студенческим движением. Работа фестиваля была прервана. Но, как позже писал один французский кинокритик, это было потрясение, которое наделало много шума, но мало что изменило, оставив у молодежи лишь чувство глубокой горечи и полной апатии. В своем дебюте Фассбиндер попытался показать, какую опасность несет в себе бездуховность и бесцельность молодежи, переходящие сначала в стихийную, а затем и в направленную агрессию. Но фильму на фестивале был оказан холодный прием: публика его не поняла, критика была снисходительной, лишь писатель Петер Хандке, входивший в состав жюри, да еще несколько журналистов отметили необычный, новый киноязык режиссера. Оберхаузенский манифест провозглашал, что будущее нового немецкого кино находится в руках тех режиссеров, которые заговорят в своих фильмах «новым» языком. Фассбиндер стал первым режиссером нового кино.

После неудачи на Западнберлинском фестивале он за девять дней снимает второй фильм «Катцельмахер», переделав пьесу в

киносценарий, и осенью 1969 года отсылает его на фестиваль в Маннгейм. Успех необычайный. Сразу две премии фестиваля: приз кинокритики (ФИПРЕССИ) и приз протестантского киноцентра. У себя дома режиссер получает еще четыре национальные премии и приз Немецкой Академии за лучшее изобразительное искусство. Это позволило ему продолжать работу. В головокружительном темпе он снимает до конца 1970 года еще десять фильмов. Это был стремительный взлет его карьеры, но одновременно приходило и осознание того, что дальше идти уже проторенным путем нельзя, нужны новые фильмы, новая стилистика, новая техника.

Переломный момент в творчестве Фассбиндера наступил в конце 1970 года после его встречи с американским режиссером немецкого происхождения Дугласом Сирком. Посмотрев ретроспективу его фильмов, Фассбиндер решил во что бы то ни стало встретиться с этим человеком. Он приехал в Тессин, где в то время проживал 80-летний режиссер, имел с ним долгую беседу, отраженную позже в эссе, которое Фассбиндер посвятил мастерству Сирка. Фассбиндер выявил для себя две важные вещи: по утверждению Сирка кино — это кровь, слезы, насилие, ненависть, смерть и любовь. В таком ключе Сирк и снимал свои фильмы-мелодрамы, но они все были наполнены нежностью и любовью автора к своим героям. Это было очень важно для Фассбиндера. «Я наконец-то встретил человека, который по-своему делает искусство, и я понял, что мне нужно в себе изменить», — писал Фассбиндер в своем эссе. Если до этой

встречи Фассбиндер считался элитарным молодым режиссером, а его статичные и стилизованные фильмы были понятны лишь интеллектуальному зрителю, то уже с фильма «Предостережение от святой блудницы», а чуть позже в фильме «Торговец четырьмя временами года» он нашел в себе мужество преодолеть элитарный характер своих фильмов и добиться контакта с широкой публикой. Он снял свои первые мелодрамы, где героем вывел маленького человека, униженного и оскорбленного, но заслуживающего любви и нежности. И Фассбиндер показывал этих людей с любовью и симпатией. «Не надо стыдиться ни своих чувств, ни сентиментальных сцен», — заявил он. «Торговец четырьмя временами года» (1971) и «Страх съедает душу» (1973) стали кульминационным пунктом его творчества начала 70-х годов и открыли ему доступ к широкой публике.

Все фильмы Фассбиндера отражают историю прошлого и настоящего, блеск и нищету общества, карьеру людей и ее крушение. За это его часто называли «немецким Бальзаком». Он был архитектором человеческих душ, художником человеческих характеров. Палитра его искусства изображения людей содержала все краски, его самого интересовали все формы человеческого существования. Фассбиндер однажды сказал: «Мне хотелось бы из своих фильмов построить дом. Пусть одни будут подвалами, другие — стенами, третьи — окнами и крышей, но надеюсь, что в конце получится настоящий дом».

ЛЮБОВЬ ХОЛОДНЕЕ СМЕРТИ

Посвящается: Клоду Шабролю, Эрику Ромеру, Жану Марию Штраубе, Линио и Гунчо

Сцены 1—3. Тюрьма синдиката.

Франц читает газету. Спиной к камере сидит Георгес. Франц закуривает сигарету.

1. Петер. Дай мне сигарету.

1. Франц. Ммм.

Петер вырывает у Франца газету и бросает ее на пол. Франц гасит сигарету, ударом валит Петера на пол и садится на него верхом. Георгес и Юрген встают, поднимают Петера и прислоняют его к стене, приводят в чувство.

Петер. Ты мне за это заплатишь, свинья.
Рауль, негр, открывает дверь.

Рауль (по-английски). Что здесь происходит?

Все четверо в кадре: Георгес, Петер, Юрген, Франц.

Рауль (за кадром). Я же просил вас вести себя потише, пока вас не вызовут.

Сцена 4. Контора синдиката.

Допрашивающий, негр и остальные сотрудники синдиката. Франц сидит на крутящемся стуле с завязанными глазами.

Допрашивающий. У вас уже было три судимости: две за разбой и одна — за сутенерство. Верно?

Франц. Примерно.

Допрашивающий. Совершенно верно. У нас самая лучшая информация. Ну хорошо. Вы знаете, почему вы здесь? Ну ладно, я вам

скажу. Синдикат желает, чтобы вы на нас работали. Вы курите?

Он закуривает сигарету и дает ее Раулю. Потом сует Францу в рот другую сигарету и дает ему прикурить. Крутанув стул с Францем, он возвращается на свое место, поглаживает колено Рауля.

Допрашивающий. Синдикат добивается всего, чего он желает. Вам это известно. В принципе все очень просто. Вы работаете и регулярно получаете оплату. Вам это нравится? У вас есть подружка. И она хорошенькая, не так ли? Ну как, будете работать на синдикат?

Франц. Я работаю только на свой страх и риск.

Допрашивающий. Рауль!

Рауль встает, достает пистолет из кобуры и бьет им Франца по голове.

Сцены 5—7. Тюрьма синдиката.

Франц без сознания лежит на полу. К нему подходит Петер, вынимает из кармана его куртки пачку сигарет, достает одну сигарету и сует пачку обратно в карман. Потом переворачивает Франца на спину, достает из бокового кармана спички и прикуривает. Франц приходит в себя, вырывает у Петера изо рта сигарету и плюет ему в лицо. Петер отходит. Подходят Георес и Юрген, помогают Францу подняться.

Франц. Я не хочу работать на синдикат. В кадре Бруно и Франц. Бруно стоит перед дверью синдиката.

Франц. Берегись, малыш, у них жестокие методы. У тебя была судимость? Не любишь говорить. Ну так-то и лучше.

Входят. Георес, потом Петер и Юрген. Они расстилают одеяла. Появляется Бруно. Все лежат на одеялах. Последним входит Франц и ложится рядом с Бруно.

Франц. Тебя как звать?

Бруно. Бруно.

Франц. Меня — Франц. Ты откуда?

Бруно. Из маленького городишка.

Франц. А я из Мюнхена. У меня там девчонка, я ее люблю.

В умывальной Юрген, Георес, Петер и Франц моют руки под двумя умывальниками. Подходит Бруно, Петер уходит. Бруно моет руки. Франц смотрит на дверь. Появляется Рауль.

Рауль. Мистер Штрауб, пойдемте.

Франц. Будь осторожней, парень, они тебя будут пытаться.

Бруно уходит. Франц садится в кресло, вынимает сигарету, предлагает Петеру.

Франц. Бери.

Петер сидит в другом кресле. Франц дает ему прикурить, закуривает сам.

Франц. Проваливай.

Рауль отпирает дверь, вталкивает Бруно и снова запирает ее. Франц нагибается над

Бруно, поднимает его и тащит к креслу. Бруно без сознания лежит в кресле. Франц возвращается с мокрым полотенцем и вытирает лицо Бруно. Слышно, как отпирают дверь.

Рауль. Мистер Велш, пойдемте.

Франц уходит. Дверь снова запирают.

Контора синдиката. Там уже находятся допрашивающий и Рауль. Франц сидит на том же месте, что и в прошлый раз.

Допрашивающий. Ну как, подумали? У вас будет обеспеченное будущее служащего синдиката. В распоряжении синдиката самые лучшие адвокаты, самые лучшие связи.

Франц. Я хочу быть свободным.

Тюрьма синдиката. Бруно сидит в кресле, смотрит на дверь. Входит Франц.

Франц. Пошли.

Франц уходит. Бруно с трудом поднимается с кресла, вытирает лицо и идет к Францу. Тот стоит у белой стены и курит. Бруно прислоняется к стене.

Франц. Сегодня они меня выпускают. Я не знаю, чем ты займешься, когда они тебя выпустят, но если ты хочешь, приезжай к нам. Запомни адрес: Мюнхен, Хессштрассе, 129.

Франц уходит, Бруно остается один.

Бруно. Мюнхен, Хессштрассе, 129.

Сцены 8—10. В поезде.

В купе поезда сидит пассажирка.

Дама. На этом месте у меня почти всегда оказывается приятное соседство.

Напротив нее сидит Бруно. Дама берет сигарету из пачки, закуривает и делает глубокую затяжку. В руке у нее яблоко.

Бруно и дама сидят за столиком у вагонного окна. Поезд проезжает через город. Дама протягивает Бруно яблоко. Бруно надкусывает его.

Бруно. О чем вы думаете? О сексе?

Дама начинает расстегивать платье.

Дама. О революции.

Бруно (за кадром). Прекрасно.

Дама. Вы находите?

Бруно кладет яблоко на столик, берет пачку сигарет. Дама следит за ним. Щелкнув зажигалкой, Бруно закуривает.

Дама. Как обычно. (Проводит рукой по своему декольте.) Красиво?

Дама берет свою сумку, кладет туда кошелек, оставляет сумку на столике, сама откидывается на спинку дивана. Бруно смотрит на сумку, потом на даму, снова переводит взгляд на сумку, вынимает кошелек и берет оттуда одну купюру, кошелек кладет обратно в сумку, а деньги — себе во внутренний карман куртки. Дама застегивает свое платье.

Дама. Вкусное было яблоко?

Бруно. В четырнадцать я разбил вазу о

голову своего отца. Тот сразу умер.

В кадре лицо дамы.

Бруно (*за кадром*). В шестнадцать я был предводителем банды. Мы одного кокнули, он сидел со своей девчонкой на скамейке, а мы на него сверху стали мочиться. Что было! Он вскочил и начал на нас орать, а мы его как следует вздули. Да, да, настоящие боксерские удары наносили. Он и умер. Очень просто — был и нет его.

В кадре лицо дамы.

Вокзал.

Бруно выходит из вокзала через крутящуюся дверь на улицу. Подзывает такси. Подъезжает такси, Бруно садится, такси отъезжает.

Сцена 11. Хессштрассе.

Такси останавливается, Бруно вылезает, и такси уезжает. В доме. Бруно прислоняется к зарешеченному окну и ждет. Окно открывается, и в нем появляется жалкая проститутка.

Проститутка. Сейчас не могу, дорогуша. Приходи через полчаса.

Бруно. Я пришел тут к одному, его зовут Франц.

Проститутка. Так он уже здесь больше не живет. Уже давно.

Бруно. Ты была его девчонкой?

Проститутка. Он не мой тип.

Бруно. А как ты звали?

Проститутка. Иоанна. Паршивка.

Проститутка захлопывает окно. Бруно стоит перед окном, опустив голову.

Сцены 12—14. Ландсбергерштрассе.

Проезд по улице мимо неоновых реклам. Неожиданно из тьмы появляется проститутка.

Бруно (*за кадром*). Я ищу некую Иоанну.

Проститутка. Почему Иоанну, почему не меня?

Бруно. Потому что я обязательно должен найти ее.

Проститутка. Иоанна, Иоанна, Иоанна... Вроде я ее вчера видела, она была в желтом платье.

Проститутка исчезает во тьме. Машина едет дальше по улице.

Бруно спит в машине американской марки. Появляется еще одна проститутка, она подходит к машине, открывает дверцу, садится и захлопывает ее. Бруно хватается за револьвер.

Проститутка. Я за тобой наблюдала, ты уже давно торчишь здесь. Ты один? Я тоже одна. Может, соединимся?

Бруно. Я ищу некую Иоанну.

Проститутка. Иоанна. Я знаю одну Иоанну. Бруно вынимает кошелек, достает день-

ги и протягивает ей. Она пытается схватить деньги, но он крепко держит их в кулаке.

Проститутка. Хессштрассе, 129, третий этаж направо.

Бруно выпускает деньги, она хватает их и засовывает в свою сумочку, потом снимает с Бруно шляпу и проводит рукой по его волосам. Бруно отводит ее руку и надевает шляпу.

Проститутка. Только не говори, от кого ты узнал, пожалуйста.

Она вылезает из машины и захлопывает за собой дверцу.

Сцены 15—19. Квартира Франца.

Франц сидит за столом, поглаживая свой пистолет. Входит Иоанна, бросает пальто на спинку стула, сумку — на стол, потом снимает с себя сапоги и чулки.

Франц. Ну как?

Иоанна вынимает из сумки кошелек, швыряет Францу деньги и отходит. Франц гасит сигарету, пересчитывает деньги, швыряет Иоанне двадцать марок, остальное прячет в карман. Появляется Иоанна, она кладет сумку на стул, отодвигает деньги и садится рядом с Францем.

Иоанна. Нам нужно подыскать квартиру, где мы могли бы жить. И чтоб был ребенок и покой.

Франц встает из-за стола. Иоанна закури-вает.

Иоанна. Сегодня со мной опять из уголовной полиции один заговаривал.

Франц появляется с полотенцем и расстилает его на постели, потом садится рядом с Иоанной.

Франц. Ну и?

Иоанна. Ничего, спрашивал, жив ли ты еще.

Франц прикуривает от сигареты Иоанны. В дверь звонят.

Бруно (*за кадром*). Мне нужно тут к одной, ее зовут Иоанна. Она здесь живет?

Хозяйка дома (*за кадром*). Да.

Бруно. Можно войти?

Хозяйка дома: Фройляйн Вирт, тут опять к вам клиент.

В дверь стучат. Иоанна смотрит на Франца, Франц — на Иоанну.

Иоанна. Кто там?

Бруно. Бруно.

Франц кивает на дверь, Иоанна пожимает плечами. Франц встает с пистолетом в руке, подкрадывается к двери, отпирает ее, делает знак Иоанне.

Иоанна (*за кадром*). Входите.

Дверь открывается, входит Бруно.

Франц. Руки вверх!

Бруно поднимает руки, Франц запирает дверь, обыскивает Бруно.

Франц. Оружия нет.

Он узнает Бруно.

Франц. Да это и впрямь Бруно.

Бруно улыбается.

На постели сидит Иоанна в короткой черной комбинации. Бруно в пальто и шляпе сидит за столом и наливает себе в бокал вина. На подоконнике сидит Франц.

Франц. Тут одного турка укокошили, он сюда к девчонкам бегал. Так вот, его брат пришел сюда отомстить, а какая-то гадина наступала ему, будто это я прихлопнул его братца.

Бруно. И что?

Франц. Да на какого дьявола мне нужно было убивать этого турка. В общем, мне нельзя показываться на улице, пока не найдут настоящего убийцу.

Бруно поворачивается к Францу.

Франц. Иоанна?

Иоанна лежит на постели. Бруно и Франц у окна.

Франц. Иоанна в порядке.

Бруно отходит от Франца, прислоняется к стене.

Бруно. Он не сможет тебе больше угрожать, если ты его до того...

Франц смотрит на Бруно, Бруно — на Иоанну, Иоанна на него. Бруно опускает голову.

Франц (за кадром). Хорошо, малыш! Бруно поднимает голову, смотрит на Франца, потом на Иоанну.

Сцены 20—23. Универмаг.

Бруно едет на эскалаторе вверх, сзади него — Иоанна. Бруно выбирает себе солнечные очки. Продавщица читает роман-газету.

Бруно. Милочка!

Продавщица (поворачивается). Что угодно?

Иоанна (подходит). У вас есть очки в стальной оправе?

Продавщица поворачивается к Иоанне.

Иоанна. В стальной оправе!

Продавщица. Я не знаю, я...

Бруно (надевает очки). Эти мне подходят?

Продавщица поворачивается к Бруно.

Продавщица. Право, не знаю, наверно. Вообще-то они красивые.

Франц (подходит). Может, вы наконец займетесь мной?

Продавщица. Простите, что вам угодно?

Иоанна. Да я только спросить хотела.

Продавщица поворачивается к ней.

Иоанна. У вас есть очки в стальной оправе?

Продавщица. Я не знаю, я...

Франц (Иоанне). Может, вы подождете, пока до вас очередь дойдет!

Продавщица. Да дама только хотела...

Франц. Ну ладно. Знаете, я ищу такие круглые очки.

Бруно надевает очки, смотрит на Иоанну.

Франц (за кадром). Такие, какие были у полицейского в «Псих», ну когда он подошел к машине Джанет Ли. Понимаете?

Продавщица. К сожалению, круглых очков у нас нет.

Бруно за спиной продавщицы кладет себе в карман очки.

Франц. Очень плохое обслуживание, я буду жаловаться.

Продавщица. А у меня тоже только две руки, как у всех людей.

Иоанна. В стальной оправе, в стальной оправе.

Продавщица поворачивается к Иоанне. Франц сует очки себе в карман.

Франц. Если у вас нет круглых очков, то что у вас вообще имеется, милочка?

Иоанна прячет в свою сумку очки.

Продавщица. Разумеется, наш выбор не самый большой, в таком универмаге.

Иоанна. Большое спасибо.

Она уходит.

Франц. Ну, может, в другой раз.

Он уходит. Продавщица снова принимается за чтение роман-газеты.

Франц спускается по эскалатору вниз. С сигаретой в зубах, он надевает очки.

Детектив (за кадром). Эй, погодите-ка! В кадре Иоанна и Бруно, оба в черных очках. Бруно сует руку в карман с пистолетом.

Детектив (Францу). Стойте! Вы же знаете, что в универмаге не разрешается курить!

Франц гасит сигарету. Бруно вынимает руку из кармана. Франц хлопывает детектива по плечу.

Франц. Следите только за порядком.

Он уходит, детектив провожает его взглядом.

Сцены 24—27. В мастерской сапожника. Сапожник чинит ботинок. Входят Иоанна, Франц и Бруно.

Франц. У меня есть разрешение на ношение оружия.

Сапожник. Какую модель?

Бруно. Заприте дверь.

Франц запирает дверь.

Бруно. Израильский автомат.

Сапожник. У меня есть только прекрасный муляж такого автомата.

Бруно. Покажите.

Сапожник достает из ниши автомат.

Сапожник. Вот этот.

Иоанна достает из сумочки пистолет.

Сапожник. Конечно, он давно уже не был в употреблении, но в руках хорошо действует. Бах-бах-бах!

Бруно разглядывает автомат, передает

Франц, тот возвращает его владельцу.

Франц. У вас есть револьвер?

Сапожник встает на табуретку, достает из обувной коробки револьвер и подает его Бруно.

Сапожник. «Вальтер-ППК» снова входит в моду.

Бруно кладет автомат, рассматривает револьвер, потом направляет его на сапожника, тот, ухмыляясь, отклоняется. Бруно передает револьвер Францу.

Франц. Прекрасно. А патроны?

Сапожник качает головой. Франц забирает у Иоанны пистолет, отдает Бруно револьвер. Сапожник садится и снова принимается за ботинок. Франц пистолетом угрожает сапожнику, тот отдает патроны, Франц сует их в карман.

Франц. Большое спасибо.

Франц отдает Бруно свой пистолет, Бруно — Иоанне револьвер сапожника. Франц прислоняется к полке, Бруно выходит вперед, Иоанна отходит назад. Бруно снимает черные очки.

Сапожник. Почему вы сняли черные очки? Бруно целится в сапожника и стреляет.

Сцены 28—33. Квартира Франца.

Франц лежит на постели, Иоанна убирает посуду со стола и уходит.

Иоанна стоит перед зеркалом умывальника.

Франц лежит на постели, поворачивается к окну.

Иоанна (перед зеркалом). Я его просто не выношу, физически.

Франц снова поворачивается к Иоанне.

Иоанна. Правда.

Франц лежа поглаживает ноги Иоанны. Иоанна берет стакан и уходит.

Комната. Входит Иоанна со стаканом в руке. Отворяется дверь, и появляется Бруно, он смотрит на обоих, потом закрывает дверь, идет к умывальнику и моет руки. Иоанна ложится на ковер. Бруно переводит взгляд с Иоанны на Франца, тот дает ему знак. Иоанна лежит на ковре. Бруно подходит к ней, легонько трогает ее ногой, перешагивает через нее и садится рядом на пол. Бруно некоторое время смотрит на нее, потом начинает расстегивать ей блузку. Франц наблюдает. Бруно целует открытую грудь Иоанны, пытается поцеловать ее в губы. Иоанна начинает громко смеяться, она встает и застегивает блузку.

Иоанна стоит у белой стены. Подходит Франц и влепляет ей пощечину.

Иоанна (за кадром). Зачем ты это сделал?

Франц. Потому что ты смеялась над Бруно, а Бруно — мой друг.

Иоанна. А я?

Франц. Ты... ты ведь все равно меня любишь.

Сцены 34—35. В кафе.

За столом сидит турок, пьет кофе и смотрит на дверь. Входит Франц и садится напротив него. Франц смотрит на турка, турок смотрит на дверь.

Входят Иоанна и Бруно, садятся за стол. Франц смотрит на них, потом на турка, тот перебирает четки. Подходит официантка.

Официантка (Францу). Слушаю.

Франц. Кофе.

Официантка. Хорошо.

Она отходит. Слышно, как она включила кофеварку.

Официантка (Иоанне). Что желаете?

Иоанна. Кофе.

Официантка (Бруно). А вам?

Бруно. Кофе.

Официантка отходит.

Франц (снимает очки). Я тот, кого ты ищешь.

Турок хватается за пистолет. Гремят один, два, три выстрела.

Турок падает головой на стол. Франц встает и уходит.

Иоанна и Бруно встают. Официантка переводит взгляд с турка на Иоанну и Бруно, те поворачиваются к ней. Иоанна идет к двери.

Бруно целится в официантку, та начинает плакать. Звучит выстрел, и она падает.

Сцены 36—37. Загородное шоссе.

Иоанна, Франц и Бруно идут по шоссе. Их нагоняет полицейский на мотоцикле. Когда он с ними поровнялся, те останавливаются.

Полицейский (слезая с мотоцикла). Это ваша машина, что стоит на обочине?

Франц. Какая?

Полицейский. Американская, «форд» или, кажется, «мустанг».

Подходит Иоанна, обнимает Франца.

Франц. Да.

Полицейский. Дайте-ка взглянуть на ваши права.

Франц. Зачем?

Полицейский. Не задавайте дурацких вопросов. Покажете свои права или нет?

Звучат два выстрела. Бруно сует пистолет в карман.

Полицейский (падая рядом с мотоциклом). Ох, парень!

Сцены 38—39. Комиссариат.

В комиссариате. Слышен звук пощечины.

Комиссар (за кадром). Видишь ли, я был бы полностью согласен с тобой, но дело-то самое обычное. Убит человек. Приезжает его брат, чтобы отомстить. Но кто-то ему доносит, будто убийца — это ты. Тот начинает тебя искать. Ты не решаешься вылезти из своей норы. Но потом все это тебе

начинает казаться глупым. Ты размышляешь: прежде чем он тебя укокошит, ты можешь это сделать сам. И представь, в него даже стреляешь. Несколько раз. Теперь ты можешь выходить на улицу. И тут тебя арестовывают. Веселенькая история. Довольно будничная. Так и должно было случиться. Даже оправдание можно дать в случае самозащиты. Если бы не эта девчонка Эрика Ромер. Красивая девушка, девятнадцать лет, могла бы еще насладиться жизнью. Ну ладно, ты должен был убить турка прежде, чем он тебя нашел бы, согласен. Но зачем понадобилось убивать девушку?

Франц. Я к этому не причастен.

Комиссар. Да брось ты. *(В кадре.)* Ягодки еще впереди. Как поживает Иоанна?

Франц *(за кадром)*. Очень хорошо.

Комиссар. А как дела? Тоже хорошо?

Франц. Мы ведем себя прилично.

Комиссар. Кроме двух маленьких убийств. Прекрасно. На что вы живете?

Франц. Кое-как перебиваемся.

Комиссар. Ну ладно. Итак, где ты был вчера вечером?

Франц. Примерно когда?

Комиссар. Ну, скажем, в шесть.

Франц. В шесть, в шесть... а, я был в постели.

Комиссар. Один?

Франц. Когда это я бывал в постели один?

Комиссар. Ну хотя бы в камере.

Франц. Кроме тюряги, верно.

Комиссар. Итак, с кем?

Франц. Я кавалер.

Комиссар. Ах так? Ну что ж, начнем сначала. У нас много времени.

Франц. Двадцать четыре часа, не больше.

Сцена 40. Телефонная будка.

В телефонной будке Иоанна. Она звонит.

Сцены 41—42. Квартира Франца.

На постели лежит Бруно с пистолетом в руке. Слышно, как отпирают дверь. Бруно целится в дверь. Потом опускает пистолет. Входит Иоанна. Запирает дверь.

Иоанна. Он в полиции, из-за этого турка. Она снимает с себя пальто, вешает его на дверной крючок, смотрит на Бруно.

Иоанна. Самое позднее они должны его выпустить завтра в десять утра... если он не расколется. Он долго не выдержит.

Бруно в постели не отвечает. Иоанна раздевается и ложится рядом с Бруно. Тот не реагирует.

Сцена 43. Супермаркет.

Бруно и Иоанна проходят по супермаркету до кассы. Звучит музыка из оперы Рихарда Штрауса «Кавалер розы». Иоанна крадет несколько деликатесов.

Сцены 44—45. Перед полицейским участком.

Бруно сидит в украденной машине марки «Каравелла». Из отделения полиции выходит Франц, он застегивает куртку, замечает Бруно.

Сцена 46. Улица.

Франц и Бруно едут в машине.

Франц. Всегда одни и те же вопросы: где ты был в шесть вечера. С кем был в постели. Почему застрелил официантку. Куда спрятал пистолет. Были ли вы дома. Вообще-то опасно было ставить машину перед полицией.

Машина останавливается.

Бруно. Это здесь?

Сцена 47. Банк.

Бруно и Франц входят в банк. Бруно дает кассиру банкноту в десять марок.

Кассир. Хотите разменять? Вам по одной марке?

Бруно кивает. Кассир отсчитывает ему десять монет. Бруно сует деньги в карман.

Франц сидит в кресле, листает брошюру. Подходит Бруно, берет брошюру, листает, потом кладет ее на место. Франц встает.

Бруно и Франц выходят, снова оборачиваются.

Бруно. Не сейчас.

Франц *(кивает)*. Очень чистый банк.

Оба идут по улице.

Сцены 48—53. Квартира Франца.

Белая стена. Входит Иоанна, прислоняется к стене.

Иоанна. Когда?

Франц и Бруно стоят у окна.

Франц. Завтра.

Бруно. По пятницам всегда много наличных денег.

Иоанна проводит рукой по волосам.

Бруно. Завтра мы расстанемся. Каждый возьмет небольшую часть денег себе и первое время пробивается сам. Остальные деньги спрячем.

Франц смотрит на Иоанну, она нежно улыбается ему.

Бруно. Через пару месяцев встретимся, когда уже будет не опасно.

Бруно и Франц сидят за столом. Иоанна зашивает свою блузку.

Бруно чистит оружие. Франц решает кроссворд. В дверь звонят.

Иоанна *(у двери)*. Кто там?

Клиент. Это я.

Иоанна *(Францу)*. Это клиент.

Клиент. Открой, Анна, быстрее.

Франц *(за кадром)*. Открой.

Она открывает. Входит клиент, Иоанна быстро запирает дверь. Клиент пытается поцеловать ее в шею, она отворачивается

в сторону Бруно и Франца. Клиент замечает обоих.

Клиент. Э, да тут еще двое, а у одного к тому же и пистолет.

Франц подходит к клиенту, щекочет ему шею, потом наносит сильный удар ниже пояса, тот падает на пол. Иоанна и Бруно наблюдают. Клиент без сознания лежит на полу. Франц бьет его по ребрам и ниже живота.

Бруно (*прячет пистолет*). Я его куда-нибудь отвезу.

Франц перешагивает через лежащего и садится на стул.

Бруно кладет левую руку клиента на свое плечо, наклоняется, чтобы поднять пальто клиента, при этом с того падает шляпа. Бруно оттаскивает клиента, возвращается, поднимает шляпу и надевает себе на голову, некоторое время смотрит на Иоанну и Франца.

...Иоанна лежит на постели, рядом — Франц, он гладит ее волосы.

Сцена 54. Улица.

Бруно с клиентом на плечах выходит из дома. Он кладет бесчувственного клиента на капот одной машины и пытается ее открыть, но машина заперта. Бруно пытается открыть вторую машину, это — черный «ситроен». Машина не заперта. Бруно открывает заднюю дверцу, подтаскивает клиента и втискивает его на заднее сиденье. Сам садится за руль и отъезжает.

Пригородное шоссе.

Бруно сидит в машине. В зеркале видно его лицо. Он включает радио, снимает шляпу.

Сцена 55. Песчаный карьер.

«Ситроен» останавливается. Слышно хлопанье дверцы. Бруно вытаскивает клиента и швыряет его на землю. Затем вытаскивает из кармана пальто пистолет и проверяет, сколько там патронов.

Бруно направляет пистолет на клиента, тот вскакивает, плачет.

Раздаются два выстрела. Клиент падает.

Сцена 56. Салон игровых автоматов.

Георгес у игрового автомата. Подходит Бруно, смотрит, потом отходит к музыкальному боксу, нажимает кнопку, ставит пластинку, снова идет к Георгесу, играет вместе с ним.

Бруно. Я звонил мистеру Штраусу. Он говорит, что девчонку надо убрать. И так, завтра. Лучше всего, если ты перед этим выстрелишь, а я воспользуюсь суматохой.

Георгес. О'кей. А оружие?

Бруно. В машине, в черном «ситроене». Георгес уходит, Бруно продолжает играть. Возвращается Георгес.

Георгес. Порядок.

Бруно. В четыре тридцать. Только не промахнись, когда будешь в нее целиться. До встречи в Греции.

Бруно уходит.

Сцены 57—63. Парадизштрассе.

Трое полицейских в штатском стоят перед банком. Справа в кадре видна машина «БМВ».

Георгес сидит в «фиате» и осматривается, он замечает «кадиллак». «Кадиллак» останавливается перед банком. Бруно выходит из машины, обходит ее и направляется к банку. Следом из машины выходит Иоанна.

Бруно выходит из банка. Георгес в «фиате» поворачивается лицом к заднему сиденью. Бруно взглядывает направо-налево, потом опускает голову.

В телефонной будке — Иоанна. Она ищет в телефонной книге какой-то номер.

Франц сидит в «кадиллаке». Подходит Бруно и стучит в стекло. Франц отодвигается на место водителя. Бруно садится в машину.

Иоанна бросает монетку в автомат, набирает номер.

Франц и Бруно в машине.

Бруно. Еще много народу. Где Иоанна?

Франц. Покупает сигареты.

Бруно. Ммм?

Франц. Покупает сигареты.

Иоанна в телефонной будке.

Иоанна. Почему никого нет? Я ведь вас пригласила. Но я никого не видела.

Из банка выходит посетитель. Франц и Бруно в «кадиллаке».

Бруно. Так где же она?

Франц. Сейчас придет.

Бруно вылезает из машины, открывает заднюю дверцу, снимает пальто, наклоняется к машине. В окне другой машины — Георгес с ружьем с оптическим прицелом. По улице идет Иоанна. Палец Георгеса на спуске. Он меняет положение пальца.

Бруно идет к банку. Дорогу ему загораживают двое полицейских.

Георгес бросает ружье на заднее сиденье, дает газ и уезжает.

Двое полицейских стоят перед Бруно.

Полицейский. Поднимите руки.

Бруно смотрит на полицейских.

Бруно. У меня автомат.

Франц с пистолетом в руке выскакивает из «кадиллака». Иоанна бежит к нему, хочет помешать, Франц толкает ее в машину.

Бруно медленно отходит от полицейских. Третий полицейский целится в Бруно.

Полицейский. Стойте или мы будем стрелять.

Бруно срывает пальто с автомата, но его настигает пуля полицейского. Какое-то мгновение он стоит спокойно, потом падает.

Франц стреляет и ранит полицейского в руку, тот роняет пистолет.

Франц (*за кадром*). Руки вверх!

Франц держит под прицелом полицейских, обходит «кадиллак», поднимает Бруно. Иоанна открывает заднюю дверцу, Франц втаскивает Бруно в машину, Иоанна помогает. Франц садится в машину, «кадиллак» отъезжает. Полицейские стреляют ему вслед, потом садятся в «БМВ» и начинают преследовать.

Сцены 64—65. Загородное шоссе.

Иоанна и Франц в машине.

Франц. Он мертв?

Иоанна поворачивается к заднему сиденью, снимает с Бруно очки, смотрит в его глаза, потом закрывает их.

Иоанна. Да.

В зеркале отражается преследующий их «БМВ».

Франц. Черт, они у нас уже на хвосте.

Открой дверь, надо от него отделаться.

Иоанна снимает очки. Бруно на ходу выбрасывает из машины. «БМВ» останавливается перед лежащим Бруно. Выскакивают двое полицейских.

Полицейский. Этот мертв, брось его.

Они оттаскивают Бруно в сторону.

В «кадиллаке» Франц и Иоанна.

Иоанна. Это я донесла в полицию.

Она снова надевает черные очки. Франц закуривает сигарету.

Франц. Шлюха.

«Кадиллак» удаляется по дороге, становится все меньше, превращается в черную точку. Экран становится белым.

1969 г.

Издательство Ширмер/Мозель, Мюнхен, совместно с издательством Авторов, Франкфурт-на-Майне, 1987 г.

ТОРГОВЕЦ ЧЕТЫРЬМЯ ВРЕМЕНАМИ ГОДА

Наплыв. Квартира родителей Ханса.

Фрау Эпп в утреннем халате и бигудях в волосах стоит за дверью. В дверь стучат.

Мать (*за дверью*). Кто там?

Ханс. Это я, Ханс.

Мать (*открывает дверь*). Ах, это ты.

Ханс (*входит в квартиру*). Мама! (*Хочет ее поцеловать, но та отклоняется.*)

Мать. Как это похоже на тебя, врываться ночью в квартиру, это на тебя похоже.

Ханс. Меня же больше года не было дома, мама!

Мать. То, что ты вступил в легион, это было твое дело. Но то, что ты увлек за собой такого милого юношу, как Вагнер Манфред... А проблемы, которые я пережила с его родителями? Они считали меня ответственной за это, меня! А он тоже вернулся?

Ханс. Манни погиб.

Мать. Вот так всегда. Лучшие остаются там навечно, а такие, как ты, возвращаются.

Ханс. Мама, я очень изменился.

Мать (*поворачиваясь к нему*). Каков в колбельку, таков и в могилку!

Задний двор.

Во дворе с тележкой Ханс. Он ходит вокруг тележки, рекламируя свой товар.

Ханс (*выкрикивает*). Свежие груши, свежие груши! Два сорок за кило! Удобная покупка! Свежие груши, свежие груши! Два сорок за кило. Покупайте, люди, покупайте!

Двор. Во дворе стоят Ирм и Ханс.

Ирм. Что такое?

Ханс (*стоя у тележки, смотрит на Ирм некоторое мгновение, усмехаясь, потом снова начинает выкликать*). Груши, свежие груши! Покупайте, люди, покупайте! Выгодная покупка! Свежие груши! Прима, прима!

Ирм поправляет резинку на чулке.

Окно на верхнем этаже открывается. В окне появляется женщина.

Ингрид. Эй! (*Ханс и Ирм одновременно поднимают головы.*) Принеси мне наверх два фунта груш, только выбери, пожалуйста, самые крупные.

Ирм (*смотрит на Ханса*). Ты не пойдешь!

Ханс (*взвешивая килограмм груш*). Но я должен пойти.

Ханс уходит. Ирм смотрит ему вслед. Ханс скрывается в доме. Окно наверху хлопывается, женщина в окне скрывается.

Ирм остается у тележки одна. К ней подходит женщина.

Покупательница. Взвесьте мне два килограмма груш.

Лестничная площадка.

Ханс подходит к двери квартиры. Когда он решается позвонить, дверь открывается.

Ингрид. Заходи.

Ханс. Нет, она... (*Качает головой.*) Может, как-нибудь в другой раз.

Ингрид. Как скажешь.

Ханс. Я оставлю груши.

Ингрид. Спасибо. (*Закрывает за ним дверь.*)

На улице.

Ханс толкает впереди себя тележку. Позади него идет Ирм.

Ханс. Да, честное слово, я даже ей руки не подал.

Ирм. Тебя не было ровно семь минут. За семь минут ты подал ей не только руку.

Ханс, бросив тележку, перебегает улицу. Встречная машина чуть было его не сшибла. Ирм испуганно смотрит ему вслед. Ханс скрывается в пивной.

В пивной.

Ханс у стойки. Хозяйка подает ему двойную водку. Ханс залпом выпивает, смотрит в окно на улицу. Там у тележки стоит Ирм, она смотрит в землю.

Во дворе.

Ханс. Свежие груши, свежие груши! Дешево! Дешево! Свежие груши! Только два сорок! Выгодно!

Ирм (*взвешивая покупательнице груши*). Конечно, ты нечестный.

Она плачет. Ханс поворачивается и уходит.

Ирм (*обращаясь к покупательнице*). Ничего, если немного побольше?

Покупательница. Пожалуйста. У вас неприятности?

Ирм. Ах, знаете, эти мужчины... С вас два восемьдесят. Да вы сами знаете. (*Она оборачивается, Ханс скрывается за дверью.*)

Кабачок.

Ханс (*входит*). Привет! Мне двойную. Хозяин. Неприятности?

Ханс. А, ничего. Одно и то же. (*Пьет.*)

Хозяин. Нам это известно.

Ханс смотрит в окно. Мимо с тележкой проходит Ирм.

Ханс (*кладет на стойку две марки*). Мерси. Хозяин. Спасибо.

Ханс выходит из кабачка и бежит по улице в том направлении, куда скрылась Ирм.

У машины.

Ханс переносит в машину ящики с неподанными грушами, Ирм ему помогает. Закончив, Ханс вытирает пот со лба, смотрит на Ирм, та глядит в сторону. Ханс захлопывает дверцу машины.

Ирм. Я найду к Хортам за Ренатой.

Ханс. Ладно. Я пока отвезу груши в погреб. Пока.

Ирм. В семь часов ужин на столе. (*Она уходит.*)

Квартира Эппа.

За накрытым к ужину столом сидят Ирм и дочь Рената. Ханса нет.

Часы на стене показывают четверть девятого. Ирм вздыхает.

Девочка грызет ногти. Ирм шлепает ее по руке.

Ирм. Ладно, начнем. Ешь!

Кабачок.

За столом сидят Ханс и еще пятеро друзей. Ханс уже порядочно пьян.

Ханс. Ничего! (*Бьет кулаком по столу.*) Ничего не случилось, просто кто-то может и споткнуться. Да, я сам был виноват. Как я мог такой довериться? Идиот! А ведь я был хорошим полицейским. Честно, ведь ничего такого не было! Ничего, пока эта маленькая свинья... Ничего!

Приятель. А она хоть страстная была, а?

Ханс. Страстная? Слушай, приятель, я ее застукал на Рыночной площади. Ага, подумал я, запретный район, довольно ясно, что она тут делает. «А ну-ка, малышка, пройдем со мной,— говорю я,— побеседуем с тобой в участке». А она очень охотно согласилась. И ничего. Я только хотел посмотреть ее документы. Только документы.

Наплыв. В полицейском участке.

Ханс в форме полицейского сидит за столом за пишущей машинкой. Перед ним стоит Мариель.

Ханс. Имя?

Мариель. Мариель. Мариель Коземунд. Ханс (*стучит на машинке*). Год рождения?

Мариель. Тридцать первого, пятого, тридцать второго, в Мюнхене.

Она начинает расстегивать свою блузку. Ханс смотрит на нее. Руки Мариель продолжают расстегивать пуговицы на блузке.

Ханс вытирает пот с лица. Мариель медленно подходит к нему и опускается перед ним на колени, улыбается, начинает расстегивать ему ширинку на брюках. Ханс смотрит на Мариель, та наклоняет голову к его коленям и начинает «работать». Ханс закрывает глаза.

Дверь в комнату открывается, и входит шеф.

Шеф. Вахмистр Эпп!

Ханс. Простите, я... (*Вскакивает.*)

Шеф. Можете ничего не объяснять, вахмистр. У меня есть глаза. (*Поворачивается и уходит. В дверях останавливается.*) И поверьте, у вас будут и последствия.

Ханс и Мариель остаются одни. Мариель уже встала с колен. Ханс дает ей пощечину, потом падает в отчаянии на стул. Оба не смотрят друг на друга.

Квартира Эппа.

В маленькой передней стоит Ирм и звонит по телефону. В открытую дверь в спальню видна неразобранная кровать, над ней висит маленькое распятие.

Ирм. Алло! Алло! Да. Нет? Скажите, я ведь

беспокоюсь за него. Он, правда, не у вас? Конечно. Извините. Спасибо. (*Кладет трубку.*)

Рената спит в своей кровати.

Ирм снова набирает номер.

Ирм. Алло! Это «К лебедю»? Говорит Эпп, фрау Эпп. Я только хотела спросить, мой муж не у вас? Да, Ханс. Да? Спасибо. (*Прижимает трубку к груди.*) Спасибо. (*Кладет трубку.*)

Кабачок.

Продолжение предыдущей сцены. Ханс с друзьями сидит за столом.

Ханс. Разумеется, это было справедливо. А что им еще оставалось делать? Что? Это ж понятно, что... что такое поведение недопустимо в полиции. А я и не жалуюсь. Да если бы я сам не знал, что... я был бы тогда плохим полицейским, а? А я был хорошим полицейским. Хорошим полицейским.

Входная дверь приоткрывается. Ханс смотрит на дверь.

Ханс. Тебе чего?

Ирм (*стоя в дверях*). Пойдем домой, пожалуйста.

Все оборачиваются на нее.

Ирм. Пожалуйста, пойдем домой.

Ханс. Я пойду домой, когда захочу, тебе понятно?

Ирм. Ханс! Я прошу.

Ханс (*встает*). А я сказал, что пойду домой, когда захочу, или ты плохо слышишь? Именно тогда, когда захочу, пойду домой. И ни на секунду раньше. Ясно? Ни на секунду. А теперь убирайся, а то получишь!

Ирм. Пожалуйста, Ханс, пожалуйста.

Ханс хватается свой стул и швыряет его в Ирм, та спешно исчезает. Стул разбивается о дверь.

Официантка. За стул ты заплатишь, вот еще чего надумал!

Ханс. Да, заплачу за стул. Конечно, заплачу. За все заплачу! За все! Еще всем по одной, давай! (*Садится.*) А для чего я тогда работаю? Для чего? А? (*Собутыльники кивают.*)

Приятель. Вот именно.

Улица. Ночь.

Ирм идет по улице мимо освещенных витрин. Она плачет. У тротуара притормаживает машина, и оттуда высовывается водитель.

Мужчина. Эй, красотка, сколько ты берешь?

Ирм смотрит на мужчину, тот встречается с ней взглядом, смущенно бормочет извинение и уезжает. Ирм идет дальше. В витринах мелькают свадебные наряды для невест, мебель для квартир.

Квартира Эппа. Ночь.

В спальне темно. Ирм и Рената в ночных рубашках сидят на кровати и ждут. Слышно, как отпирают входную дверь. Ирм и Рената напряженно смотрят. Входит Ханс и зажигает свет. Ирм и Рената на кровати. Ханс пошатываясь подходит к шкафу, снимает с себя пиджак.

Ханс (*Ирм*). Перестань реветь. Отнеси ребенка в кровать и ложись спать.

Ирм. Боже, какая же ты свинья. (*Ханс смеется.*) Иди, Рената, иди спать. (*Девочка убегает.*)

Ханс (*залезает в постель*). Иди ко мне.

Ирм. Не дотрагивайся до меня!

Ханс дает ей оплеуху, валится на нее, Ирм обороняется.

Ирм. Ты меня ударил, пьяная свинья!

Ханс (*бьет ее*). Будешь делать то, что я велю. Ты моя жена, ясно!

Ирм (*плачет*). Прекрати, прекрати!

Вбегает Рената. Она подбегает к кровати.

Рената. Мама, мама! (*Беспомощно кулачками бьет Ханса.*)

Ханс (*продолжая бить Ирм*). Не смей называть меня свиньей! Ты не смеешь. Не для того я столько работаю, чтобы меня обзывали свиньей.

Ирм. Я вызову полицию.

Ханс. Полицию? Хочешь вызвать полицию? Ну что ж, вызывай. Грязная ты свинья! (*Он падает в изнеможении на постель.*) Я хочу спать, я хочу покоя. Я хочу только спать. (*Засыпает.*)

Квартира Эппа. Утро.

Ханс просыпается.

Ханс. Ирмгард!

Она не откликается. Ханс встает, открывает дверь в комнату.

Ханс. Ирмгард!

Он оглядывает комнату. Никого нет. Открывает дверь в другую комнату, зовет жену, ответа нет. Он идет в туалет.

Лестничная площадка в доме.

Ханс выходит из квартиры, нагибается через перила и кричит.

Ханс. Ирмгард! Ирмгард! Ирмгард!

Плача, он низко наклоняется через перила. Выходит соседка и трогает его за плечо.

Соседка. Вам помочь, господин Эпп?

Ханс возвращается в квартиру. Соседка обращается к другой соседке.

1-я соседка. Вы тоже слышали, сегодня ночью?

2-я соседка. Ах, что вы! Я глаз не могла сомкнуть...

1-я соседка. Я бы такой жизни не вынесла. Я — нет!

2-я соседка. Просто ужас!

1-я соседка обращается к кому-то стоя-

щему на верхней лестничной площадке.

1-я соседка. А вы тоже слышали?

Кухня.

На столе записка: «Я ухожу от тебя. На- всегда. Не ищи меня. Я подаю на развод».

Ханс сидит один в кухне. Обхватив голову руками, он плачет. В его руке — записка.

Наплыв. Квартира родителей Ханса.

Время: перед войной. Хансу 15 лет, его матери — 45 лет.

Мать стоит на кухне у окна.

Ханс (за кадром). Мама, я хочу учиться на механика.

Мать (оборачиваясь). Нет, Ханс, ты будешь дальше ходить в школу. Я ни за что не соглашусь, чтобы ты получил такую профессию, от которой у тебя всегда будут грязные руки. Ни за что! *(Снова отворачивается от него.)* Это мое последнее слово.

Ханс. Я тебя ненавижу, я тебя ненавижу, мама!

Он, всхлипывая, обхватывает голову руками, точно так же, как в предыдущей сцене.

Квартира Хайде и Курта.

Ирм (сидит в кресле). А потом он меня избил. Вы даже не можете себе представить, как он меня бил. Кулаками. Он бил меня кулаками. Рената, Рената! *(Нервно закури- вает сигарету.)* Скажи им, как он меня бил, скажи им.

В комнате находятся Курт, Хайде, мать, среди них — Рената, она подбегает к матери.

Рената. Мама, мамочка!

Ирм. Я больше не вернусь к нему. Ни за что! Такой позор.

Курт. Конечно, не надо. Всему есть свой предел. Ему наплевать, что мы ему желаем только добра. А мы ему всегда желали добра.

Анна. Ах! Какого же добра вы ему желали?

Курт. Прошу тебя, Анна.

Анна. Я ведь только спросила, какого добра вы ему желали. Уж если быть честными, то вы его только презирали.

Хайде. Это неправда! Ты лжешь! И ты прекрасно знаешь, что лжешь.

Анна (переводя взгляд с Хайде на Ирм). Прости, Ирмгард, но признайся, что вы его презираете. Вы его просто стыдитесь.

Ирм. О нет, Анна, нет, правда, нет. Мы могли хранить наши фрукты у вас в погребе. И вы все хорошо к нему относились. Всегда очень хорошо.

Мать. Чтобы мой сын избил до полусмерти свою жену? Он никогда не хотел прислушаться ко мне, никогда.

Анна. Как раз наоборот, мама. Ты никогда

не заботилась о том, что могло бы пойти ему на пользу. Вот так и случилось с ним.

Мать. Почему ты мне это говоришь? Я всегда любила своего мальчика. Очень любила. *(Плачет.)*

Хайде. Успокойтесь, мама. Вам не в чем себя упрекнуть, поверьте мне.

Анна пожимает плечами и отходит к окну. В глубине комнаты остаются Ирм, Курт и Рената.

Курт. Конечно, сейчас нужно подумать о том, что предпринять. Где тебе жить, ну и так далее. У нас, к сожалению, тесновато, да ты и сама это знаешь.

Ирм. Да, да, разумеется.

Курт. Ну, два-три дня можешь пожить, пока не подберешь себе жилье.

Ирм. Спасибо тебе, спасибо.

Анна стоит у окна, рядом с ней — Рената, она плачет. Анна гладит ее по волосам.

Анна. Не плачь. Не надо плакать, все будет хорошо.

День. Машина.

Ханс (обращаясь к самому себе). Она мне нужна. Она мне очень нужна. Все так скверно. Так мерзко.

Квартира Хайде и Курта.

Анна и Курт стоят у окна. Слышно, как плачет Ирм.

Курт. Ты, конечно, права, но... А если он действительно ее бьет...

В комнате Хайде, Рената, мать и плачущая Ирм.

Хайде. Что же можно сделать? Курт, прошу тебя! Она все плачет.

Курт подходит к Ирм, гладит ее по волосам. Все, кроме Анны, стараются успокоить Ирм.

Вид из окна. У тротуара останавливается машина, и из нее вылезает Ханс.

Анна (у окна). Ханс приехал.

Ирм (вскакивает). О нет, нет! О боже, он меня убьет. Он такой жестокий. Он определенно меня убьет.

В дверь звонят. Все замирают. Анна идет к двери и открывает ее.

Ханс. Она здесь? *(Анна кивает.)* Впусти меня.

Анна (из-за полуоткрытой двери). А ты ей ничего не сделаешь? Ведь они все против тебя.

Ханс. Пусть она вернется. Пусть она только вернется, вот и все.

Он проходит мимо нее, она смотрит ему вслед. Остальные сидят в комнате на своих местах и смотрят на дверь.

Ханс (появляясь в дверях, за ним Анна). Пошли, Ирмгард.

Ирм. Нет!

Ханс делает шаг вперед. Женщины начинают истерически кричать. Курт пытается загоролить женщин.

Ирм. Если ты ко мне подойдешь, я закричу.
Мать. Не смей!

Ханс. Я тебе ничего не сделаю, Ирмгард.
(Подходит к ней.)

Анна. Ханс!

Ханс. Пошли! Пойдем же!

Ирм. Ни за что! Ни за что!

Хайде. О боже мой!

Ирм. Он хочет меня убить!

Мать. Нет, он этого не сделает, нет!

Курт *(крепко держит Ханса)*. Да успокойся. Ханс, так дальше нельзя.

Ханс. Пусть она поедет со мной. Пусть поедет. *(Оба смотрят на женщин.)*

Ирм стоит между матерью и Хайде. После долгой паузы.

Ирм. Так. Я звоню адвокату.

Ирм берет трубку, набирает номер. Ханс печально смотрит на Ирм.

Ирм *(по телефону)*. Это канцелярия доктора Шираха? Будьте добры, позовите господина адвоката.

Ханс. Ирмгард!

Ирм *(не смотрит на него)*. Господин адвокат? Это Эпп, Ирмгард Эпп. Я хочу подать на развод. Да, конечно.

Ханс *(тихо напевает)*. «Буона, буона нотте, аморе мио». Нельзя иметь все, чего тебе хочется. *(Хватается за сердце, опускается на пол.)*

Ирм *(встает, роняя трубку)*. Ханс!

Хайде и мать склоняются над Хансом.

Хайде. Ханс!

Мать. Ханс, мальчик мой.

Хайде *(Курту)*. Ну сделай же что-нибудь.

Курт пожимает плечами.

Мать. Ханс, не огорчай меня, Ханс.

Голос из телефонной трубки. Алло, алло, фрау Эпп, что у вас там случилось?

Все замерли. Рената плачет. Анна медленно подходит к телефону, набирает номер.

Анна. Алло, скорая? Пришлите, пожалуйста, машину по адресу Тицианштрассе, 33.

На полу лежит Ханс, рядом с ним — его мать, Хайде. Ханс лежит как мертвый.

В машине.

Ночь. В машине на заднем сиденье — Ирмгард и Карл. Ирм закуривает сигарету.

Ирм. Я еще никогда... Я еще никогда этим не занималась.

Карл. Это все так говорят.

Ирм. Вы вульгарны.

Карл. Каждому хочется удовольствия. Так куда?

Ирм. Не знаю. К вам?

Карл. Нельзя, к сожалению. Моя жена дома.

Ирм. Ах, так вы женаты?

Карл. Да. А вы что, нет?

Ирм. Да нет... я замужем.

Квартира Эппа.

Ирм и Карл голые лежат в постели, занимаются любовью. Ирм стонет в экстазе. Дверь приоткрывается, заглядывает Рената.

Рената. Мама!

Ирм испуганно вздрагивает. Рената некоторое время смотрит на мать и медленно уходит. Ирм встает, подходит к окну, начинает всхлипывать. Карл лежит в постели, смотрит на нее, ухмыляется. Ирм стоит у окна и плачет.

В больнице:

В коридоре Ирм и медсестра, рядом с ними — Рената.

Ирм. Ну как он?

Медсестра. Ему пока еще нельзя разговаривать.

Ирм. Я принесла ему виноград. Ему можно?

Медсестра. Нет.

Ирм. Он очень любит виноград. *(Отдает сестре пакет.)* Может, отдадите какому-нибудь другому больному. К кому никто не приходит.

Медсестра. Ах, знаете, таких здесь хоть отбавляй. Большое спасибо. Девочка пусть пока побудет здесь. Дети ведут себя беспокойно.

Ирм *(Ренате)*. Подожди пока здесь, ладно? *(Рената кивает.)*

Ирм входит в палату. На кровати лежит Ханс. Сестра закрывает за Ирм дверь.

В коридоре остаются Рената и медсестра.

Рената. Мой папа умрет?

Медсестра. Знаешь, все люди умирают, одни — раньше, другие — позже.

Рената молча смотрит на медсестру.

В палате на кровати лежит Ханс, рядом на стуле сидит Ирм.

Ирм. Я принесла тебе виноград, но сестра сказала, что тебе нельзя. Я отдала его сестре, чтобы она передала какому-нибудь больному, у которого здесь нет родственников.

Ханс с трудом кивает головой.

Медсестра *(открывает дверь)*. Фрау Эпп, уже пора.

Ирм. Уже иду. *(Встает, смотрит на Ханса.)* Я завтра опять приду. Поправляйся. Я останусь с тобой.

Ханс смотрит на нее. Ирм кивает ему головой и выходит. Ханс смотрит ей вслед. В коридоре Ирм стоит, прислонившись к двери, около нее — медсестра.

Ирм. Он очень плохо выглядит.

Медсестра. Но ведь он очень болен, фрау Эпп.

Ирм. Ну пошли... *(Оглядывается.)* А где же Рената?

Медсестра. Только что была здесь.

Ирм *(идет по коридору, повсюду заглядывая)*. Рената! Рената! *(Но девочка пропала.)*

Квартира Анны.

На диване сидят Анна и Рената. Слева стоит телефон.

Анна. Не надо плакать. Твой отец поправится. Если он захочет. У твоего отца медвежье здоровье.

Звонит телефон, Анна берет трубку.

Рената. А если он умрет?

Анна. Я же тебе сказала — он будет жить, если сам этого захочет. *(По телефону.)* 13-37-48, да, она здесь, Ах да, ей сестра что-то там глупое сказала.

Рената смотрит на Анну.

Анна *(по телефону)*. Что? Так. А как он? До скорого. *(Кладет трубку, обращается к Ренате.)* Твоя мать беспокоится. Значит, ты мне солгала?

Рената *(кивает)*. Извини, пожалуйста.

Анна *(снова садится рядом с ней)*. Ну ладно.

Рената. Я не могу понять, что ты мне сказала.

Анна. Что?

Рената. Что... что мой папа будет жить, если сам этого захочет.

Анна. Видишь ли, люди не всегда хорошо относились к твоему отцу.

Рената. Кто?

Анна. Ах, оставь.

Рената. Нет, скажи. Тетя Анна, скажи мне сейчас.

Анна. Нет, Рената, может, попозже. Может, я скажу тебе как-нибудь в другой раз. *(Она ложится на диван.)*

Наплыв. На лестничной площадке.

Анна с раскрытой книгой в руках, читая на ходу, поднимается по лестнице.

Ханс сидит на лестнице. Анна замечает его лишь тогда, когда уже прошла мимо.

Анна. Почему ты не идешь домой?

Ханс. Я больше не пойду домой. Я... я завербовался в иностранный легион. Я здесь больше не выдержу. Мать, школа... Знаешь, я...

Анна. Но ты же не можешь... Тебя отправят на войну, Ханс, а там людей убивают.

Ханс. А мне это больше по душе, чем здесь, честно. *(Он встает.)* Они мне там денег дали. Вот. *(Отдает ей деньги.)* Купи себе что-нибудь. *(Он мчится вниз.)*

Анна. Ханс!

Она бежит за ним, спотыкается и падает. Лежит на полу в том же положении, что и в предыдущей сцене на диване. Она плачет.

Больница.

Ирм вместе с врачом спускаются вниз по лестнице.

Врач. Разумеется, ваш муж будет опять здоров, фрау Эпп. Совершенно здоров, но...

Ирм. Скажите мне, господин доктор, пожалуйста.

Врач. Видите ли, такой инфаркт ослабляет организм, понимаете? А от ослабленного организма нельзя многого требовать.

Оба останавливаются перед дверью кабинета.

Врач. А это означает, что ваш муж не может выполнять тяжелую работу. Ему нельзя поднимать тяжести. Вы должны обратить на это внимание. И вот что еще. Даже запах алкоголя для него смертелен. Абсолютно смертелен. На это вы тоже обратите внимание. Так. Ну мне пора. Вашему мужу я все объяснил, он в курсе. Вы можете пойти к нему. До свидания.

Врач поворачивается и уходит. Ирм остается одна.

Ирм *(про себя)*. Никакой тяжелой работы... Ничего не поднимать... *(Она хватается за сердце.)*

Медсестра *(подходит)*. Здравствуйте, фрау Эпп. Вам плохо?

Ирм. Нет-нет, спасибо.

Медсестра. Вам помочь?

Ирм. Уже прошло.

В палате.

Ирм сидит у постели Ханса. Она очень подавлена.

Ханс. Очень скверно, да?

Ирм. Как-нибудь справимся.

Ханс. Это ты так говоришь, а думаешь совсем другое.

Ирм. Нет, Ханс, мы обязательно справимся.

Ханс. Если б я чему-нибудь по-настоящему выучился, а так...

Ирм. Ничего. Вот смотри, я подыщу постоянное место для торговли. Тебе нужно будет только закупать фрукты, а я буду продавать, ну как?

Ханс. А как же с моей лицензией на свободную торговлю? И потом, оборот со свободной торговли намного больше, чем с прилавка. А новой лицензии нет. Кто знает, сможем ли мы прокормиться на выручку от твоей продажи. Э, нет. Это бесперспективно, поверь мне.

Ирм. А если мы кого-нибудь найдем?

Ханс. Помощника?

Ирм. Ну да. Он будет возить товар по дворам, будет получать от нас зарплату и проценты за оборот. А вся выручка будет идти нам.

Ханс. Здорово!

Ирм. Вот именно. И как я раньше до этого не додумалась! Мы будем даже больше зарабатывать, чем прежде. Намного больше.

Ирм встает и отходит к окну. Ханс смотрит на нее.

Ирм *(за кадром)*. Нам нужно только ку-

пить вторую тележку. И все. Ну это очень просто. Все будет хорошо.

Ирм отдергивает шторы на окне, в палату врывается яркий свет.

Ирм. Я так счастлива, Ханс, так счастлива. Ханс скептически смотрит на нее.

Задний двор — гараж.

Перед гаражом стоит овощная тележка. Ирм и продавец обходят ее, трогают.

Ирм. Четыреста?

Продавец. Э нет, шестьсот. Да вы сами увидите, сколько она вам за неделю принесет. Нет, только за шестьсот.

Ирм. Я даю вам четыреста пятьдесят и ни пеннига больше.

Продавец. Не, не, не... *(Ирм медленно идет по улице.)* Эй, стойте. Подите-ка сюда. *(Ирм возвращается.)* Двадцать лет назад я купил ее для своей подружки. Чтобы она крепко стояла на ногах. Она умерла... от водянки... Ладно, забирайте, только обращайтесь с ней хорошо. Так и быть, за пятьсот.

Ирм. Хорошо.

Квартира Эппа.

Ханс *(говорит по телефону)*. Да, Ранкештрассе, 9. Эпп. До скорого.

Он кладет трубку, проходит в комнату.

Ханс. Работа, правда, немного грязноватая. Вы когда-нибудь выполняли грязную работу?

Даниель. Да, там, где я побывал, повсюду грязь. Каир, Бейрут. Это такие страны, где нет такой чистоты, как здесь. Мне это знакомо. В общем, для меня это не проблема.

Ханс *(смеется)*. И где же это вы побывали?

Даниель. Под конец я попал в Египет и... оттуда пришлось бежать, когда это свинство там началось. Да, я почти везде побывал на Востоке, в Персии, Пакистане. Я грузовые транспорты возил. Повсюду.

Ханс. А теперь вы решили осесть в Мюнхене.

Даниель. Что?

Ханс *(за кадром)*. Решили остаться в Мюнхене?

Даниель. Да нет, я решил опять уехать.

Ханс. Но если вы сейчас ищете работу в Мюнхене.

Даниель. Видите ли, я не люблю долго сидеть на одном месте, это не по мне, понимаете?

Ханс. Да нет, я правда не понимаю.

Даниель. Ну в последние годы я всегда путешествовал.

Ханс. Но ведь вы ищете работу?

Даниель. Да, но временную, только временную.

Ханс. Скажите, а как вы себе представляете, сколько вы должны зарабатывать?

Зорр *(занял место Даниеля)*. Ну девятьсот.

130

Ханс *(за кадром)*. Многовато...

Зорр. Так ведь у меня квартира, новая обстановка, стиральная машина, потом, я коплю деньги на машину, ну и подружка, а она тоже стоит денег. Знаете, сколько она стоит? Ну и стиральная машина, я уже говорил. *(Звонит телефон.)* Нет, меньше девятисот никак нельзя, потому что мне нужно...

Ханс. Минутку. *(По телефону.)* Да, верно. Да, да, заезжайте, Ранкештрассе, 9, Эпп. Да, 9. До свидания. *(Кладет трубку.)* Скажите, а вы могли бы принести залог?

Зорр. Залог?

Ханс *(за кадром)*. Ну да, залог.

Зорр. У моей Муатты, хотя нет... лучше у моих стариков, у моей бабки, надо... надо к ним заглянуть... А сколько?

Ханс. Пять тысяч.

Зорр. Э, нет, не получится.

Ханс. Значит, нет?

Зорр. Нет, не пойдет.

Ханс. Понимаете, вы будете иметь дело с деньгами, которые вам не принадлежат. Поэтому я должен полностью доверять.

Мариан *(занял место Зорра)*. Кажется, мне здесь не повезло. Вы что же, хотите сказать, что вы мне не доверяете?

Ханс. Я этого не сказал.

Мариан. То-то.

Ханс. Скажите, а вы вообще когда-нибудь работали?

Мариан. Вообще-то да. Пожалуй, я пойду, в переднюю входит Ирм, снимает пальто, вешает в шкаф.

Ирм. Ханс, представь, я нашла тележку. Из комнаты выходят Ханс и Карл. Ирм стоит к ним спиной.

Ирм. За пятьсот. Он сначала запросил шестьсот. *(Поворачивается.)* Но меня не проведешь, я... *(Она замолкает на полуслове, смотрит на Карла, узнает его.)*

Ханс. Это господин Анциль. *(Кладет Карлу руку на плечо.)* Господин Анциль будет у нас работать.

Ирм *(смотрит на Карла)*. Здравствуйте.

Карл. Здравствуйте... Ну, пожалуй, я пойду. До свидания, господин Эпп. *(Протягивает ему руку.)* До свидания, фрау Эпп. *(Идет к двери.)*

Ханс. До завтра.

Карл *(в дверях)*. До завтра. Пока.

Ханс. Пока.

Ханс уходит в кухню. Ирм все еще смотрит на Карла. Тот ухмыляется и выходит.

В спальне.

Ирм раздетая лежит на постели. Ханс в нижних трусах ставит пластинку «Буона notte».

Ирм. А он надежен?

Ханс. Кто?

Ирм. Этот Анциль. Мне он показался чем-то похожим на преступника.

Ханс. Да? Не знаю. Мне он нравится. Ханс выключает верхний свет, включает ночник, снимает трусы и ложится рядом с Ирм. Оба слушают музыку.

Ханс. Помнишь?

Ирм. Да. *(Смеется.)* Ты был такой смешной. *(Ханс отворачивается.)*

Ирм. Не сердись. Ты мне сразу понравился. *(Она гладит его волосы, целует в затылок.)* Хотя ты и был ниже меня ростом. И ты все время пел эту песню. И ты был такой смешной. Но я сразу поняла, что ты мне нравишься.

Ханс поворачивается к ней и целует ее.

Двор.

Ханс и Карл.

Ханс. Вообще-то это очень просто. Только в твоём голосе должны звучать доверительные нотки, будто ты давно знаком с этими людьми. Попробуй.

Карл. Сливы, прекрасные сливы! Марка двадцать за кило. Прима, прима, прима! Спецтовар!

Ханс. Продолжай. Пошли.

Карл. Свежие сливы, марка двадцать за кило. Свежие сливы, марка двадцать за кило!

Ханс. Хорошо, хорошо, правда. Только не очень сердечно.

Карл. Вообще-то это трудновато, а? Чтоб громко и сердечно.

Ханс. Да уж.

Карл. Ладно. Сливы, прима сливы! Покупайте, люди! Спецтовар только за марку двадцать кило. Подходите, подходите, покупайте, только одна марка двадцать за кило.

Торговая палатка.

Ирм отпускает товар покупательнице. Подъезжает Ханс на микроавтобусе, выходит.

Ирм. Привет!

Ханс. Тебе что-нибудь нужно?

Ирм. Два ящика слив.

Покупательница *(обращаясь к Ирм)*. Это ваш муж? *(Ханс улыбается женщине.)* У вас очень милый муж.

Ирм. Да, я тоже так считаю. *(Она подходит к Хансу, целует его в щеку, он смущается.)* С вас одна марка тридцать. *(Покупательница расплачивается.)* Спасибо.

Покупательница. До свидания. Желаю удачи на новом месте.

Ирм. Спасибо. *(Покупательница уходит.)* Ну как дела?

Ханс. Хорошо. Он справляется.

Ханс садится в машину.

Ирм. Ты куда?

Ханс. Посмотрим, как там.

Он уезжает, Ирм смотрит ему вслед.

Двор.

Во дворе стоит Карл с тележкой.

Карл. Сливы, прима сливы! Марка двадцать за кило. Покупайте, люди, покупайте!

1-я покупательница. Мне четыре кило, пожалуйста.

В глубине двора за углом прячется Ханс и наблюдает.

2-я покупательница. А вы новенький?

Карл. Да, я работаю у господина Эппа. Раньше он здесь продавал.

2-я покупательница. Ах да, это такой маленький со своей высокой женой. Ужасно, когда такой маленький мужчина женится на такой высокой женщине. У них наверняка возникают комплексы, как вы думаете?

Карл. Не знаю. По-моему, у них все в порядке. *(Подает ей кулек со сливами.)* С вас марка тридцать.

2-я покупательница. Спасибо, до свидания.

Карл. До завтра.

Ханс в своем укрытии что-то записывает в блокнот.

Карл толкает тележку дальше.

Ханс перебегает на другое место и занимает наблюдательный пост. Карл останавливается в следующем дворе.

Карл. Сливы, свежие сливы, марка двадцать за кило! Свежие сливы, покупайте, люди, покупайте! Только марка двадцать за кило! Свежие сливы!

3-я покупательница *(выходя из подвезда)*. Дайте мне два кило слив.

Карл. Момент.

Покупательница. Сколько с меня?

Карл. Две марки сорок. Марка двадцать за кило. *(Отвешивает сливы. Ханс из своего укрытия записывает.)*

Квартира Эппа, кухня.

Карл считает цифры в блокноте, где записано: «Понедельник — суббота. 79 ящиков слив». Карл быстро подсчитывает.

Ирм стоит у кухонного стола и готовит ужин. Ханс и Карл за столом, пьют пиво.

Карл *(даёт Хансу счёт)*. Вот.

Ханс. Мерси. *(Он сверяет цифры. Карл и Ирм переглядываются.)* Очень хорошо. Великолепный оборот. 1720,70 за неделю, очень хорошо.

Карл. Мерси. *(Смотрит на Ирм, та не глядит на него.)*

Ханс *(за кадром)*. Все в порядке.

Карл отдает Хансу деньги, Ханс выписывает ему квитанцию, которую Карл подписывает.

Ханс *(пересчитывает деньги)*. Порядок. Ты получаешь двести марок и пять процентов с оборота, это составляет... плюс 86 марок.

Карл *(прячет деньги в карман)*. Мерси.

Ханс *(берет стакан с пивом)*. Прозит!
Карл. Прозит!

Карл и Ханс пьют. Ирм смотрит на них. Карл идет к дверям.

Карл. Всего хорошего. Пойду домой, жена ждет.

Ханс. Пока. До понедельника.

Карл (*Ирм*). До свидания.

Ирм. До свидания. (*Карл уходит.*) Ну что?

Ханс. Он не обманул, если ты это хотела знать.

Ирм. А ты откуда знаешь?

Ханс. А я наблюдал за ним.

Ирм. Ты...

Ханс (*кивает*). Да.

Ирм (*смеется*). Ты за ним наблюдал?

Нет, честно, ты наблюдал за ним?

Ханс (*тоже начинает смеяться*). Да. И буду продолжать проверять его.

Ирм. Ты наблюдал за ним и будешь дальше проверять его. Ой, как это смешно.

Ханс. Да.

Ирм. Страшно смешно. (*Оба громко смеются.*)

Из своей комнаты выходит Рената с тетрадью в руках.

Рената. Папа, я не понимаю задачу.

Ханс (*за кадром*). Ну прочитай, что там?

Рената. Крестьянин Обермайер купил фуру сена. На своем грузовике он может перевезти только сорок центнеров. На сколько ему хватит сена, если корова в день съедает четверть центнера, а у крестьянина 62 коровы?

Крытый рынок.

В машине на переднем сиденье сидят Ханс и Ирм, сзади — Карл.

Ханс. Я быстро. У Цуккера всегда хорошие помидоры.

Он выходит из машины и скрывается в помещении. В машине остаются Карл и Ирм.

Карл. Ну? (*Пытается поцеловать Ирм, та отклоняется.*)

Ирм. Погоди, у меня идея.

Карл. Ну говори.

Ирм. Ты ведь при продаже можешь делать что хочешь, не так ли?

Карл. Ну да, в некоторой степени.

Ирм. Ты ведь мог бы брать больше за товар при расчете.

Карл. Ты считаешь...

Ирм. Вот именно. А что останется сверх, поделишь со мной. Иногда и у меня появляются желания, я могла бы их осуществить.

Карл. А я хочу спать с тобой... Я... страшно хочу тебя.

Ирм. Потом. Обещаю. (*Смотрит.*) Осторожно.

К машине подходит Ханс.

Ханс. Цуккер говорит, если я у него сразу возьму пятьдесят ящиков, он отдает мне ящик за два пятьдесят. А у некоторых по три пятьдесят. Ну как, взять?

Ирм. Обязательно.

Ханс. А мы их продадим за неделю?

Карл. За неделю я продам сорок ящиков, остальные продаст она.

Ханс. Тогда пошли.

Карл вылезает из машины. Ирм смотрит им вслед.

Двор.

Карл. Покупайте, люди, покупайте, великолепный товар! Восемьдесят пфеннигов за кило! Покупайте, покупайте! Выгодная цена!

К тележке подходят покупатели, Карл взвешивает товар.

Ханс в своем укрытии записывает в блокнот.

Квартира Эппа.

В кухне за столом сидят Ханс и Карл. У плиты — Ирм. Карл подает Хансу счет.

Ханс. Ты продавал килограмм за шестьдесят пфеннигов, так?

Карл. Да. Ты ведь назначал цену. Шестьдесят пфеннигов за килограмм. (*Ханс переводит взгляд с Карла на Ирм.*) А что, не сходится что-нибудь?

Ханс. Да нет, все сходится... А что бы ты сказал, если я тебе сейчас скажу, что ты продавал по восемьдесят пфеннигов, а не по шестьдесят за килограмм?

Карл смотрит на Ирм, та отворачивается, потом смотрит на Карла и усмехается. Карл швыряет деньги на стол.

Карл. Здесь все. Я беру себе только двести марок, я их заработал.

Карл идет к дверям. Смотрит на Ирм, потом неожиданно влепляет ей пощечину.

Карл. Шлюха!

Ирм. Ханс! Помоги!

Ханс (*вскакивает из-за стола*). Не трогай мою жену!

Карл. Это она мне сказала, чтобы я...

Ирм. Это ложь! (*Пытается ударить Карла. Ханс разнимает их.*)

Карл. Она мне сказала, чтобы я продавал подороже, а выручку делил с ней.

Ирм. Это грязная ложь!

Карл. А когда ты был в больнице, она со мной путалась.

Ирм. Не верь тому, что он говорит. Он хочет нас с тобой поссорить, потому что сам меня домогается.

Карл задерживается в дверях, Ханс смотрит на него.

Карл. Ну и жена у тебя, нечего сказать. Он уходит. Ханс отходит к окну.

Ирм. Ханс! Ты ведь не поверил тому, что он сказал?

Ханс (*не поворачиваясь*). Конечно, нет.

Наплыв. В лесу.

В лесу стоят Ингрид с большим букетом роз и Ханс.

Ингрид. Да нет, Ханс, я тебя люблю,

правда, люблю. Но с твоей профессией... Мой отец... Не могу же я ему сказать, что хочу выйти замуж за торговца фруктами. Который с тележкой ходит по дворам.

Ханс. А я думал, что там, где любовь... *(Опускает голову.)*

Ингрид. Больше не надо встречаться, ладно? И будь разумен.

Она уходит, потом останавливается и смотрит на него.

Ханс. А я тебя так люблю.

Кафе.

За столом сидят Ханс и Цуккер, они обедают.

Ханс. Ты никого не знаешь, кому можно доверять? Кому я мог бы доверить торговлю во дворах?

Цуккер. Трудно. Сейчас надежных людей мало. А если ты без конца следить за ними будешь, так лучше самому продавать.

Ханс. Верно.

К столу подходит официант с подносом.

Гарри. Привет, Цуккер.

Цуккер. Привет, Гарри.

Гарри смотрит на Ханса и от неожиданности роняет поднос.

Ханс вскакивает.

Ханс. Черт возьми, Гарри!

Они обнимаются.

Ханс. Пошли, я познакомлю тебя с моей женой.

Гарри. Хорошо. *(Он срывает с себя фартук, бросает на пол. Обнявшись, оба уходят.)*

В машине.

Гарри. Семь лет я пробыл в Египте, женился там, маленькую лавку купил. А потом все полетело к черту. И брак, и лавка, все.

Ханс. А как ты оттуда выбрался?

Гарри. Из легиона? Бежал. Спустил два месяца после тебя. Черт, вот были времена! Машина отъезжает.

Торговый прилавок.

Ирм за прилавком. Она читает какой-то журнал.

Рядом останавливается машина. Из нее выходят Ханс и Гарри. Ирм их не замечает. Ханс подкрадывается сзади и закрывает ей глаза.

Ханс *(измененным голосом)*. Угадай, кто это?

Ирм. Ханс! *(Он открывает ей глаза.)*

Ханс. Позволь тебе представить моего друга Гарри. А это моя жена.

Ирм. Добрый день.

Гарри. Добрый день.

Ирм. Вы тот самый Гарри из легиона? *(Гарри кивает.)* Ханс много мне рассказывал про вас.

Гарри. Надеюсь, хорошее?

Ханс. Только хорошее. *(Обращаясь к Ирм.)* Он будет у нас работать.

Ирм. О, я очень рада.

Гарри. Спасибо. Большое спасибо.

Квартира Эппа. Спальня.

Ирм сидит перед зеркалом и накладывает ночной крем себе на лицо. В зеркале виден Ханс, лежащий на постели.

Ханс. За этот месяц мы заработали почти две тысячи марок. Гарри в порядке.

Ирм. А я ничего и не говорю. Только вот то, что он у нас живет... я не знаю.

Ханс. Гарри — мой друг. И потом, его почти дома не бывает. Уж извини, но вот что еще. За шесть недель он нас ни разу не обманул. Ни разу.

Ирм *(поворачивается)*. Да я ничего против него не имею, Ханс. Но в такой квартире, мы все-таки семья, необходимо место, куда другому путь заказан. Так ведь?

Ханс. Гарри останется, сколько ему самому захочется. Запомни.

Ирм опускает голову. Ханс смотрит перед собой. Ирм встает, идет к постели, ложится спиной к Хансу, гасит ночник на своем столике. Ханс смотрит на нее, потом гасит свет.

У прилавка.

Ирм продает покупательнице товар. Позади прилавка стоит машина, в которой сидит Ханс, уставившись в одну точку.

Покупательница. Что это с вашим мужем?

Ирм. Ах, он стал какой-то слишком спокойный. Но это ему даже больше идет, вы не находите?

Покупательница. Да, мне уже несколько раз бросалось в глаза, что он стал какой-то странный. Будто он болен.

Ирм. Нет-нет, право, нет. Он просто спокойный. *(Подает ей кулек.)* С вас марка девяносто.

Покупательница. Здравствуйте, господин Эпп.

Ханс смотрит на покупательницу, мучительно улыбается.

Ханс. Добрый день.

Покупательница *(обращаясь к Ирм)*. Ну что ж, до свидания, до завтра.

Ирм. До свидания.

Покупательница уходит. Ирм берет раскрытый журнал и начинает читать. Ханс смотрит в одну точку.

Квартира Эппа.

В кухне за столом сидит Гарри и что-то считает. Ханс смотрит в окно.

Гарри. Ну вот, готово.

Ханс не реагирует. Гарри вопросительно смотрит на Ирм, которая стоит у кухонного шкафа.

Ирм. Ханс, Гарри хочет тебе сдать отчет. Ханс *(не оборачиваясь)*. Займись этим ты. Мне что-то не хочется.

Ирм. Как скажешь. *(Она подсаживается к Гарри.)*

Гарри. Итак: с понедельника по среду были помидоры, всего на сумму 612 марок 30 феннигов. Четверг и пятница...

В дверь стучат. Появляется Рената.

Рената. Папа, я задачу не понимаю. Помогите, пожалуйста.

Ирм и Гарри смотрят на Ханса, тот не реагирует. Рената смотрит на отца. Ханс поворачивается, не замечая Ренаты, проходит мимо нее и выходит из комнаты.

Гарри. Ладно, подожди, я сейчас закончу и помогу тебе.

Рената низко опускает голову.

Аллея над рекой.

Ханс медленно бредет по аллее, один, наедине с природой. Садится на скамейку. Звучит музыка Фассбиндера «Маленькая любовь».

Квартира Ингрид.

В комнате Ингрид. Ханс и Ингрид раздеваются. Неожиданно Ханс останавливается.

Ингрид. Нам надо поторопиться, муж скоро вернется. Кто бы мог предположить, что ты заявишься именно сегодня. После столько месяцев.

Ханс. Восемь.

Ингрид. Что?

Ханс. Восемь месяцев.

Ингрид. Да. *(Ложится.)* Ну что же ты? Что с тобой?

Ханс. Не знаю.

Ингрид. Тогда раздевайся и иди ко мне. Иди же. У тебя неприятности?

Ханс. Нет.

Ингрид. Но что-то с тобой происходит.

Ханс. Не знаю. Просто не хочется.

Ингрид. Ну ладно, иди. Ну пожалуйста. Ханс не реагирует, медленно встает и начинает одеваться.

Звучит «Маленькая любовь».

Ингрид грустно смотрит на него. Ханс идет к двери, останавливается, хочет что-то сказать, но после некоторого колебания молча выходит. Ингрид закрывает лицо руками.

В квартире Анны.

Анна сидит за столом, неподалеку от нее — Ханс. Он смотрит на нее.

Анна. Я могу для тебя что-то сделать?

Ханс. Нет-нет, а я могу приготовить тебе кофе. Ты ведь очень занята.

Анна. Да. Кофе там.

Ханс отходит к шкафу, включает кипятильник.

Анна. У тебя неприятности?

Ханс. Нет-нет, никаких неприятностей. Анна. Много работы?

Анна. Ах, знаешь, теперь за меня работают другие. А я много гуляю, думаю, кто знает, может быть, даже слишком много думаю.

Анна. Такого не бывает. Скорее, слишком мало думаешь.

Ханс. Возможно. Но меня это мучает.

Анна. Что?

Ханс. Ах, ничего. *(Приносит ей кофе.)*

Пожалуй, я пойду. Не хочу тебе мешать. Звучит «Маленькая любовь».

Анна. Ты мне не мешаешь. Просто мне завтра сдавать конспект.

Ханс. Я зайду в другой раз.

Анна. До скорого.

Ханс уходит. Анна задумчиво смотрит ему вслед, потом снова принимается за работу.

Квартира Эппа.

В кухне стол накрыт к обеду. За столом сидят Гарри и Рената. Ханс сидит у окна.

Рената *(читает)*. Король-лягушка. Принцесса плачет, она уронила золотой шар в колодец. Говорит ей толстая лягушка: «Не плачь. Я достану твой золотой шар, но за это ты будешь играть со мной...»

Гарри. Очень хорошо. А ты что скажешь, Ханс?

Ханс. Я? Прости, но я не прислушивался. *(Снова смотрит в окно.)*

Ирм стоит у кухонного стола и смотрит на Ханса.

Гарри *(Ренате)*. Можешь мне поверить, очень красивое сочинение.

Ирм. Так, обед готов. *(Подходит с миской к столу, садится.)* Ханс, садись. *(Тот не реагирует.)* Ты что, не хочешь есть?

Ханс медленно встает и выходит из комнаты. Все смотрят ему вслед. Гарри смотрит на Ирм. Рената переводит взгляд с Гарри на Ирм, потом опускает голову. Голос Анны. Он будет жить, если хочет жить. Знаешь, люди не всегда хорошо относились к твоему отцу.

В комнате Ханс ставит свою пластинку «Буона notte» и садится в кресло. Звучит музыка. Ханс снимает пластинку и разбивает ее. В дверь заглядывает Ирм. Ханс лежит в кресле с разбитой пластинкой в руках, он не замечает Ирм. Она тихо выходит.

Квартира Хайде и Курта.

Вся семья сидит за воскресным столом, пьют кофе.

Мать. Я всегда знала, что в конце концов мой сын добьется своего.

Ирм. За последний месяц у нас оборот составил 5000 марок.

Курт. 5000? Ну что ж, это вполне прилично.
Хайде. У Курта зарплата тоже повысилась. Я ведь могу об этом сказать, Курт, не так ли?

Курт. Разумеется. *(К Ирм.)* И сколько же отсаете вам с пяти тысяч?

Ирм. Свыше 2500, примерно 2620 марок.

Мать. Но гораздо важнее — это то, что ему не надо теперь самому ходить по этим ужасным дворам. Если быть честной, мне всегда было немножко стыдно. Когда меня спрашивали, чем, собственно, занимается мой сын, меня аж в жар бросало. Но теперь... Теперь я им довольна. Это уже можно назвать настоящей фирмой, то, что сейчас есть у вас, не так ли?

Ирм. Разумеется. Настоящая фирма. И самое позднее через два года мы планируем приобрести магазин, если ничто не помешает. Но сейчас у нас все по-другому, слава богу. Это будет большой магазин, с отделом декоративных и прочим.

Мать. Ах, как это прекрасно. Как я этому рада.

Курт. Ну что ж, это хоть как-то успокаивает. Хотя если внимательнее к этому подойти, то это еще не способ настоящего существования.

Анна. Да ну? А несколько месяцев назад в этой же комнате не вы ли все его за это презирали, а?

Хайде. Какая же ты злая. Ты всегда была злой.

Анна. Я не злая, я — честная. А вы его презирали. И в общем-то продолжаете презирать.

Ханс. Оставь их. Они где-то правы. Конечно, это не совсем надежный способ существования. Вот в полиции...

Анна. Ладно, пусть они правы. Но у них нет никакого права презирать тебя за это. *(Курту.)* Вот ты-то гораздо больше заслуживаешь презрения, Курт, гораздо больше.

Курт. Прошу тебя, Анна, перестань.

Хайде. Почему это Курт заслуживает больше презрения? Ты только болтаешь, а когда тебя спрашивают, уклоняешься от ответа.

Анна. Изволь. *(Смотрит на всех.)* А разве не достоин презрения тот, кто отвечает за газету, а сам не следует ее направлению?

Курт. Перестань, Анна. Это только твое предположение.

Анна. А ты следуешь ее направлению? Ну скажи, скажи!

Курт. Конечно, я следую ее направлению.

Анна. Ну и дурак. Еще глупее, чем я думала.

Мать. Я не выношу этот спор. Только вот что я тебе скажу, Анна. Курт — христианин. И его газета — христианская газета.

Анна *(скептически)*. Ха, христианская газета.

Мать. Ты не хочешь прислушаться к своей матери, ну что ж. Только поверь мне, жизнь наказывает упрямых. *(Она встает и идет к дверям.)*

Хайде. Вам надо отдохнуть, мама, я вас провожу.

Мать. Спасибо, детка, спасибо.

Они уходят. Анна смотрит на Курта, тот опускает голову.

В пивной.

Ханс сидит за столом со своими друзьями, Ирм и Гарри.

Он пьет рюмку за рюмкой. Перед ним на столе стоят двадцать наполненных рюмок.

Ирм *(в слезах)*. Ты умрешь, Ханс. Ты умрешь.

Ханс продолжает опрокидывать в себя рюмки, всякий раз приговаривая за здоровье присутствующих и отсутствующих друзей.

Ханс. Ну вот, за каждого выпил. А теперь за мою мать. За мою сестру Хайде, за зятя Курта, за мою сестру Анну, за мою дочь. А эту — за мою самую большую любовь. Эту — за полицию. Эту — за гимназию, а эту — за легион. *(Все рюмки уже пусты.)* Гарри! Ты — единственный человек! Но и ты тоже свинья.

Гарри. Да ладно, все мы свиньи.

Ханс. Верно. Но и ты тоже свинья, ма-а-ленькая такая свинья. А ведь ты желал мне самого лучшего. Помнишь Марокко, срок седьмой год?

Наплыв. Марокко, 1947 год.

Ханс привязан к дереву. Высокий араб бьет его плетью.

Араб *(по-французски)*. Где отряд?

В укрытии, недалеко от дерева, прячутся два легионера.

1-й легионер. Ему надо помочь.

2-й легионер. Погоди, посмотрим, что дальше.

Ханс *(с веревкой во рту)*. Не знаю. *(По-французски.)*

Араб *(по-французски)*. Если скажешь, где отряд, отпущу. Слово даю. Слово! Слово даю!

Ханс *(по-французски)*. Не знаю.

Араб. Как хочешь. *(Снова начинает бить.)*

Ханс *(кричит)*. Я скажу! Прекрати! Прекрати!

Араб. Говори!

Ханс. У Моссы.

Араб. Верю.

Араб достает большой пистолет и направляет его на Ханса. Тот смотрит с надеждой на пистолет. Палец араба на спуске.

Ханс. Ну стреляй! Стреляй же! Стреляй! Звучит выстрел, араб падает. К Хансу под-

бегают два легионера и освобождают его.
1-й легионер. Да помоги же ему!
2-й легионер. Мы не могли раньше.
Ханс. Почему вы не дали мне умереть?
Почему вы не дали мне умереть?

Пивная.

Голова Ханса падает на стол и опрокидывает пустые рюмки.

Ирм (*вскакивает*). Ханс!

Гарри подходит к Хансу, трогает, смотрит в его глаза.

Гарри. Он мертв.

Ирм плачет. Гарри отпускает Ханса, и его тело безжизненно снова падает на стол.

Кладбище.

После погребения все провожавшие — мать, Курт, Хайде, Анна, друзья Ханса медленно расходятся. Последними уходят Ирм и Гарри.

В глубине кладбища одиноко стоит Ингрид. Гарри и Ирм останавливаются.

Гарри. Кто эта женщина?

Ирм. Какая?

Гарри. Там, под деревом.

Ирм оборачивается.

Ирм. Это самая большая любовь Ханса. Я ей позвонила. Я сейчас еду к свекрови. Поедем со мной.

Гарри. Хорошо, поедем.

Ирм делает приветственный жест рукой в сторону Ингрид. Гарри берет Ирм под руку, и они уходят.

Ингрид некоторое время стоит, глядя им вслед, потом медленно идет меж могил к выходу.

В машине.

Гарри сидит за рулем, Ирм рядом, сзади — Рената.

Ирм. Ты знаешь дело, я одна не справилась бы. И ты умеешь ладить с Ренатой, ты ее любишь. Не знаю, как ты ко мне относишься, ну любишь ли ты меня... но... ты мне очень нравишься. Если мы останемся вместе, это будет самое лучшее для всех нас, поверь мне. Для тебя, для меня и прежде всего для Ренаты.

Гарри (*после паузы*). Согласен.

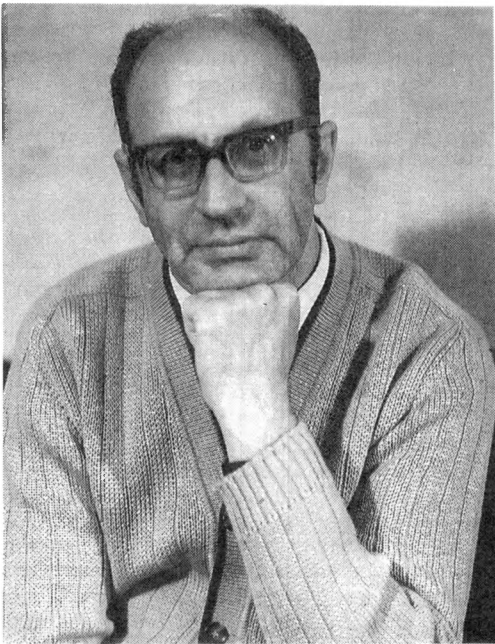
1972 г.

*Издательство Авторов,
Франкфурт-на-Майне, 1990 г.*

*Вступительная статья и перевод
Е. Иванчиковой*

Валерий
ФРИД

НЕ ПАЙКОЙ ЕДИНОЙ...

В самых разных местах, в самых вроде бы неподходящих условиях — во время этапа в «красухе», то есть в товарном вагоне, в пересыльных тюрьмах и лагерных бараках — я всегда убеждался, что лишенным свободы людям искусство нужно как... ну не как хлеб, который, конечно, нужнее, но ведь не хлебом единым!.. Может быть, я выбрал неточное слово: строгие критики не сочли бы искусством наивные самодеятельные спектакли, сложенные в тюрьме песни, «романы», которые «тискали» — рассказывали — на нарах очкастые интеллигенты. Но, по счастью, в лагерях строгих критиков было не так уж много, меньше, чем профессиональных актеров, певцов, музыкантов. А лагерная публика была снисходительна, рада и непрофессионалам.

Моя первая после ареста встреча с искусством состоялась зимой сорок пятого на Большой Лубянке, в камере № 28. На арестантском жаргоне эта тюрьма называлась «гостиница» — в отличие от «гимназии», областной тюрьмы на Малой Лубянке. Говорили, что до революции это действительно была гостиница страхового общества «Россия». В камерах высокие потолки, паркетные полы и не нары, а металлические кровати. В нашей двадцать восьмой проживало пять человек и оставалось место для шестого. Свято место пусто не бывает, и однажды я проснулся от лязга железа: это надзиратель вносил шестую кровать. Новый жилец стоял тут же с узелком в руке и неуверенно улыбался. Был он невысок, лысо-

ват и лицом похож, не в обиду ему будет сказано, на еврея (оказалось — цыган).

— Здравствуйте, — сказал он мне (остальные спали).

— Здравствуйте. Вы москвич?

— Я ленинградец, но вы меня знаете. Я Вадим Козин.

— А-а, — пробормотал я и заснул.

Настоящее знакомство состоялось наутро. Новый сосед явно хотел понравиться: был приветлив, предупредителен, даже предложил оттереть носовым платком стену, потемневшую от въевшейся в краску пыли.

— Тюремную стену драть?! — зарычал Иван Пантюков, бывший лагерник, привезенный на переследствие. — Да пошли они все... — Он объяснил куда.

Несколько смутившись, Козин переменял тему. Положил шелковый платочек на подушку, уголок подушки повязал бантиком (как только ухитрился пронести ленточку, ведь даже шнурки от ботинок отбирали!), отошел, полюбовался и, кокетливо склонив голову, сообщил:

— Вообще-то я должен был родиться женщиной...

Про свое дело он рассказывал так: обиженный на ленинградские власти, которые не помогли во время блокады его родственникам, Козин написал в своем дневнике, что, знай он про такое бессердечие, остался бы в Иране. (Он ездил туда давать концерты для советских воинских частей. Иранские антрепренеры делали ему лестные предложения, но он из патриотизма отказывался.) Эта за-

пись неведомыми путями попала в руки «органов», и артиста, естественно, посадили.

Недавно в одном из интервью я прочитал другую версию — об отказе петь про Сталина или что-то вроде этого. Но нам Вадим Алексеевич об этом не говорил.

Освоившись в камере, Козин стал петь для нас — вполголоса, чтоб не услышал надзиратель. Пел он удивительно приятно. Пел знаменитую «Осень», «Дружбу» и даже — по-английски — «Ю ар май лаки стар». Ну и старинные цыганские романсы: из его рассказов выходило, что он был внуком или внучатым племянником не то Вари Паниной, не то Вяльцевой, не то их обеих.

Однажды Вадим Алексеевич пришел с очередного допроса очень расстроенный. Ходил по камере и жалобно повторял:

— Какие мерзкие бывают люди!.. Какие мерзкие!

Оказалось, у него была очная ставка с аккомпаниатором Ашкенази. Козин в лицах изобразил разговор следователя с пианистом.

Вопрос следствия:

— Свидетель Ашкенази, в каких отношениях вы были с Козиним?

Ответ:

— В очень плохих. Он отказался вывезти мою семью на Урал, хотя как руководитель культбригады имел такую возможность.

— Пытались ли вы ему мстить?

— Да, пытался.

Вопрос следствия:

— Каким образом?

Ответ:

— Аккомпанируя ему в концертах, я брал на два тона выше, и он должен был петь в несвойственной ему tessiture...

Мы восприняли эту тесситуру юмористически, но Козину было не до смеха: ведь это ему, а не нам, приходилось петь в несвойственной тесситуре. Говорят, это очень мучительно.

А в общем, он был очень удобным сокамерником, и мы искренне огорчились, когда «камерные концерты», как мы их называли, подошли к концу. Следователь объявил Козину, что его дело закончено и он поедет в дальневосточные лагеря. Вадим Алексеевич, озабоченный предстоящей неблизкой дорогой, советовался с нами, какую из шапок надеть: одна, кажется, была из выдры, другая бобровая. Но тот же Пантюков объяснил со свойственной ему грубой прямоотой, что можно не тревожиться: какую ни наденет, все равно блатные отнимут...

Судьба козинской шапки мне не известна. А о самом Вадиме Алексеевиче лет через пять, уже в Каргопольлаге мне рассказал один зек, приехавший к нам из Магадана. Местное начальство встретило Козина хорошо. Он был расконвоирован и с большим

успехом выступал в лагерном театре, пока не случился такой казус: во время концерта какой-то офицер — пьяный, надо полагать, — восторженно заорал:

— Да здравствует товарищ Козин!

Это не понравилось генералу, начальнику лагеря, — Козина законвоировали и отправили на общие работы.

Вообще-то нелегко было угадать, что лагерному начальству понравится, а что нет. Мой приятель Яшка Хромченко, бывший московский студент, рассказал, что он сочинил новые слова на мотив утесовской песенки. Что-то вроде:

Ну а если сюда, к нам сюда попадете
На казенные наши харчи —

Вот посмотрим тогда, что тогда запоете,
Дорогие мои москвичи!..

Это у них на лагпункте исполнялось со сцены, и офицеры благодушно посмеивались. Зато подлинное слова известной в те годы песни «Приезжай, товарищ Сталин, приезжай, отец родной» вызвали гнев начальства, и песню петь запретили. Вероятно, вид хора, составленного из доходяг в лагерной одежде, плохо соответствовал приглашению «приезжать, полюбоваться, как мы славно здесь живем».

А в Инте, в Минлаге, я был очевидцем того, как Печковскому, ленинградскому тенору, — местное начальство запретило исполнять коронный номер «Гори, гори, моя звезда». Говорили, потому, что это был любимый романс адмирала Колчака.

Впрочем, там и среди зеков нашелся строгий ценитель, которого запрет не огорчил. Это был Абрам Ефимович Эйслер, ленинградский инженер, сын капельмейстера императорской «Мариинки». Абрам Ефимович не был поклонником Печковского:

— Он же безбожно детонирует, выезжает только на фортиссимо, — втолковывал мне Эйслер.

Чуть отвлекаясь от темы, расскажу о самом Абраме Ефимовиче. Красивый, ироничным профилем и усиками похожий на французского киноактера Адольфа Менжу, он был не только знатоком музыки, но и страстным пушкинистом. О каждом дне жизни Пушкина он мог рассказать со всеми подробностями.

Однажды мой друг и одноделец (а впоследствии и соавтор) Юлий Дунский проснулся среди ночи и увидел, что Эйслер сидит пригорюнившись на нарах, о чем-то думает. Юлик не очень удивился: человеку уже под семьдесят, а срок у него двадцать лет — есть о чем подумать. Но на всякий случай спросил:

— О чем вы, Абрам Ефимович?

— Понимаете, Юлик, мне вот пришлось в голову: если бы он женился не на этой бляди

Гончаровой, а на Анне Петровне Керн, сколько он мог бы еще прожить и сколько написать!

По политическим убеждениям Абрам Ефимович был монархистом. Мы с Юликом спросили его как-то раз:

— Как вы ухитрились оставаться на воле до пятьдесят первого года? С такими-то убеждениями.

Старик серьезно ответил:

— У меня были очень качественные знакомые.

Но вернемся к основному сюжету. А. Я. Каплер, до Инты (где он был вместе с нами) побывавший в Воркуте, рассказывал, что там был смешанный театр, в котором играли и зеки и вольняшки. В тех лагерях, где бывал я, такого не было. Была самодеятельность — концерты и кое-где любительские спектакли. Когда к пятидесятым годам произошло жестокое деление на мужские и женские лагункты, у нас, как в шекспировские времена или как в театре Кабуки, — женские роли исполнялись мужчинами. Имелась у нас и «примадонна» Боря Окороков. Это был плечистый красивый парень, шахтер, с загрубелыми большими руками и нежными прямо-таки девичьими глазами. Смешное и трогательное зрелище: Боря в роли обольстительной шпионки в какой-то из тогдашних модных пьес.

Профессионалов высокого класса, кроме Козина и Печковского, я не встречал. Хотя самые добрые слова могу сказать об аккордеонистке (на воле, думаю, она была пианисткой) Наташе Лавровской, о конференсье Самуильчике, работавшем в обаятельной манере молодого Аркадия Райкина, о талантливой и редкостно красивой Ларисе Донати, о ленинградской кукольнице Софье Каминской. В лагере она переквалифицировалась в драматическую актрису. Сам я дебютировал в качестве ее партнера. И опозорился: двигался скованно, текст произносил тихо и невнятно, так что из зала кричали: «Громче, громче». (Весь мой театральный опыт ограничивался участием в школьном драмкружке, где я тоже не блистал.) Софа утешала меня, как могла.

Потом, правда, освоился и играл роли молодых лейтенантов (я и сам был не стар, двадцать три годика). Моему успеху немало содействовал присланный в посылке отцовский офицерский китель. Он был очень убедителен: встретив меня возле барака, туповатый старичок-надзиратель обратился ко мне:

— Гражданин начальник, который час?

В Каргопольлаге, на 15-м ОЛПе, начальником КВЧ был добродушный, не шибко грамотный старшина. Про него рассказывали, что однажды он так объявлял спектакль:

— «Женитьба» Гоголя, сочинение Островского.

Может быть, байка, не знаю. Мне он поручил руководить самодеятельностью (по совместительству, работал я тогда в конторе). Старшина честно признался, что сам-то он в делах этих не того... Эх, если бы и в наши дни все руководители культуры, включая министров, были так самокритичны!

Я согласился, потому что на день спектакля, а иногда и на время репетиций нас осаживали от работы. Это было очень вдохновляющее обстоятельство, особенно для тех, кто вкалывал на общих работах.

В сборниках одноактных пьес, которыми снабжала нас КВЧ, действовали главным образом диверсанты и чекисты. И тех и других мы играли с одинаковой готовностью: к нашей жизни — а равно и ко всей советской реальности — содержание этих пьесок никакого отношения не имело. Герои их были чисто условными фигурами, все равно что ковбои и пираты.

Серьезные воры устраивали для себя свои «концерты» — в тюремных камерах, в воровских бараках-«шалманах». Иногда и нам, фраерам, случалось быть свидетелями этих представлений для избранного круга. И должен признаться: что-то в этом есть. Например, номер под названием «поезд». Вот как он описан в нашем с Миттой сценарии «Затерянный в Сибири».

«В проходе между нарами воры выстроились в затылок друг другу. Каждый держался руками за бока стоящего впереди и приплясывал, выкрикивая:

— Чу!.. Чу!.. Чу!..

Так изображалось пыхтение паровоза. А сам «паровоз», чернявый воренок, первый в цепочке, отбивал чечетку и пел пронзительным голосом:

Начальнику надо дать, помощничку тоже...

Начальнику надо дать, помошничку тоже!

— Чу!.. Чу!.. Чу-чу! — пыхтели задние.

Начальничку прохаря, помощничку шары.

А кто дверки открывал...

Фу! в обои фары! — гаркнули хором зрители. Темп пляски все нарастал, хвост «поезда» болтался из стороны в сторону, чечетку чернявый бил с немислимой быстротой. Он подтанцевал к параше, и «вагоны», вихляясь вправо-влево, подтянулись за ним».

Бывают в воровской самодеятельности и сольные номера. Как правило, среди блатных имеется цыган — по фене «мора»; видимо, от немецкого или испанского, то есть мавр.

— Мора, сбацай!

И Мора мастерски бацает, отплясывает цыганочку.

Цыганочку и поют — со своими вариациями:

Если б я была цыганка и умела бы гадать,
Нагадала б всем легавым
век свободы не видать!..

Иногда исполняется вокальный номер
«молитва Шамиля». В начале исполнитель
сидит по-восточному на пятках и, кладя
поклоны, медленно-медленно выводит без
слов мелодию той же цыганочки. Потом темп
убыстрятся и «Шамиль» поет почему-то:

Среди лесов и гор в кибитке мы живем,
Не знаем слез и горя и целый день поем...
Пускай богачка тебя полюбит,
Пускай владеет она тобой —
Но любить так она не будет,
Как я любила тебя, мой дорогой!..

Но это так, экзотика. А я помню, как в
июле сорок пятого на дворе «Красной Прес-
ни» — московской пересыльной тюрьмы
пел во время прогулки молоденький вор:

Слышу пенье жаворонка,
слышу трели соловья —
Это русская сторонка,
это родина моя!..

Пел замечательно, чистым мальчишеским
альтом. Окна камер были открыты настежь,
и мы, затаив дыхание, слушали невиди-
мого певца: его скрывали от нас «наморд-
ники». А когда песня кончилась, обитатели
всех перенаселенных камер, измученные жа-
рой и духотищей, восторженно заплодиро-
вали...

Ошибается тот, кто думает, будто воров-
ские песни состоят сплошь из мата и жар-
гонных словечек. Чаще всего жаргоном там
и не пахнет. Поются сентиментальные
баллады:

Я срок получу и уеду далеко,
Далеко, быть может, навсегда;
Ты будешь жить богато
и, может быть, счастливо,
А я уже нигде и никогда...

Поются — то есть пелись в мое время —
и старинные романсы из бабушкиного репер-
туара, слегка только переиначенные. Сначала,
как в старину:

Не для меня цветет весна,
не для меня Дон разольется,
И сердце радостно забьется
восторгом чувств не для меня.

Далее — опять по тексту — пере-
числяется все, что «не для меня», и только
под конец вступает тюремная тема:

А для меня — народный суд.
Осудят сроком на три года.
Придет конвой, придет жестокий,
и отведут меня в тюрьму.
А из тюрьмы — большой этап.
Угонят в дальнюю сторонку.
Свяжусь с конвоем азиатским,
побег и пуля ждут меня...

Поется все это с особенным блатным
надрывом, с придыханием:

И дева с черными бровя-а-ми,
она цве-ё-тет не для меня.

Но воровская музыка и поэзия — это
тема для другого разговора. А сейчас я
хотел бы повторить то, с чего начал:
для любого лагерника искусство — какое-
никакое — было, конечно, подспорьем, по-
могало жить, сохранять нормальные челове-
ческие чувства. Спасибо лагерным арти-
стам — певцам, рассказчикам, танцорам,
участникам концертов и спектаклей. Не
нужно преувеличивать, они, может быть, и
не сеяли «разумное, доброе, вечное», но
делали благо дело: огороженных колючей
провоолокой людей отвлекали от печальных
мыслей и очень скрашивали серую, а часто
черную лагерную действительность.

Лично для меня неожиданным подарком
судьбы — да что там, счастьем! —
была встреча на шестом году заключения с
моим однокурсником и однодельцем Юлием
Дунским. Последние четыре года срока мы
и тянули вместе и даже начали писать.
Вернее, не писать, а сочинять: писать было
бесполезно, все равно отберут при очеред-
ном шмоне — обыске. Поэтому сочиняли
мы стихи, их легче запомнить.

Восьмистишием из недописанной повести в
стихах «Враг народа» — это про таких, как
мы, конечно,— я и закончу:

Но о себе. Окончив институт,
Я снова начал курс десятилетки.
Уроки мне на пользу не идут —
Я всю пою, как канарейка в клетке.
Веселые минуты есть и тут,
Но до того минуты эти редки,
Что с нетерпением ученика
Я перемены жду... пардон, звонка!

Но может быть, следовало бы расска-
зать о себе и своем деле чуть подроб-
ней, чем это сделано в легкомысленных
восьми строчках?

С Юлием Дунским мы дружили с дет-
ства. Вместе учились во ВГИКе и потом вер-
нулись осенью сорок третьего в Москву.
Встретились со своими школьными прияте-
лями. Все сообща наболтали себе статью
58-10, 11 и 8 через семнадцатую — уча-
стие в антисоветской террористической
группе.

Кое в чем мы, действительно, были вино-
ваты. Например, Володя Сулимов, вернув-
шийся с фронта инвалидом, отказывался
верить, что его отца расстреляли в 1937 году
за дело; остальные с ним соглашались и
еще добавляли, что виноват, может быть,
сам Сталин, который единовластно правит
страной. За это совершать на него покуше-
ние мы, ясное дело, не собирались, но тем
не менее по своему «червонцу» получили.
Сейчас-то, конечно, лестно было бы сказать,
что за дело,— но чего не было, того не
было.

После того, как нам объявили решение
ОСО, всю компанию собрали в одной камере

пересыльного корпуса Бутырской тюрьмы, «церкви». Это действительно была когда-то тюремная церковь; в соответствии с требованиями времени ее переделали в жилой корпус.

И там, перед тем как разехаться по лагерям, мы все вместе сложили песню. Володя Сулимов работал до ареста помрежем на картине «Иван Никулин, русский матрос» и знал мелодию песни из этого фильма. Может быть, помните — «На ветвях израненного тополя»? На этот мотив мы и придумали новые слова — кто строчку, кто две, кто рифму, кто эпитет, сообщив в самом начале, что ...слова той песенки сложились

За бутырской каменной стеной.

Здесь опять собрался как прежде мы,
По-над нарами табачный дым...

(Это «по-над нарами» придумал, точно помню, Мишка Левин — теперь Михаил Львович, доктор физических наук.) Дальше шло:

Мы простились с прежними надеждами,
С улетевшим счастьем молодым.

Трижды на день ходим за баландою,

Коротаем в песнях вечера

И иглой тюремной, контрабандною,

Шьем себе в дорогу сидора...

Про контрабандную иглу придумал, по-моему, Юлик. А кончалась песня вопросом:

И когда домой еще воротимся

Из сибирских дальних лагерей?!

К сожалению, вернулись не все. Умерли в лагере Лешка Сухов и Володя Сулимов, а Юра Михайлов, первокурсник-вгиковец, умер вскоре после возвращения. Он, к слову сказать, был талантливым чтецом и с успехом выступал в лагерной самодеятельности — но это не уберегло его от тяжелейшего туберкулеза.

А что до песни, то, конечно, стихи слабоватые. Но я с удивлением и удовольствием обнаружил два куплета в «Архипелаге ГУЛАГ». А. И. Солженицын воспроизвел их не совсем точно — его ведь не было тогда с нами, через Бутырку он прошел двумя-тремя месяцами раньше. Но вот услышал же где-то!..

1991 г.

Этой фотографии около восемнадцати лет. Два неразлучных друга-соавтора Юлий Дунский и Валерий Фрид оба родились в 1922 году, вместе учились в школе, вместе сидели в лагерях, вместе закончили ВГИК, вместе написали множество сценариев: «Случай на шахте восемь», «Жили-были старик со старухой», «Красная площадь», «Служили два товарища», «Гори, гори, моя звезда», «Старая, старая сказка», «Вдовы», «Экипаж», «Человек меняет кожу», «Каждый десятый», «Шерлок Холмс и доктор Ватсон» и другие. Они и жили вместе — на одной лестничной площадке. «Жили» — потому что десять лет назад Юлия Теодоровича не стало. Свой семидесятилетний юбилей Валерий Семенович встречает один. Но в нашем сознании они так и остаются нераздельными: Фрид-и-Дунский — как один человек. И человек очень хороший, талантливый, замечательный.

С днем рождения Вас, Валерий Семенович!

Ваши почитатели

НАШИ АВТОРЫ

АНТОНИОНИ МИКЕЛАНДЖЕЛО (род. в 1912 г.) Закончил факультет экономики и коммерции университета в Болонье в 1935 году. Режиссерский дебют в кино состоялся в 1950 году, когда на экраны вышел художественный фильм Антониони «Хроника одной любви». Он также снял фильмы «Побежденные» (1952 г.), «Дама без камелий» (1953 г.), «Подруги» (1955 г.), «Крик» (1957 г.), «Приключение» (1960 г.), «Ночь» (1961 г.), «Затмение» (1962 г.), «Красная пустыня» (1964 г.), «Крупным планом» (1966 г.), «Забриски поинт» (1969 г.), «Профессия: репортер» (1975 г.), «Тайна Обервальда» (1980 г.), «Идентификация женщины» (1981 г.).

ВОЛОВИЧ ЮРИЙ САМСОНОВИЧ (род. в 1947 г.). Закончил Одесский электротехнический институт связи в 1969 г. По его сценариям поставлены фильмы «Бабушки надвое сказали» (1975 г., в соавт. с Я. Харченко, реж. В. Харченко), «Новые приключения Незнайки» (1981 г., в соавт. с И. Веткиной, реж. И. Апасян), «Не забудьте выключить телевизор» (1988 г., в соавт. с А. Ининым, реж. Н. Лукьянов), «Операция «Кооперация» (1990 г., в соавт. с А. Ининым, реж. Л. Гайдай).

ГАБРИАДЗЕ РЕВАЗ ЛЕВАНОВИЧ (род. в 1936 г.). Учился на факультете журналистики Тбилисского университета, затем работал в газетах Грузии. В 1968 г. закончил Высшие сценарные курсы Госкино СССР. Его перу принадлежат литературные сценарии художественных фильмов «Не горюй!» (1969 г., реж. Г. Данелия), «Необыкновенная выставка» (1969 г., реж. Э. Шенгелая), «Чудаки» (1974 г., реж. Э. Шенгелая), «Странствующие рыцари» (1976 г., реж. Т. Палавандишвили) и короткометражных фильмов «Серенада», «Кувшины», «Феола», «Белые камни» и др.

ГАЙДАЙ ЛЕОНИД ИОВИЧ (род. в 1923 г.). Закончил театральную студию в Иркутске в 1947 г. и режиссерский факультет ВГИКа в 1955 г. (мастерская Г. В. Александрова). Режиссер-постановщик фильмов «Жених с того света» (1958 г.), «Пес Барбос и необычный кросс» (1961 г.), «Самогонщики» (1962 г.), «Деловые люди» (по О. Генри, 1963 г.), «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (1965 г.), «Кавказская пленница» (1967 г.), «Бриллиантовая рука» (1969 г.), «Двенадцать стульев» (по роману И. Ильфа и Е. Петрова, 1971 г.), «Иван Васильевич меняет профессию» (по пьесе М. Булгакова «Иван Васильевич», 1973 г.), «За спичками» (по рассказу М. Лассисе, 1980 г.), «Спортлото-82» (1982 г.), «Операция «Кооперация» (1990 г.). Соавтор сценариев своих фильмов.

ДАНЕЛИЯ ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ (род. в 1930 г.). В 1955 году закончил Московский архитектурный институт, в 1958 г. — Высшие сценарные курсы. Совместно с И. Таланкиным им поставлен фильм «Сережа» (1960 г., сцен. В. Пановой, Г. Данелия и И. Таланкина) и самостоятельно — фильмы «Путь к причалу» (1962 г., сцен. В. Конецкого), «Я шагаю по Москве» (1963 г.,

сцен. Г. Шпаликова), «Тридцать три» (1965 г., сцен. В. Ежова, В. Конецкого, Г. Данелия), «Не горюй!» (1969 г., сцен. Р. Габриадзе), «Совсем пропащий» (сцен. В. Токаревой, Г. Данелия), «Афоня» (1975 г., сцен. А. Бородинского), «Мимино» (1977 г., сцен. Р. Габриадзе, В. Токаревой, Г. Данелия), «Осенний марафон» (1979 г., сцен. А. Володина), «Слезы капали» (1983 г., сцен. Г. Данелия, К. Булычева, А. Володина), «Кин-дза-дза» (1987 г., сцен. Р. Габриадзе, Г. Данелия) и др.

ИНИН АРКАДИЙ ЯКОВЛЕВИЧ (род. в 1938 г.). Закончил сценарный факультет ВГИКа в 1970 г. (мастерская К. Парамоновой). По его сценариям поставлены фильмы «Однажды двадцать лет спустя» (1980 г., реж. Ю. Егоров), «У матросов нет вопросов» (1984 г., реж. В. Роговой), «Отцы и деды» (1982 г., реж. Ю. Егоров), «Одиноким предоставляется общежитие» (1986 г., реж. С. Самсонов), «Единожды солгав...» (1987 г., реж. В. Бортко), «Операция «Кооперация» (1990 г., реж. Л. Гайдай) и др. Писатель-сатирик, автор нескольких книг юмористических рассказов.

НИКОЛАЕВ ГЕОРГИЙ ВИКТОРОВИЧ (род. в 1950 г.). Закончил Высшие сценарные курсы ГОСКИНО СССР (мастерская В. Жалакявичуса) в 1978 г. Автор сценариев художественных фильмов «Вечерний лабиринт» (1980 г., реж. Б. Бушмелёв), «Тринадцатый апостол» (1987 г., в соавт. с реж. С. Бабаяном), «Искусство жить в Одессе» (1989 г., в соавт. с реж. Г. Юнгвальд-Хилькевичем), «Лицом к стене» (1989 г., в соавт. с С. Бабаяном и М. Довлатяном. Реж. М. Довлатян), «Кровь» (1990 г., в соавт. с реж. С. Бабаяном). По сценарию «Звездный час по местному времени» реж. Н. Досталь поставил фильм «Облако-рай» в 1990 году.

ФАССБИНДЕР РАЙНЕР ВЕРНЕР (1946—1982). Крупнейший немецкий режиссер и сценарист. Снял 42 фильма, в том числе: «Страх съедает душу» (1973 г.), «Эффи Брист» (1974 г., по роману Фонтане), «Право кулака на свободу» (1974 г.), «Путешествие матушки Кюстерс на небо» (1974 г.), «Сатанинское зелье» (1976 г.), «Китайская рулетка» (1976 г.), «Отчаяние — путешествие в свет» (1977 г., по роману В. Набокова), «Замужество Марии Браун» (1978 г.), «В году тринадцать лун» (1978 г.), «Третье поколение» (1979 г.), «Лили Марлен» (1980 г.), «Лола» (1981 г.) «Тоска Вероники Фосс» (1982 г.), «Керель» (1982 г.).

ФРИД ВАЛЕРИЙ СЕМЕНОВИЧ (род. в 1922 г.). Заслуженный деятель искусств РСФСР. По сценариям, написанным им совместно с Юлием Теодоровичем Дунским (1922—1982), поставлены фильмы «Случай на шахте восемь» (1958 г., реж. В. Басов), «Ровесник века» (1960 г., реж. С. Самсонов), «Семь няnek» (1962 г., реж. Р. Быков), «Жили-были старик со старухой» (1965 г., реж. Г. Чухрай), «Служили два товарища» (1968 г., реж. Е. Карелов), «Красная площадь» (1970 г., реж. В. Ордынский), «Старая, старая сказка» (1970 г., реж. Н. Кошеверова),

«Тень» (1972 г., реж. Н. Кошеверова), «Высокое звание» (1973 г., реж. Е. Карелов), «Вдовы» (1977 г., реж. С. Микаэлян), «Псевдоним: Лукач» (1977 г., реж. М. Захариас); совместно с Ю. Дунским и А. Миттой — «Гори, гори, моя звезда» (1970 г., реж. А. Митта), «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (1976 г., реж. А. Митта), «Экипаж» (1980 г., при участии Б. Уриновского, реж. А. Митта); совместно с М. Вольпиным — «Сказка про влюбленного мальчика» (1987 г., реж. Н. Кошеверова) и др.

ХАЙТ АРКАДИЙ ИОСИФОВИЧ (род. в 1938 г.). По профессии инженер-строитель. В 1961 г. закончил МИСИ им. Куйбышева. С 1964 г. занимается профессиональной литературной деятельностью. Автор эстрадных спектаклей для веду-

щих артистов эстрады (Г. Хазанова, Е. Петросяна, В. Винокура). Создатель и бессменный автор популярной передачи «Радионяня». За прошедшие годы им написаны семь пьес, идущих на различных сценах страны, опубликовано пять книг. В кино в основном занимается «малыми» формами: автор более тридцати сюжетов киножурнала «Фитиль», целого ряда мультфильмов, из которых наиболее известны «Ну, погоди!» (реж. В. Котеночкин) и «Приключения кота Леопольда» (реж. А. Резников). За сериал «Приключения кота Леопольда» в 1985 г. удостоен звания лауреата Государственной премии СССР. Первый полнометражный фильм «Мой нежно любимый детектив» снят в 1985 г. на Гостелерадио СССР режиссером А. Симоновым по сценарию, написанному совместно с Г. Горинным.

---

*Серебряный век русской поэзии,
современные поэты и барды —*

В МИНИАТЮРНЫХ ИЗДАНИЯХ СПТО «СТАРТ»!

**Первая книжка Вашей мини-библиотеки
уже вышла — это сборник авторской песни
«От первого лица». А следом — стихи
Максимилиана Волошина, Евгения Рейна,
Юлия Даниэля и другие...**

**Поэтическую серию миниатюрных новинок —
продукцию СПТО «Старт» —
покупайте в фирменном магазине «Синема»**

по адресу: Москва, ул. Дружинниковская, д. 15, «Киноцентр»

ПЕЧАТАЕМ РЕКЛАМУ

СОДЕРЖАНИЕ

- Сценарии**
- 3 *М. Антониони*
КРУПНЫМ ПЛАНОМ
- 30 *Р. Габриадзе, Г. Данелия, А. Хайт*
ПАСПОРТ
- 51 *Г. Николаев*
ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ПО МЕСТНОМУ ВРЕМЕНИ
(ОБЛАКО-РАЙ)
- 75 *А. Инин, Л. Гайдай, Ю. Волович*
НА ДЕРИБАСОВСКОЙ ХОРОШАЯ ПОГОДА,
ИЛИ НА БРАЙТОН-БИЧ ОПЯТЬ ИДУТ ДОЖДИ
- 114 *Р. В. Фассбиндер*
ЛЮБОВЬ ХОЛОДНЕЕ СМЕРТИ
ТОРГОВЕЦ ЧЕТЫРЬМЯ ВРЕМЕНАМИ ГОДА
- Мемуары**
- 137 *В. Фрид*
НЕ ПАЙКОЙ ЕДИНОЙ...
- 142 **Наши авторы**

Над номером работали:

**Н. РЮРИКОВА, Л. МАРКОВА, Т. ПОКРОВСКАЯ,
И. АВЕТИСОВА, М. СЕРГИЕНКО,
И. ШОРСТКИНА, Н. БОЛЫЧЕВА**

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. По всем вопросам подписки и доставки журнала обращаться в местные отделения «Союзпечати». О типографском браке сообщать в Чеховский полиграфический комбинат.

Сдано в набор 28.10.91. Подписано в печать 20.01.92.
Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 15,6+0,32. Уч.-изд. л. 18,16.
Усл. кр.-отт. 16,24. Печать офсетная. Бумага типогр. «Сыктывкар».
Гарн. таймс. Заказ № 1778. Цена 2 р. 00 к.
Всесоюзное творческо-производственное объединение «Киноцентр»
123376, Москва, Дружинниковская ул., 15. Тел. 205-30-01.
Адрес редакции: 103006, Москва, Воротниковский пер. д. 12.
Телефон 299-47-74.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

2р.00к.
70434

1

КИНОСЦЕНАРИИ

1992